

Российский государственный гуманитарный университет

Мария Заламбани

ИНСТИТУТ БРАКА
В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

«Семейное счастье».
«Анна Каренина». «Крейцера соната»

Перевод с итальянского К. Ланда

Москва
2017

УДК 821.161.1
ББК 63.3(5)-7
3-22

Оформление обложки:

художник *Пьер Джузетте Гуццетти*
графическая переработка рисунков
Джанлука Сакки

- © Zalambani M., 2015
- © Firenze University Press, 2015
- © Pier Giuseppe Guzzetti,
иллюстрации, 2015
- © Ланда К., перевод на русский
язык, 2017
- © Издание на русском языке.
Российский государственный
гуманитарный университет, 2017

ISBN 978-5-7281-1881-7

Содержание

<i>Введение</i>	7
Литература и общество	11
«Семейное счастье»	25
Симптомы кризиса	27
Культурная обстановка. 1840-е и 1850-е годы	30
Общественное положение женщины в первой половине XIX в.	33
Женское образование	38
Французское влияние	44
Что такое «семейное счастье»?	49
«Анна Каренина»	53
Институт брака в «Анне Карениной»	55
Институт брака по расчету	57
Патриархальная семья	63
Развод во времена «Анны Карениной»	74
Перемены, принесенные реформами	80
На пути к новой семье	91
Рецепция романа «Анна Каренина» в России конца XIX в.	96
Критика в последней четверти XIX в.	98
Народническая и консервативная критика	101

Психологический и реалистический подходы	115
Суд над Анной	118
Критика и институт брака	124
Финал	130
<i>Чужой</i> роман	134
«Крейцера соната»	141
«Крейцера соната» и зарождение буржуазного брака	143
Буржуазная семья	151
Новая модель брака	160
Любовь и сексуальные отношения в рамках договора	166
Супружеская измена как угроза обществу	184
Развод в конце столетия	191
Дискуссия вокруг «Крейцеровой сонаты»	195
Критика со стороны церкви	199
Религиозные писатели и философы	207
Консервативная и народническая критика	214
Реакция простых читателей	219
Формирование новых сексуальных дискурсов	223
<i>Вместо заключения</i>	227
<i>Библиография</i>	233
<i>Именной указатель</i>	261
<i>Summary</i>	266

Введение

Целью нашей работы является изучение трех произведений Льва Николаевича Толстого – «Семейное счастье», «Анна Каренина» и «Крейцерова соната» – в историко-социологической перспективе: несмотря на существование огромного количества научной литературы о Толстом, этот аспект представляется еще недостаточно исследованным. В рассматриваемой нами «трилогии» отражается исторический переход от брака по расчету (контракта, заключаемого аристократическими семьями с целью сохранения имущества и укрепления политических союзов)¹ к буржуазному браку (союзу, основанному на чувствах), начавшему распространяться в России во второй половине XIX в. Выбранные нами произведения становятся ярким отражением этого перехода. «Семейное счастье» предвещает кризис брака по расчету, который со всей очевидностью проявится в «Анне Карениной», а в «Крейцеровой сонате» дается пример нового буржуазного брака.

Прочтение «трилогии» в очередной раз позволяет нам убедиться в существовании сложных взаимоотношений между литературой и обществом, которые, как показывают семиологи, историки и писатели, являют собой тесное переплетение множества связующих нитей и активно воздействуют на окружающую реальность. Литература не ограничивается отображением социальных событий и процессов, но содействует их возникновению.

---

¹ Князь Мещерский в романе «Лорд-апостол в большом петербургском свете» (1876) утверждает, что это выражение заимствовано из французского языка (*marriage de raison*), и поясняет, что оно обычно использовалось в высшем свете (Мещерский 1876. I: 252–253). О браке по расчету ср.: Институт брака в «Анне Карениной».

Знакомясь с исторической действительностью, проглядывающей между строк произведений Толстого, мы начинаем понимать, какое влияние его труды могли оказывать на поведенческие и ментальные структуры читающей публики в такой литературоцентричной культуре, как русская.

Выбор источников для нашего исследования был обусловлен необходимостью определить переходный и кризисный этапы института брака по расчету, а также этап его преобразования в брак по любви. Поэтому мы намеренно исключили из нашего списка «Войну и мир» – роман, который может считаться апологией брака по расчету, однако в список вошла «Анна Каренина», где не только описываются механизмы функционирования брака по расчету, но и выявляется его глубокая нестабильность. Выбор «Семейного счастья» был определен тем, что это произведение выявляет в институте брака истинную природу целого ряда проблем, угрозавших его существованию еще в первой половине XIX в. Наконец, в «Крейцеровой сонате» освещается новый исторический период, когда зарождается буржуазный брак, основанный на новом понимании любви, сексуальной и семейной жизни.

В первой главе мы вводим тему взаимодействия литературы и общества, показывая, насколько плодотворным оно было в России XIX в. Действительно, в царской империи, где гражданское общество не развивалось, как в остальной Европе, а общественным движениям и инициативам не удавалось повлиять на общественное мнение, как это происходило на Западе, уделом изящной словесности стало предлагать ответы на вопросы не только литературного, но и философского, исторического и социального характера. Русский роман XIX в., который выходил за рамки простого художественного произведения и на страницах которого обсуждались все проблемы, интересовавшие интеллигенцию того времени, сделался, таким образом, «сейсмографом» эпохи.

Вторая глава посвящена «Семейному счастью», произведению 1859 г., где Толстой ставит вопрос, который будет беспокоить его на протяжении всей жизни: «Что есть семейное счастье?» В этом произведении мы находим одновременно и искания самого автора, и описание первых симптомов социального кризиса, кото-

---

рый затронет семью, брак и положение женщины в последующие годы. Пока автор ищет в своей частной жизни ответ на этот вопрос, в России 1850-х годов постепенно зреют плоды критики и философии 30-х и 40-х (западничества, утопического социализма, радикальной критики, идеологии «лишних людей» и др.) и подготавливается почва для реформ. «Семейное счастье» полностью вписывается в этот переходный контекст, так как выявляет симптомы устаревания прежней семейной модели.

Третья глава рассказывает о превратностях жизни Анны Карениной – героини, чья история воплощает в себе кризис института брака по расчету и предвещает новую эпоху. Всего несколькими десятилетиями ранее адюльтер, нарушение супружеских уз и последующий уход из семьи – действия, совершаемые Анной в романе, – были бы немислимы. Таким образом, перед читателем встают два закономерных вопроса: что именно делает возможным бунт героини и в то же время насколько Каренина своим поступком способствует окончательному уходу в небытие давно устаревшего брака по расчету? Наряду с этими вопросами у читательской аудитории не могут не возникнуть и другие: в частности, в какой степени этот роман испытал влияние европейского адюльтерного романа и в какой мере он отражает особенности русской мысли?

Если в рассмотренных выше произведениях мы видели кризис института брака по расчету, то в «Крейцеровой сонате» мы наблюдаем зарождение буржуазного брака. Это произведение, содержащее идеи позднего Толстого о супружеской жизни, неоднократно изучалось с философской точки зрения, однако до сих пор ни разу не рассматривалось как описание новой формы, которую принимает институт брака к концу столетия. В то время как аристократия медленно сходит со сцены, уступая место новым общественным классам пореформенной России, семья и роль женщины в обществе также претерпевают коренные изменения. Из бреда Позднышева, в рассказе которого описывается крайний случай сожительства супругов, можно также получить представление о новом типе брачного договора. В то же время слова главного героя показывают понятия любви, супружеской измены и сексуальных отношений в новой перспективе. Таким образом, наряду с дискурсом супружеских уз здесь появляется новый

тип сексуального дискурса, бум которого наступит в грядущем столетии как во всей Европе, так и в России.

Творчество Л.Н. Толстого, фиксируя крупные потрясения, характерные для смены исторических циклов, вместе с тем оставило неизгладимый след на ментальности его современников.

Отдельные части этой книги уже выходили в печати. В настоящем издании они переработаны и дополнены (ср.: Zalambani 2010, 2011, 2013a, 2013b, 2013c, 2016).

ЛИТЕРАТУРА И ОБЩЕСТВО

What I have boldly called the greatest society novel in all literature is an anti-society novel.

T. Mann. Anna Karenina

Без сомнения, книги графа Толстого оставляют глубокий след у наилучшей и наиболее образованной части нашей молодежи. Молодые люди ищут в его книгах новую художественную теорию и, прежде всего, усваивают из них новое мировоззрение, другими словами, новую философию².

Этими словами критик и дипломат виконт Эжен-Мельхиор де Вогиюэ, познакомивший французскую публику с творчеством Толстого, подтверждает влияние последнего на читателей, признавая таким образом, что литература имеет над обществом огромную власть.

Динамичный взаимообмен между литературой и обществом всегда был характерной чертой европейской культуры. Как отмечает историк Лоуренс Стоун, в Англии на рубеже XVIII–XIX вв. литература также становится носителем реформаторских идей. Идеал романтиков конца XVIII в. – человек чувствительный и сентиментальный – начинает определять новый, гуманный характер отношений между людьми, что, в свою очередь, открывает дорогу изменениям в законодательстве и реформе социальных институтов (Stone 1983: 264)³. То же самое происходит и в России:

---

² Вогиюэ 1890: 513–514.

³ Стоун добавляет: «После 1780 г. романтическая любовь и роман развивались в равной степени интенсивно, и было бы невозможно установить, что из них являлось первопричиной, а что – следствием. Можно только сказать, что впервые в истории романтическая любовь стала представлять собой солидную мотивацию для брака между имущими классами и что в то же самое время огромный поток романов, посвященных этой любви, заполнил полки публичных библиотек» (Stone 1983: 315–316). Везде, где не даются ссылки на переводчика, перевод наш.

Все большие писатели России так или иначе отвечали на вопросы, поставленные освободительным движением, – независимо от своего отношения к революционным методам их решения. Отсюда неимоверная интенсивность развития русского общественного сознания, та отчетливость и быстрота, с которой одно поколение сменялось другим, сообщая каждому десятилетию особую идеологическую атмосферу. Эти условия способствовали возникновению ряда друг друга сменяющих исторических характеров, на которые ориентировалось самосознание каждого из поколений. От героической личности декабризма 1810–1820-х годов до нигилистов 1860-х трудно найти более сконцентрированное и наглядное чередование моделей общественного человека (Гинзбург 1971: 35).

В России XIX в. взаимосвязь между литературой и обществом является еще более прочной в силу литературоцентричного характера русской культуры. В царской империи, где гражданское общество не развилось, в отличие от остальной Европы, а социальные движения и инициативы не могли влиять на общественное мнение, как это происходило на Западе, делом литературы было давать читателям пищу для размышлений и способствовать развитию идей. Русский роман XIX в. выходит за рамки простого художественного произведения: на его страницах обсуждаются все вопросы, занимающие интеллигенцию; литературный дискурс становится главным средством распространения философской, исторической, общественной и литературной мысли. За счет своего центрального положения в социуме литература обретает большую власть над публикой и активно влияет на психику читателей. Искусство, таким образом, из простого зеркала действительности превращается в ее творца.

Читатели переносят литературу в жизнь и жизнь в литературу, и их отношение к книгам и писателям, их образ чтения формируют оговоренный остов значений и ожиданий вокруг печатного слова (Brooks 1978: 97)⁴.

Как утверждает Борис Гаспаров, в XIX в. письменное слово обладало неслыханной силой, вплоть до того, что изящная сло-

---

⁴ О литературоцентричности русской культуры ср.: Берг 2000: 180–205.

весность зачастую выступала в роли «учебника жизни». Литературный текст становился кодом, по которому могло строиться повседневное поведение людей в реальной жизни, и сам Толстой всегда верил в это⁵.

Особенно после Пушкина многие русские интеллектуалы начали воспринимать литературу как всеобъемлющий учебник жизни. Как читатели, так и сами авторы считали, что именно в литературе содержатся решения нравственных проблем и ответы на фундаментальные философские вопросы. Художественное слово становилось настоящей политической программой, необходимой для преобразования общества, индивидуальным поведенческим кодом; способом истолкования прошлого и пророческим гласом будущего России (Gasparov 1985: 13; ср.: Todd 1986).

Контекст развития литературного дискурса в России XIX в. можно описать как синтез просветительского антропологизма, порожденного руссоистской верой в человека, и историзма, осмыслявшего завершение феодального периода и зарождение буржуазного общества. В то время как просветительская вера в чистоту не оскверненного обществом естественного человека предполагала оценку реальности с нравственных, а не с исторических позиций, закат феодальных отношений и последующие социальные преобразования принуждали мыслителей к серьезному историческому изучению эволюции человека и общественной среды.

Эта двойная художественная тенденция – историзм и антропологизм, – определенная своеобразием русской жизни XIX в., соединявшей и элементарные в своей социальной грубости конфликты крепостнической эпохи, и сложные противоречия буржуазной цивилизации, составляла одну из характерных черт русского реализма XIX в. (Лотман 1997г: 558).

---

⁵ Вот слова из его письма 1894 г., адресованного Е.И. Попову: «Чтобы описать людей как примеры из жизни, не нужно совсем забывать человеческий элемент, слабости... Описание разбойника будет более действенным и будет иметь большее воздействие на людей, если он будет представлен со своей злостью, жестокостью, похотливостью, сопровождаемыми проблесками покаяния, чем с описанием, которое представит его святым без слабостей» (Толстой 1955: 113).

Целью обеих тенденций являются познание и изображение действительности, в обеих присутствует мечта о гармоничном общественном устройстве, но в то время как антропологизм обращается к прошлому, к первобытному, «естественному» обществу, историзм полагает, что общественной гармонии можно достичь естественным завершением исторического перехода; именно последним путем, согласно Ю.М. Лотману, следует толстовская проза (Там же: 592). Творчество Толстого представляет собой целый свод правил для культуры и обычаев его времени. Толстовский текст частично вбирает в себя приемы европейского романа и частично пересекается с ним, говоря с публикой на новом языке, вызванном к жизни авторитетным словом писателя с международной славой. Действительность проникает в творчество Толстого, играет на сцене его произведений, чтобы затем вновь покинуть страницы книг и вернуться в самое сердце общественной жизни в неузнаваемом виде. Вслед за романтической литературой, создававшей новые жизненные модели в мире художественного текста, великие романы Толстого также вызывали огромный общественный резонанс. Его проза пробивала брешь в сознании читателей и вызывала в обществе дискуссии, темой которых, среди прочих, было также новое видение брачного контракта и роли женщины.

Наследием романтической литературы как в России, так и в Западной Европе был идеал семьи, основанной на чувствах (Глаголева 2000). Этот идеал был освещен Пушкиным в образе Татьяны Лариной, которая проецировала на свою жизнь фантазии из прочитанных ею книг и видела в Онегине Ловеласа или Грандисона (Евгений Онегин. III. Строфы 9–10. Ср.: Лотман 2003б: 626; Debreczeny 1997: 21–28; Todd 1978). Романтический герой, творение Гёте и Байрона, оживает и начинает выступать на сцене действительности; воспевание писателями любовных страстей приводит даже к неслыханной волне самоубийств на любовной почве. «В романтическом произведении новый тип человеческого поведения зарождается на страницах текста и оттуда переносится в жизнь» (Лотман 1992д: 308)⁶.

---

⁶ Лидия Гинзбург также полагает, что «литература может плодотворно изучаться на разных уровнях. Но смысловой ее уровень – это уже уровень исторический. Невозможно прочитать произведение как систему

Как европейское Просвещение и романтизм ворвались в российскую жизнь и действительность посредством литературы⁷, так же и новое видение роли женщины проникло в общество через художественное слово⁸. Со времен Петра I, и особенно в эпоху романтизма, женщины играли важную роль в мире культуры: будучи отстранены от управления государством за неимением права занимать государственные должности, они тем не менее могли заниматься культурой (Лотман 1994в: 48). Таким образом, они вносили свой вклад в воспитание и образование детей, а источник вдохновения обретали в романах. В 30-е годы XIX в. под влиянием французских романов образ женщины в литературе меняется, что, в свою очередь, накладывало отпечаток на ментальность новых поколений: «Жорж-зандовская идеализация женщины и апофеоз любви благотельно действовали на смягчение наших чувств и семейных отношений», – утверждает историк того времени (Шашков 1872: 214; ср.: Орович 1900: 83–86). Поэзия (стихи Аполлона Майкова, Афанасия Фета, Якова Полонского) также воспекает чувство любви, способствуя распространению нового идеала семьи, основанного на этом чувстве. Наконец, в 40-е и 50-е годы литература поднимает женский вопрос: «Романисты

знаков, не понимая того, что они означали для создавшего их художника, то есть не раскрыв значений, порождаемых исторически сложившимся, социально определенным комплексом культуры» (Гинзбург 1971: 5–6).

⁷ Приводя в пример строки Пушкина, Лотман утверждает: «[В] качестве “европейского просвещения” выступала не реальная действительность Запада, а представления, навеянные романами.

“Мы алчем жизнь узнать заране,
И узнаем ее в романе”.
(Пушкин. VI. 226)

Таким образом, ситуации романов вторгались в тот русский образ жизни, который осознавался как “просвещенный” и “западный»» (Лотман 1994б: 104). Ср.: Pushkareva 1997: 174–190; Лотман 1997б: 125–133.

⁸ «Вторая половина XVIII и первая половина XIX века <...> отвела женщине особое место в русской культуре, и связано это было с тем, что женский характер в те годы, как никогда, формировался литературой» (Лотман 1994в: 64).

первые дали женскому вопросу право гражданства в литературе и популяризировали его в обществе» (Шашков 1872: 218). Такие произведения, как «Кто виноват?» (1847) Александра Герцена, «Полинька Сакс» (1847) Александра Дружинина, «Смелый шаг» (1863) Леона Бранди, оказали сильное влияние на русскую мысль (Там же: 214–228).

Следуя традиции 40-х годов, сформировавшейся под влиянием литературных моделей романтизма и пропитанной идеалами утопического социализма, зарождаются идеи поколения 60-х о браке и супружеской измене. Но радикалы Нового времени во многом отличаются от своих предшественников: для них исторический переход, совершившийся в середине XIX в., означает переход от инстинктивной реальности романтического восхваления чувств к разумной и тщательно организованной деятельности, в рамках которой субъективные страсти и желания должны подчиняться идеологии («общему делу») и революционному самоотречению (Паперно 1996: 124–125).

В литературе второй половины XIX в. тема свободы чувств раскрывается через эксперименты с такими новыми способами совместной жизни, как, например, любовный треугольник. Многие прогрессивные писатели, среди которых Александр Герцен и Николай Чернышевский, практиковали новые модели сожителства как в жизни, так и в своих романах. Обратившись сначала к литературным образцам, они переносили литературу в реальную жизнь, а затем вновь придавали своему жизненному опыту форму художественного текста. Литература становилась продолжением жизни, а жизнь – продолжением литературы. Так, Герцен под влиянием, в частности, «Новой Элоизы» Руссо и «Маленькой Фадетты» Жорж Санд, выводит на сцену любовный треугольник в романе «Кто виноват?». Вскоре после публикации этого романа неожиданный «ménage à trois» затягивает в свою воронку Герцена, его жену Наталью Александровну и немецкого поэта, представителя революционного движения, Георга Гервега. Трагический эпилог этой истории, начатой в романтическом ключе и окончившейся скандалом европейского масштаба, описан в романе «Былое и думы» (1868) (Литовская, Созина 2004: 258–262). Аналогичный пример мы находим и в жизни Чернышевского, на которую глубоко повлияло прочитанное им и которую он, в свою очередь,

---

воспроизвел в своих произведениях. Его частная жизнь обрела художественную форму, особенно в романе «Что делать?» (1863), литературными образцами которого послужили «Исповедь» Руссо и «Жак» Жорж Санд, переработанные им на русский лад. «Что делать?» стало настоящим примером стиля жизни для следующего поколения (Паперно 1996: 115–116; Литовская, Созина 2004: 262–266). В романе описана история его супружеских отношений и его вера в возможность жизни втроем вплоть до уверенности в том, что брак должен быть именно тройственным союзом. Героиня романа Вера Павловна – женщина сильная и решительная, ее прямые предшественницы – героини романов И.С. Тургенева «Накануне» (1860) и «Рудин» (1856). Автор произведения верит в то, что чувства должны быть спонтанными, что сексуальность следует реабилитировать, что женщины имеют право на образование и труд, которыми подтверждается равенство полов⁹. «Что делать?» – это модель настоящей жизни, противопоставленная патриархальной модели:

Разрабатывая модель брака в романе «Что делать?», Чернышевский отталкивался от многих литературных источников и от попыток их жизненной реализации, которые приобрели в России широкую известность. Соединение этих источников, имевших разные семантические потенциалы, породило уникальную комбинацию. Так, Чернышевский соединил сюжет «Жака» Жорж Санд с эмоциональной схемой «Исповеди» Руссо и переосмыслил отправную точку супружеской измены как ситуации эмоциональной амбивалентности, предложив в качестве решения гармонический тройственный союз (Паперно 1996: 128; Литовская, Созина 2004: 262–266).

---

⁹ Критическое отношение Толстого к идеям и эстетическим принципам Чернышевского привело его в 1859 г. к разрыву с «Современником» и к публикации преимущественно в «Русском вестнике» Каткова – журнале, который на тот момент еще стоял на прогрессивных позициях, но вскоре превратился в оплот реакционеров. Чернышевский, со своей стороны, признавал художественный талант писателя, но в 1862 г. вступил с ним в полемику из-за его педагогических идей, появившихся в журнале «Ясная Поляна».

Толстой тоже брал многое для своих произведений из жизненного опыта – как из общения со своей большой семьей, так и из интеллектуальной среды, в которой он вращался. Один из братьев Толстого, Сергей Николаевич, прожил много лет с цыганкой вне брачных обязательств, имел от нее много детей и решился узаконить союз с ней только спустя 18 лет с начала сожительства; другой брат, Дмитрий Николаевич, поддерживал длительную связь с бывшей проституткой; сестра Марья Николаевна, разойдясь с мужем, родила вне брака дочь, плод многолетнего сожительства, которое так и не увенчалось браком. В семье Софьи Берс имели место аналогичные ситуации: кроме известных внебрачных связей отца, можно указать на разводы сестры Елизаветы Берс и брата Александра Берса, не говоря уже о внебрачных детях самого Льва Николаевича¹⁰.

Взаимообмен между искусством и жизнью был настолько интенсивным, что отличить причину от следствия было иногда почти невозможно. Эта постоянная «экспансия литературы в область *реальности*» (Gasparov 1985: 14) была описана Герценом следующим образом:

Странная вещь – это взаимодействие людей на книгу и книги на людей. Книга берет весь склад из того общества, в котором возникает, обобщает его, делает более наглядным и резким, и вслед за тем бывает обойдена реальностью. Оригиналы делают шаржу своих резко оттененных портретов, и действительные лица

---

¹⁰ Шкловский 1974: 438; Сергей Николаевич Толстой. Биография// <http://tolstoy.ru/life/family/brothers-and-sisters/sergey-nikolaevich-tolstoy> (дата обращения: 11.08.2014). Кроме того, в интеллектуальных кругах эпохи происходили случаи, вызывавшие большой резонанс в обществе: так, Николай Огарев, поэт, революционный деятель, друг и помощник Герцена, влюбившись в Наталью Тучкову уже после заключения брака с другой женщиной, много раз просил у жены развода, но так и не получил его. В конце концов, Тучкова и Огарев решились на гражданский брак, который для поэта, ненавистного правительству и бывшего весьма на виду в обществе того времени, был не только неприличен, но и опасен. Его поведение осудили все, даже друзья, за единственным исключением: в защиту друга выступил Герцен (ср.: Путинцев 1959; Фраде 2001).

вживаются в свои литературные тени. В конце прошлого века все немцы сбивали немного на Вертера, все немки на Шарлотту; в начале нынешнего университетские Вертеры стали превращаться в «разбойников», не настоящих, а шиллеровских. Русские молодые люди, приезжавшие после 1862, почти все были из «Что делать?», с прибавлением нескольких базаровских черт (Герцен 1960: 337).

Такая синергия, довольно очевидная в романтическую эпоху, становится менее явной во второй половине XIX в., когда реализм стремится замаскировать художественные приемы видимостью полного подражания. В действительности, художественная модель, которая скрывается за текстом, написанным в традиции реализма, и управляет его внутренней организацией, никуда не исчезает, а только делается более сложной и менее заметной:

Если романтический текст реорганизует подлинное поведение индивида, то реалистичный реструктурирует отношения между обществом и индивидом и организует по иерархии многие способы поведения относительно шкалы ценностей данной культуры. Его эффект проявляется в организации целой поведенческой системы такой культуры. Естественно, система, которая оказывает это влияние, отличается большей сложностью (Лотман 1992б: 364).

К этому типу системы принадлежит и проза Толстого, кажущаяся простой, на деле же очень сложная. Писатель полностью осознает и трудности процесса написания произведения, и степень влияния автора на читателя – осознает настолько, что в очерке «Что такое искусство» (1898) утверждает: в искусстве над эстетическим фактором должен доминировать нравственный, чтобы произведение могло благотворно влиять на души читателей.

В 1860-е годы Толстой еще не пришел к этому заключению, но уже переносил свое мировоззрение в искусство и, поднимая в книгах жизненные вопросы, взаимодействовал с читателем и со своими современниками. Так, он выражал свои взгляды на семью в прозаических произведениях, остро полемизируя с народнической публицистикой и литературой: начиная с «Семейного счастья» и продолжая комедией-фарсом «Зараженное семейство»

(1864)¹¹ Толстой резко выступал против женской эмансипации и революционных и нигилистских идей. В 1868 г., размышляя о семье и призвании женщины, Толстой записал: «Тот, кто захочет жениться на двух и трех, не будет иметь ни одной семьи. Результат брака – дети. Единства и согласия семьи не может быть при двух или трех матерях и отцах» (Толстой 1936а: 133)¹². Толстой решительно отвергает любовный треугольник, который находит место в семьях, идеализируемых Герценом и Чернышевским; в «Семейном счастье» героиня бежит перед лицом опасности «ménage à trois», а в «Анне Карениной» трагический финал аннулирует любую возможность сожительства, альтернативного законному супружескому союзу. Только во сне Анна может питать эти иллюзии:

Ей снилось, что оба вместе были ее мужа, что оба расточали ей свои ласки. Алексей Александрович плакал, целуя ее руки, и говорил: как хорошо теперь! И Алексей Вронский был тут же, и он был также ее муж. И она, удивляясь тому, что прежде ей казалось это невозможным, объясняла им, смеясь, что это гораздо проще и что они оба теперь довольны и счастливы. Но это сновидение, как кошмар, давило ее, и она просыпалась с ужасом (АК XVIII: 159).

Наконец, в «Крейцеровой сонате» призрак любовного треугольника и измены изгоняется гибельным безумием Позднышева.

Толстой воплощает в художественном слове не только события своего времени, но и отношение к ним своих современников, знакомя читателя с размышлениями и чувствами последних по поводу описанных в романах событий. Споры об искусстве, браке, воспитании, сельском хозяйстве и т. д., воспроизведенные в «Анне Карениной», безусловно пропитаны духом времени; изображение семейной жизни дворянства XIX в. в кризисный и переходный период также обладает исторической достоверностью. Один из критиков той эпохи утверждает:

---

¹¹ Эта комедия представляет собой пародию на разночинца, который стремится попасть в высший свет, женись на девице благородного происхождения.

¹² О полемике с нигилистами ср.: Эйхенбаум 2009б: 631–633; Паперно 1996: 130–132.

Позднышев – продукт своего времени, плоть от плоти своих современников, привыкших анализировать свои поступки и чувства, раздумывать над мелочами окружающего и неспособных на непосредственные порывы и беззаветные увлечения. Почти в каждом из мужей сидит маленький Позднышев, и почти в каждой семье есть своя «Крейцера соната». <...> Появись «Соната» не в 1809 году, а, например, в 1870, она осталась бы непонятной, как прошла непонятной в 60е годы повесть «Семейное счастье», яркий и определенный эмбрион «Крейцеровой сонаты» (А. П-ва 1891: 8–9).

Литературные размышления переходят в размышления о культуре, обществе и нравах. В 1890 г. Леонид Оболенский в статье, озаглавленной «Проблемы современной литературы», отмечает, что изящная словесность все больше сосредотачивается на проблеме брака. Автор рассматривает различные художественные произведения, представляя их читателю как примеры из реальной жизни и используя это как возможность для обсуждения таких тем, как брак по расчету и брак по любви, вплоть до анализа отношений между супругами в *действительности* (Созерцатель 1890).

Литературные свидетельства всегда были одним из самых важных источников истории ментальности, повествующей об эволюции субъективных, созданных воображением представлений об объективных явлениях посредством документов литературы и искусства. Они сообщают нам – на разных языках искусства – о восприятии людьми реальных событий (Le Goff 1974: 120). Ментальные представления также распространяются посредством литературного дискурса, и лучшими местами для их распространения являются культурные учреждения, литературные кружки и салоны. Толстовская проза была для современников выдающимся литературным событием; подробное обсуждение его произведений в журналах и газетах и дискуссии о его творчестве во всех литературных кружках того времени будили серьезные размышления и проникали в сознание, оставляя глубокий след в сознании читателей.

Если образ Маши, героини «Семейного счастья», вызывает вопросы по поводу модели семьи, то бунт Анны Карениной представляет собой вызов, возможную альтернативу привычной

жизни, принуждающую общество к размышлению. Новаторское и крамольное произведение из философско-нравственного повествования превращается в историю адюльтера, полемический социальный роман, вызывающий настоящую революцию в умах. Автор переносит в русскую среду европейский литературный дискурс, обогащая и дополняя его историями о любви и супружеской измене, и роман вызывает огромный резонанс в обществе¹³. В «Крейцеровой сонате» язык Толстого становится еще более провокационным, поскольку автор открыто затрагивает институт семьи и брака, вводя запретную тему сексуальных отношений.

---

¹³ В силу невозможности процитировать здесь исчерпывающую библиографию по адюльтеру в европейской литературе, упомянем только следующих авторов: De Rougemont 1998; Tanner 1979; современную библиографию по этой теме можно найти в работе Fiandra 2005. Первичное представление о теме адюльтера в русской литературе можно получить, ознакомившись со следующими трудами: Литовская, Созина 2004; Шатин 2002.

«СЕМЕЙНОЕ СЧАСТИЕ»

С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я еще не прожила в настоящую минуту...

Л. Толстой. Семейное счастье

Симптомы кризиса

Толстой начинает исследовать институт брака в повести «Семейное счастье» (1858–1859)¹⁴, где уже присутствуют в зародыше многие темы, которые в дальнейшем будут раскрыты в «Анне Карениной» и «Крейцеровой сонате». Если уход Анны из-под супружеского крова означает крушение брака по расчету, а исповедь Позднышева обнажает перед нами проблемы буржуазного союза, то первоначальное разочарование Маши в супружеской жизни и ее последующее «покаяние» в финале также являются симптомами кризиса, который начиная с первой половины XIX в. поражает этот значимый общественный институт.

---

¹⁴Первая часть «Семейного счастья» публикуется в первом номере «Русского вестника» за апрель 1859 г., вторая – в следующем номере. Сюжет начатого в 1858 г. произведения основан на истории отношений Толстого с Валерией Владимировной Арсеньевой, реальность которых подтверждается целым рядом писем автора (Ср. главу «Роман» в: Бирюков 2000). Поэтому сначала писатель намеревался отдать повесть в печать под псевдонимом. Впоследствии, уже опубликовав первую часть, Толстой был крайне недоволен повестью и старался остановить ее публикацию, но редактор журнала Катков все равно отправил ее в печать. Она так и осталась одним из наименее любимых автором произведений. 3 мая 1859 г. Толстой писал В. Боткину: «...прочтя присланные корректуры 2-й части, я увидел, какое постыдное г...о, пятно, не только авторское, но человеческое – это мерзкое сочинение. <...> Я теперь похоронен и как писатель и как человек!» (Толстой 1949б: 296. Ср.: Мендельсон 1935: 304–308).

Известно, что проблема семейных отношений глубоко волновала Толстого и была для него объектом как личного, так и художественного исследования. Некоторые современники писателя рассказывают о его терзаниях по поводу того, какой смысл имеют слова «любовь» и «счастье» в супружеских отношениях (Розанов 1901: 54; Бирюков 2000, ср. в частности т. 2, гл. 14). Согласно утверждению одного критика, «жизнь Маши и Сергея Михайловича в “Семейном счастье” постепенно развивается в дальнейших типах Толстого» (А. П-ва 1891: 20): невинная и великодушная любовь Маши заново воплощается в любви Кити Щербацкой, но предвещает и любовь Анны – абсолютную, всеобъемлющую и чувственную. Скрытой чувственностью, в самом деле, веет уже от Маши; в повести динамика сексуальных отношений между супругами выражена посредством зрительных образов, через взгляды обоих героев, наделенные высоким символическим и эротическим значением (Reyftman 2008). Все готовит почву для появления Анны, посвящающей жизнь любовному идеалу, ради которого отказывается от всего: «Анна бросила все ради своей любви: ребенка, свою честь, общественное положение, знакомство и связи. Все это она променяла на положение, преступное и презренное которого нет ничего в глазах большого света» (А. П-ва 1891: 23). И наконец, «Крейцера соната» заключает в себе все основные черты “Анны Карениной”. Она есть превосходный, вполне сознательный вывод из всех художественных картин и обобщений Толстого» (Там же: 23–24).

«Семейное счастье», начатое как повесть тургеневского типа, романтическая и лирическая, во второй части неожиданно меняется. Вся история дана сквозь призму переживаний главной героини, Маши, которая мечтает о романтическом герое («Герой мой был тонкий, сухощавый, бледный и печальный» (СС: 68)) и союзе, основанном на любви. Но когда героиня встречается с реальностью семейной жизни, идеал разрушается и на его место приходит скука повседневного быта. Бегство Маши в общество, в светскую жизнь – это всего лишь полумера, которая только увеличивает расстояние между супругами. Посещая высший свет, она увлекается очаровательным иностранцем, и сильное влечение почти приводит ее к измене, но, испуганная тенью последствий такого шага, она приходит наконец к решению отказаться от светской жизни, чтобы полностью посвятить себя жизни супружеской.

Именно так разыгрывается первая (потенциальная) супружеская измена толстовской трилогии. «Возрождение» героини в качестве жены, преданной мужу и детям, окончательно гасит иллюзии романтического брака, основанного на любви, заменяя их реальностью прочного союза на основе материнского чувства, дружбы и уважения к супругу. Счастье первоначальной любви сменяется «семейным счастьем». История не завершается классическим финалом-прелюдией к вечной радости, а героиня даже отдаленно не вовлечена в историю с адюльтером или уходом от супружеской жизни: Толстой останавливает свой выбор на спокойном финале – смиренном принятии действительности. Заключение необычно и вызывает недоумение; Василий Боткин, писатель и критик, которому Толстой доверил чтение корректуры, назвал финал «проглоченным» (Мендельсон 1935: 307), да и сам автор заявил, что не удовлетворен им. Если во второй части своей жизни Маша как будто готова пойти по стопам Анны Карениной, то заключение снова приводит ее к романтическому идеалу Татьяны Лариной. Между двумя женскими парадигмами Толстой пока что выбирает классическую пушкинскую.

Финал, кроме того, что является плодом личных и художественных поисков Толстого, пронизан также духом времени и культуры тех лет. В организации повести отражаются философские поиски 1840-х годов, общественная мысль, предрекающая большие реформы, женский вопрос, постепенно проникающий в дискуссии интеллигенции, проблема женского образования (которое как раз в то время начинает распространяться в стране) и появление новых наук на общественной арене. В этом богатом контексте, предвосхищающем великие потрясения последующих десятилетий, и появляется «Семейное счастье». Кроме того, именно в 1857–1858 гг. Толстой посещает кружки прогрессивной интеллигенции, увлекается чтением В.Г. Белинского, сближается с И.С. Тургеневым, П.В. Анненковым, В.П. Боткиным и интересуется А.И. Герценом (Ср.: Эйхенбаум 2009а: 856–857).

Как утверждает Лидия Гинзбург, почва, на которой прижились идеи, впоследствии раскрывшиеся в духовном и художественном опыте Толстого и Достоевского, была подготовлена именно культурной жизнью русской интеллигенции 30-х и 40-х годов (Гинзбург 1971: 131).

Культурная обстановка. 1840-е и 1850-е годы

Повесть написана накануне 1860-х годов (начало которых в действительности приходится на 1855 г. – год восхождения на престол Александра II и начала больших реформ), т. е. незадолго до того, как феодальный строй окончательно уйдет из российской действительности. Общество вот-вот распрощается с патриархальным укладом, который детально описан в романе Сергея Аксакова «Семейная хроника» (1856) и в контексте которого создается повесть Толстого. В те годы между государством и интеллигенцией идет большой спор по назревавшему уже много лет сельскохозяйственному вопросу. Если первое пытается решить вопрос «сверху», чтобы избежать негативных последствий для системы самодержавия, вторая предлагает либо способ решения, продиктованный ностальгией по прошлому, – общинную модель, либо новаторские концепции – сенсимонизм и социализм Фурье.

Культурно-общественную арену 50-х годов заполняет новый класс – разночинцы, которые через литературные салоны и кружки проникают в ячейки русского общества, изменяя его социальный состав и культурную атмосферу. Подорванная западничеством Белинского, Герцена и Огарева, утопическим социализмом революционного кружка Петрашевского, пассивностью «лишних людей», философской лабораторией Николая Станкевича и суждениями радикальной критики Чернышевского и Добролюбова, традиционная русская культура подвергается глубоким изменениям (Venturi 1977–1979)¹⁵. Многие интеллектуалы 60-х годов формировались в философско-интеллектуальной среде литературных кружков 40-х годов, возникавших вокруг Михаила Бакунина, Герцена и Белинского.

Благодаря последнему, предреволюционное поколение 40-х годов связывает литературу с общественным сознанием, и такое отношение к художественному слову распространяется посредством «толстых» литературных журналов, оказывая сильное влияние на общественное мнение.

---

¹⁵Об общественной мысли этих лет ср.: Walicki 1973. О влиянии Белинского на Толстого ср.: Эйхенбаум 2009а.

Поколение 40-х и 50-х годов верит в роль индивида и интеллигенции, в поиски Россией своего собственного пути развития, не отрицая при этом влияния западной культуры и в то же время пересматривает роль чувств и любви к женщине, придавая им метафизические и социальные черты. У истоков этих изменений стоят немецкий романтизм Гёте и Шиллера, идеализм Фихте, Шеллинга и Гегеля, французский утопический социализм Сен-Симона и Фурье. Возрождение чувств становится возможно благодаря синтезу романтизма и социализма; любовь к женщине начинает восприниматься как частный аспект универсальной любви ко всему человечеству:

«Освобождение женщины» понималось как свобода в целом, а свобода в личных отношениях (эмоциональное раскрепощение и разрушение устоев традиционного брака) отождествлялась с социальным освобождением человечества. В символическом контексте, сообщавшем любви метафизический и социальный смысл, бесчувственность и холодность не просто означали личную ущербность – они становились символом несостоятельности духовной и гражданской (Паперно 1996: 55).

Таким образом, новое определение любовного чувства складывается в основу широкого переосмысления общественных отношений и основных социальных институтов, таких как брак и семья; вдохновители философско-политической мысли этого десятилетия – Герцен и Огарев (как мы указывали выше) – применяют выработанные теории к собственной жизни. Чувства подвергаются переоценке и начинают играть иную, более серьезную роль в отношениях; у людей возникает вера в то, что любовь должна быть «свободна»; растет доверие к женщинам, появляется желание дать им подобающее воспитание и образование, чтобы развивать вместе с ними деятельность на благо общества; наконец, допускается возможность супружеской измены, в которой усматривают новый смысл, – таким образом, складывается новая модель отношений, и многие интеллектуалы следуют ей как на теоретическом, так и на практическом уровне (Там же: 53–59).

В 1855 г. Чернышевский в диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» опровергает идею

превосходства искусства над действительностью, отказывается от эстетической критики и концепции «искусства для искусства», утверждая, что искусство должно отвечать требованиям жизни. Реализм как художественная проблема уже обсуждался в 40-е годы, и начиная со следующего десятилетия он вместе с проблемами новой эстетики становится обратной реакцией на романтизм. Отношение «искусство – жизнь» переворачивается. Если романтизм возвышал искусство, вдохновляя его своими идеалами и подчиняя жизнь художественному представлению, то реализм осуществляет полностью противоположный процесс (ср.: Лотман 1997г). При этом литература изображает «лишних людей» (ср.: Walicki 1973: 333–355), поколение прогрессивных дворян, неспособных претворить в жизнь свои идеалы; воплощением «лишнего человека» является Рудин, герой одноименного романа, в котором Тургенев ставит вопрос о роли интеллигенции в русском обществе. Программными для будущего поколения становятся идеи, изложенные писателем в докладе «Гамлет и Дон-Кихот» (1860), где предвещается слияние героического идеализма первого персонажа с эгоистическим самонаблюдением второго: такой синтез, по мысли Тургенева, позволит русской интеллигенции принять происходящие изменения. Тогда же в литературе рождается новый женский образ: это молодая, эмоциональная и волевая женщина, весьма отличающаяся от героинь прошлого. Персонаж такого типа появляется уже в романе «Семейная хроника» Аксакова, где описывается женщина, совсем не похожая на традиционную мать семейства, принадлежащего к сельской знати, – жена Алексея Степановича, сына главы семьи. Это приехавшая из города дворянка нового поколения; она умна, у нее европейские манеры и европейский же образ мыслей. Софья Николаевна привносит струю западной культуры в традиционный быт деревенской семьи и предвосхищает собой грядущее поколение женщин, которое сумеет вырваться из-под гнета патриархальной семьи. В литературе возникает новый образ женщины, наводящий на мысль о возможности иного типа семейных связей и отношений между полами.

Героиня «Семейного счастья» не принадлежит к этой категории женщин, но возвращает в себе зачатки будущего бунта, проявляющегося в том, что она начинает придавать все большее

значение чувствам. Самый горький упрек, высказанный Машей мужу, основан на антитезе «разум–чувство», воплощением которой являются оба супруга: «Ты рассуждал, ты рассуждал много... Ты мало любил» (СС: 142). Семейная жизнь довольно рано начинает вызывать у Маши тоску: она испытывает неудовлетворенность женщины, изолированной от мира и от духовных и деловых интересов своего супруга; в ней все сильнее нарастает желание жить другой жизнью, вне домашних стен, за которыми она ощущает себя лишь тенью мужа. Когда Сергей Михайлович, решив развлечь ее, позволяет ей принять участие в светской жизни, их пребывание в Петербурге, а затем и за границей только обостряет отчужденность супругов друг от друга; в то время как жена, по всей видимости, наслаждается светским обществом, от которого ее не может оторвать даже рождение сына, муж остается на его задворках. В этом контексте в повести появляется «призрак» адюльтера, который, как мы увидим ниже, служит катализатором довольно необычного развития действия.

Общественное положение женщины в первой половине XIX в.

Неблагополучие супружеской жизни, искания Маши, ее сомнения и попытки что-то изменить являются лишь частью более общей картины изменений роли женщины в семье и обществе. С начала XIX в. женский вопрос медленно, но верно становится основным предметом споров, звучавших в культурных кружках, в салонах интеллигенции, в журналах и газетах любого направления. Им активно занимаются даже юристы.

Юридическая наука начинает интересоваться гражданско-правовым положением женщин, в то время весьма непрочным, как можно заключить на основании изучения Гражданского кодекса: в общих чертах отношения между супругами в русской семье регулируются институтом власти мужа. Без его согласия жена не может совершать сделок, устраиваться на работу и даже участвовать в гражданских процессах с целью защиты собственных прав. Кроме того, муж имеет неограниченную власть над детьми и является их главным опекуном (Ворошилова 2010: 16–41).

В ходе обсуждения юристами такого положения дел появляется целый ряд теоретических работ, где Гражданский кодекс рассматривается в сопоставлении с западным законодательством. Эти труды, в частности, выявляют архаичность норм, регламентирующих наследственное право женщин. В ноябре 1810 г. заседание Государственного совета, на котором обсуждается проект изменения Гражданского кодекса, открывается выступлением М.М. Сперанского, реформатора и юриста, одного из основателей русской юриспруденции, который предлагает внести первую поправку в пользу женщины в закон о наследственном праве. Его предложение вызывает немало протестов, но благодаря вмешательству Александра I всё же вступает в силу. Это лишь первый из юридических дебатов, которые будут вестись на протяжении всего XIX в. Именно в ходе этой дискуссии разрабатывается проект нового Гражданского кодекса, предусматривающего отмену правовых ограничений, основанных на различии по половому признаку. К сожалению, предложение отвергается, и в течение XIX в. вносятся только поправки к существующему кодексу; лишь в 1912 г. будет утвержден закон, уравнивающий в правах наследников обоих полов (Там же: 153–191). В дискуссиях по этому вопросу участвуют известные ученые и юристы: К.Н. Анненков, автор фундаментального труда по судебной практике того времени (Анненков 1894–1905); В.Н. Никольский, профессор гражданского права, опубликовавший важные работы по семейному праву; А.В. Куницын, специалист по гражданскому праву, выпустивший, среди прочего, труд, посвященный наследственному праву женщин (Куницын 1844). Все они оспаривают русский Гражданский кодекс в области женских прав. Даже Я.А. Канторович, известный адвокат того времени, редактор-издатель журналов «Судебное обозрение» и «Вестник сенатской практики», провозглашавший превосходство российского законодательства над кодексами прочих европейских стран в том, что касается права женской собственности¹⁶, в то же время признает его явную отсталость в сфере наследствен-

---

¹⁶ Действительно, российский кодекс в отличие от кодексов Западной Европы гарантировал женщине право на сохранение приданого как личной собственности даже после брака.

ного права (Орович 1900: 87, 99). Эта ситуация действительно порождает глубокое противоречие, поскольку указом от 1753 г. женщине позволялось продавать свою собственность даже без согласия мужа (это право было закреплено в Гражданском кодексе в 1832 г.¹⁷), но такая свобода распоряжаться собственным имуществом шла вразрез с подчиненным положением жены по отношению к супругу. Право собственности противоречит семейному праву, которое устанавливает полную зависимость жены от супруга, обязанность супругов проживать под одним кровом (подкрепленную существованием внутреннего паспорта¹⁸) и почти полную невозможность осуществления развода. Анализ нескольких реальных случаев подобного конфликта между постановлениями, проведенный американской исследовательницей Барбарой Энгель, показал, что эти конфликты чаще всего решались путем предпочтения семейного права, а действие указа 1753 г. фактически сводилось к нулю (Engel 2011: 80–100).

Спор о наследственном праве разгорается с особой силой в 1860-е годы. Известный специалист по семейному праву профессор Д.И. Мейер в своих лекциях по гражданскому праву, опубликованных в 1861–1862 гг., исходит из определения сущности

---

¹⁷Кавелин 1900. IV: 1060, 1064; Пушкирева 2001: 188–203; Пушкирева 1997б: 188–189. Это явствует также из романа «Анна Каренина», в частности из диалога баронессы Шильтон и Вронского: «Он все не хочет давать мне развода! Ну что же мне делать? (Он был муж ее.) Я теперь хочу процесс начинать. <...> Я хочу процесс, потому что состояние мне нужно мое. Вы понимаете ли эту глупость, что я ему будто бы неверна, с презрением сказала она, – и от этого он хочет пользоваться моим именем» (АК XVIII: 120–121).

¹⁸Без внутреннего паспорта в имперской России было невозможно отъехать на расстояние более двадцати миль от места проживания с любой целью, будь то работа, учеба, аренда дома или путешествие. Документ содержал сведения о сословии, месте проживания, возрасте, вероисповедании, национальности и гражданском состоянии своего обладателя. Женщины вписывались в паспорта своих мужей, и им требовалось мужнее разрешение на получение собственного паспорта. Такие нормы оставались в силе до марта 1914 г. (об истории паспорта в дореволюционной России ср.: Чернуха 2007).

брака как «юридического учреждения», которое как таковое состоит из двух типов отношений: 1) частных, т. е. относящихся к личной сфере, а не к материальному имуществу; 2) имущественных, касающихся собственности супругов. На основании изучения этих двух типов отношений можно описать правовое положение замужних женщин. Согласно Мейеру, закон не дает исчерпывающего определения брачному договору, поскольку «понятие о нем устанавливается вне области права, в области религии и нравственности». Впрочем, добавляет автор, церковь всегда понимала брак как «учреждение, составляющее основу всего общественного быта, как ядро развития цивилизации» (Мейер 1861–1862. II: 499–500). Исходя из представления о браке как о таинстве, Мейер уточняет его нравственное значение. Согласно автору, существует этика, регулирующая заключение брака и предполагающая, что два разных лица объединяются, чтобы дополнить друг друга. Из этого представления со всей очевидностью следует, что закон с самого начала признается неспособным регламентировать учреждение, подчиненное, прежде всего, церкви, нравственности, обычаям, а в крестьянском мире и тому обычному праву, которое передается из рода в род на протяжении веков и которое больше, чем какое-либо иное право, укоренилось в привычке и ментальности людей¹⁹. На этом фоне выделяется описание положения женщины и ее прав, содержащееся в первой книге Гражданского кодекса 1832 г., где говорится о «правах и обязанностях семейственных» и, следовательно, об отношениях между супругами. Статьи 106 и 107 определяют такие права и обязанности: муж должен любить собственную жену как самого себя, жить с ней в мире, уважать и защищать ее, прощать ее недостатки и помогать ей в трудностях. Ему положено содержать и кормить ее соответственно своим возможностям, в то время как жене надлежит повиноваться мужу как главе семьи, любить, уважать его и подчиняться его воле; кроме того, как хозяйка дома она должна угождать ему и выказывать ему преданность” (Мордухай-Болтовский 1910. X. Ч. 1: 12). Ссылаясь на эти статьи, П.В. Безобразов, историк того времени, изучающий женский вопрос, утверждает:

---

¹⁹ О положении женщин согласно обычному праву ср.: Ворошилова 2010: 102–152.

Тон меняется, когда от мужа законодатель переходит к жене, и это неудивительно: приведенные статьи действующего Свода Законов [Российской империи] представляют почти буквальное повторение старинного закона Екатерининских времен, который в свою очередь носит на себе явные следы византийских воззрений и взглядов Домостроя (Безобразов 1895: 2).

Зависимость женщины от мужа безоговорочна: она обязана жить с супругом при любых обстоятельствах (единственное исключение – если муж сослан в Сибирь)²⁰, должна иметь его разрешение, чтобы устроиться на работу (Кавелин 1900. IV: 1064), продолжить собственное образование или получить паспорт (Безобразов 1895: 7):

Как крепостной был прикреплен к земле и не имел права переходить с места на место по своему усмотрению, так жена прикреплена к мужу и не может передвигаться по своему желанию (Там же: 25).

Отсюда следует, что семья – это «замкнутый в себе мирок, где безраздельно владычествует глава семьи: муж, отец и господин» (Кизеветтер 1902: 591). Таким образом, закон утверждает институт власти мужа так, как он веками передавался Домостроем. Напомним, что только в 1845 г. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», считающееся первым настоящим уголовным кодексом России, устанавливает, что муж не имеет права подвергать жену физическим наказаниям²¹. Тем не менее женщины не могут требовать развода из-за плохого обращения с ними, так как это не является достаточным основанием с точки зрения закона; закон также не предусматривает законного

---

²⁰ Ср. ст. 103, 104 Гражданского кодекса (Мордухай-Болтовский 1910).

²¹ «За жестокое обращение с женою, обстоятельствами доказанное, особливо в случае нанесения ей увечья или ран, муж, по жалобе супруги или ее родителей, подвергается: наказаниям определенным в Разделе X Главе III сего Уложения за тяжкие побои, раны или увечья» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 813–814).

раздельного проживания, которого в имперской России просто не существует. До 1914 г. в значении «раздельное проживание» употребляется понятие «разлучение», но оно не имеет юридической силы.

История «внезакононого разлучения» начинается в 1826 г. с учреждения Третьего отделения собственной Его Императорского Величества тайной канцелярии, в которое стали подавать прошения о разводе. С 1881 г., когда этот орган был упразднен, просьбы о разводе поступали в Канцелярию Его Императорского Величества по принятию прошений, на Высочайшее Имя приносимых (Engel 2011: 19–21). Речь идет преимущественно о прошениях, посылаемых женщинами, которые пытались избавиться от неудачного брака, но не имели предусмотренных законом оснований для развода. Вследствие реакционности обоих органов эти прошения были практически бесполезны. Отсутствие права на раздельное проживание, существующего в других европейских странах, а также система внутренних паспортов крайне ослабляли положение женщины в России на протяжении всего XIX в.

Женское образование

Положение женщины всегда тесно связано с ее образованием, а в случае имперской России – с его недостатком или полным отсутствием. В XIX в. происходят некоторые важные сдвиги в этой области, поскольку женское образование к середине столетия становится доступным даже для неблагородных общественных слоев: именно в это время открывается множество новых институтов для девиц. Вопросом женского образования в России начала заниматься императрица Екатерина II, в 1764 г. основавшая институты благородных девиц, а затем Мария Федоровна, которая в 1796 г. указом мужа, императора Павла I, была назначена главой «Воспитательного общества благородных девиц», переименованного в 1854 г. в «Ведомство учреждений императрицы Марии». Данное общество отвечало за систему женского образования в России до 1917 г. Мария Федоровна посвящала всю свою общественную деятельность проблеме женского воспитания и основала несколько институтов для девиц в Санкт-Петербурге, Москве, Харькове и

других городах²². Замысел царицы, однако, заключался в том, чтобы воспитать из женщин примерных супругов, образцовых матерей и хозяек дома. Такая концепция доминирует в сфере женского образования в течение всего XIX столетия. Институты, возникшие в конце XVIII в., становятся основной базой женского воспитания; общая структура их внутренней организации сохраняется в неизменном виде на протяжении полутора веков.

В период правления Николая I (1825–1855) женские образовательные учреждения распространяются по всей стране, привлекая внимание прессы и литературы. Институтки, оканчивающие эти школы, становятся матерями и воспитательницами в своих семьях или работают наставницами в чужих домах. В прессе 1830-х годов, в частности на страницах «Отечественных записок», «Современника» и «Вестника Европы», выходят статьи, высоко оценивающие эти институты. Если наиболее консервативные журналы – «Сын отечества», «Северная пчела» и «Библиотека для чтения» – ополчаются на сен-симонистские идеи женской эмансипации, то В.Г. Белинский в «Отечественных записках», наоборот, отстаивает новые права женщины.

Дискуссия о роли женщины в обществе и в семье, возникшая в 1830-е годы, продолжается на протяжении всего последующего десятилетия, когда поднимается множество голосов в защиту улучшения положения женщины²³. Но, так или иначе, в женщине продолжают видеть существо, чье воспитание должно быть направлено на развитие исключительно внутренней жизни, ибо женское призвание состоит именно в том, чтобы нежностью смягчать трудности в жизни мужа. Образовательная программа по каждому предмету в рамках женского воспитания переосмысливается и адаптируется. Например, при составлении программы по истории следует учитывать, что:

Мужчина должен изучать историю прежде всего для нее самой, для ее абсолютного достоинства, а потом уже может делать

---

²²О деятельности и программах этих институтов ср.: Лихачева 1893: 250–301. О женском образовании ср.: Пономарева и др. 2009б.

²³Свидетельства об этой дискуссии можно найти: Лихачева 1895: 217–226.

из нее приложения, смотря по обстоятельствам жизни. Женщина, которой нужно быть не ученою, а просвещенной матерью и воспитательницею юного поколения, может довольствоваться одним приложением к истории для женского пола²⁴.

В 1843 г. под руководством Святейшего Синода создаются первые епархиальные училища, учебные заведения среднего образования, предназначенные прежде всего для дочерей священников, призванных стать женами служителей культа или учительницами начальной школы (Андреева 2000). В следующем году учреждается Комитет по реформированию женских учебных заведений, предписывающий местным властям открывать женские школы там, где насчитывается не менее 25 девушек подходящего возраста; к сожалению, эта программа так и остается неосуществленной.

В течение 40-х и 50-х годов многие журналы, в том числе «Отечественные записки» и «Современник», уделяют внимание вопросу развития женского интеллекта, и эти дискуссии неизбежно выливаются в проблему женского образования, к тому времени уже считавшегося необходимым. Некоторые интеллектуалы высказываются за одинаковое преподавание дисциплин для обоих полов; проблема женского образования становится одной из важнейших тем и в художественной литературе. В 1847 г. А.В. Дружинин в романе «Полинька Сакс» описывает неудовлетворенность мужа женой, которая, будучи идеальной хранительницей очага, не получила, однако, ни малейшего образования, способного развить ее ум. Герой старается восполнить этот недостаток, но, угнетенный равнодушием жены к попыткам воспитать ее, убеждается, что отношение общества к женщинам сделало из них неизлечимо инфантильных существ.

В 50-е годы женское образование распространяется во многих государственных учреждениях; в то же время продолжается традиция домашнего обучения у учителей или гувернанток, часто иностранцев. Профессор Н.А. Вышнеградский, известный педагог, в основанном им журнале «Русский педагогический вестник»

---

²⁴ «Руководство к всеобщей истории для женских учебных заведений» (1847), цит. по: Лихачева 1895: 227.

освещает особенности домашнего образования, обычно менее серьезного, чем институтское:

В дворянском кругу девушки... воспитываются гувернанткой, главная забота которой состоит в том, чтобы ученица как можно лучше говорила по-французски, хорошо танцевала и умела играть на фортепиано (Лихачева 1895: 236).

Именно такова ситуация Сони и Маши, об образовании которых заботится Сергей Михайлович в «Семейном счастье»:

Прежде занятия с Соней, уроки ей были для меня тяжелою обязанностью, которую я усиливалась исполнять только по сознанию долга; он сидел за уроком, и следить за успехами Сони сделалось для меня радостью. Выучить целую музыкальную пьесу прежде казалось мне невозможным; а теперь, зная, что он будет слушать и похвалит, может быть, я по сорока раз сряду проигрывала один пассаж, так что бедная Катя затыкала уши ватой, а мне всё не было скучно (СС: 79).

Сергей Михайлович внимательно наблюдает, чтобы все шло по правилам:

– Вам не должно и нельзя скучать, – сказал он, – у вас есть музыка, которую вы понимаете, книги, ученье, у вас целая жизнь впереди, к которой теперь только и можно готовиться, чтобы потом не жалеть. Через год уж поздно будет (СС: 72).

Воспитание девушек в женских заведениях предполагает полномасштабное гуманитарное образование, весьма суровую дисциплину, привычку к труду и совершенному самообладанию; все это – в условиях полной изоляции от внешнего мира. «Наставление» от 1852 г., устанавливающее новые программы для высших учебных заведений, уточняет, что все обучение должно быть направлено на развитие той деятельности, которой воспитанницы будут заниматься в семье:

Главное назначение женщины, сказано в «Наставлении», есть семейство; <женщина, как создание нежное, назначенное

природою быть в зависимости от других, должна знать, что ей суждено не повелевать, а покоряться мужу и что строгим лишь исполнением обязанностей семейных она упрочит свое счастье и приобретет любовь и уважение, как в кругу семейном, так и вне оно» (Там же: 139).

Тем не менее при полном уважении к традиционным ценностям в рамках этой воспитательной системы именно в институтах благородных девиц зарождается, пусть и медленно, новый стиль поведения. Культурный багаж, которым овладевают институтки, позволяет им обрести большую самостоятельность, а некоторым дает возможность содержать себя, работая гувернантками или учительницами (Лихачева 1893: 247). Институты и в самом деле организованы по образу и подобию семьи, и институтскую начальницу называют маман; учитывая полную изоляцию от внешнего мира, институт становится единственным местом, где протекает жизнь девушек.

В первой половине XIX в. появляются также училища для девушек из менее имущих социальных слоев и институты для девочек-сирот, воспитанницы которых получают специальную подготовку, ориентированную на их будущую деятельность гувернанток, а это требует изучения педагогики. В 1856 г. знаменитый хирург и педагог Н.И. Пирогов в прогрессивном журнале «Морской сборник» публикует статью под заголовком «Вопросы жизни», имевшую большой резонанс в обществе и приведшую к зарождению широкого общественного движения, направленного на реформирование школьной системы. Автор статьи поддерживает необходимость распространения образования в стране и старается привлечь общественное мнение к проблеме женского воспитания:

[Р]аннее развитие мышления и воли для женщины столько же нужны, как и для мужчины. Чтоб усладить сочувствием жизнь человека, чтоб быть сопутницей в борьбе, ей также нужно искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать, мышление, чтобы избирать и чтобы иметь ясную и светлую идею о цели воспитания детей.

<...> Пусть женщины поймут свое высокое назначение в вертограде человеческой жизни. Пусть поймут, что они, ухаживая

за колыбелью человека, учреждая игры его детства, научая его уста лепетать и первые слова и первую молитву, делаются главными зодчими общества (Пирогов 1985: 50–51)²⁵.

В 1858 г. профессор Вышнеградский, который на страницах «Русского педагогического вестника» защищает дело женского образования и говорит о необходимости сделать его доступным для всех женщин, основывает «Мариинское женское училище», переименованное в 1862 г. в «Мариинскую женскую гимназию», а в конце столетия ставшую одной из самых больших в столице. Это первое учебное заведение, открытое для девушек из всех слоев общества, которое посещают воспитанницы в возрасте от 9 до 13 лет; его выпускницам присваивается звание «домашняя наставница». С этого времени число женских заведений, учреждаемых исключительно государством и поддерживаемых местными властями, неуклонно растет. Женское образование еще не стало широко распространенным явлением, но, начиная с самых обеспеченных классов, постепенно охватывает и средние сословия. По мере того как эти нововведения меняют женскую ментальность, новый тип женщины, более образованной по сравнению со своими предшественницами, приходит в столкновение с семейным укладом все еще патриархального типа. Сначала этот социальный процесс приводит лишь к умножению женских обязанностей: ведь теперь от женщины требуется разделять интересы мужа, воспитывать детей, а для этого ей нужно знать французский язык и, желательно, другие европейские языки, литературу и музыку; кроме того, она должна вести домашнее хозяйство. Только со временем женщина учится использовать свои познания вне семейного окружения, применяя их в новых занятиях и профессиях.

Но в начале пятидесятых годов уже чувствовались, хотя слабо, веяния новых требований жизни, указывавшие и женщинам тот выход, который часто спасал мужчин от их личных несчастий, который, наполняя жизнь, дает содержание внутреннему миру

---

²⁵ Статья переиздается «Журналом Министерства народного образования» в 1856 г., а также переводится на французский и немецкий языки. Положительные отзывы на нее появляются в «Современнике» за подписью Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова.

человека, сообщает ему силу в перенесении личных невзгод и некоторую независимость от внешних условий, т. е. труд, интерес к науке, искусству, общественному делу. Этому много способствует образование (Лихачева 1895: 263).

Поколение «новых людей» (прототипы которых прописаны в романе «Что делать?») в эти годы положительно относится к вопросу женского образования. Чернышевский и его последователи даже полагают, что долг мужчины – быть «учителем» для женщины, и это «наставничество», по их мысли, является частью задачи, которую интеллигент-народник обязан выполнять в обществе. Роль обладателя знаний, которыми следует делиться с женщиной, распространяется также на личные отношения: любящий мужчина стремится обучать свою подругу, чтобы помогать ее интеллектуальному развитию, как это происходит в романе «Что делать?», где Лопухов пытается формировать ум Веры Павловны, советуя ей определенные книги для чтения.

Сергей Михайлович также внимательно следит за тем, что читает Маша, но его интерес далек от соучастия; он возложил на себя отцовские обязанности и в качестве опекуна девушки занимается ее образованием. В самом деле, после свадьбы у них не будет никаких общих интересов, несмотря на попытки Маши разделить с мужем его деятельность.

Французское влияние

В 1858–1859 гг. огромный резонанс в России имели две французские книги о браке и женском вопросе. Речь идет о «De la Justice dans la revolution et dans l'église» (О справедливости в революции и в церкви, 1858) Пьера Жозефа Прудона и «L'Amour» (Любовь, 1859) Жюль Мишле, за которым год спустя последовал труд «La Femme» (Женщина, 1859). Как полагает Б.М. Эйхенбаум, весьма вероятно, что Толстой был знаком с работой Прудона и разделял его идеи как об эмансипации женщины, так и об институте семьи²⁶.

---

²⁶ Уже в 1857 г. в своем дневнике Толстой запишет ряд замечаний по произведению Прудона, с которым познакомится лично в 1861 г.

В третьей главе своего произведения, озаглавленной «Теория брака», Прудон защищает этот институт как основу общества:

Брак – это акт, посредством которого мужчина и женщина, возвышаясь над любовью и чувствами, заявляют о своем желании объединиться согласно закону и выполнять, насколько это от них зависит, свое социальное предназначение, трудясь ради прогресса и справедливости.

Семья как расширение супружеской пары представляет собой лишь развитую версию этого юридического организма; город, будучи переплетением семей, в свою очередь, еще точнее воспроизводит данный организм. Брак, семья, город составляют один и тот же организм; социальное предназначение неразрывно связано с судьбой брака, и через это всеобщее причастие каждый из нас будет жить, пока жив род человеческий (Proudhon 1858. III: 474, 480).

Проблема женской эмансипации рассматривается Прудон на страницах, посвященных писательнице Жорж Санд, которая, по его мнению, насаждает культ свободной любви вплоть до возвышения ее надо всем, доходя таким образом до отрицания брака. Философ заключает, что уравнивание мужчины и женщины в правах убило бы подлинную природу женской души (Ibid.: 404–408, 414–428).

В европейском культурном пространстве уже идут пылкие дискуссии на эту тему; со временем они распространяются и на Россию. В главе романа «Былое и думы», посвященной Прудону, Герцен с горечью описывает его отношение к семье и женщинам, называя его защитником старого патриархального порядка, неким *pater familias* (отцом семейства), который рассматривает женщину как подчиненное ему существо:

Понятия его о семейных отношениях грубы и реакционны, но и в них выражается не мещанский элемент горожанина, а ско-

---

в Брюсселе (Ср.: Мендельсон 1934; Эйхенбаум 2009в: 328. Эйхенбаум также свидетельствует о дискуссии, которая разворачивается в России вокруг вышеуказанных произведений Прудона и Мишле (Эйхенбаум 2009в: 329–331)).

рее упорное чувство сельского *pater familias*, гордо считающего женщину за подвластную работницу, а себя за самодержавную главу дома (Герцен 1958: 424–425).

Революционный поэт Михаил Михайлов в «Парижских письмах» (1858–1859) также ссылается на «Любовь» Мишле и на работу «О справедливости в революции и в церкви» Прудона, называя первое скандальным и безнравственным («*un succès de scandale*», «безнравственная книга» (Михайлов 1903: 222))²⁷, а второе – произведением, вызывающим негодование своей «ретроградной философией» (Там же: 6) брака и любви. Михайлов утверждает:

Вопрос о положении женщины и об организации семейства один из самых насущных вопросов нашего времени. Только от его разрешения зависят твердые и правильные успехи цивилизации. <...>

[Н]и сентиментальная теория Мишле, ни циническая система Прудона не поворотят общество назад. Эмансипация женщины началась и остановить ее невозможно (Там же: 222–223).

Отмежевываясь от обоих французских мыслителей, Михайлов полагает, что для того, чтобы создать крепкую и нравственную

---

²⁷ Книга Мишле вызывает бурную реакцию у читателей из-за своих идей, а также из-за откровенности в описаниях, с которой он касается запретного вопроса женской сексуальной жизни. В этом произведении, носящем светский характер, восхваляется семья и домашний очаг с точки зрения женщины и согласно романтическому идеалу. Вышеуказанная статья Михайлова, вышедшая в 1860 г. в «Современнике» (Михайлов 1860), также вызывает много шума. В ней писатель провозглашает, что общественный прогресс находится в прямой зависимости от женской эмансипации; именно поэтому его считают одним из главных защитников женских прав в России. Напомним, что Михайлов работает над своим произведением по возвращении из поездки во Францию, во время которой он знакомится с западными теориями по женскому вопросу. Данная тема затрагивает и его личную жизнь, так как он живет в любовном треугольнике («*ménage à trois*») с Людмилой и Николаем Шелгуновыми.

семью, которая давала бы правильное воспитание новым поколениям (т. е. формировала основы общества), нужно предоставить женщине гражданские и человеческие права, которые должны ей принадлежать (Там же: 223). Письма Михайлова выходят в «Современнике» за 1858 г., открывая дискуссию в российской печати. В следующем году писательница Евгения Тур публикует в «Русском вестнике» статью, получившую широкий резонанс, в которой остро критикует произведение Мишле, обвиняя его в сентиментализме, в том, что он изображает женщину как существо хрупкое, незащищенное и подчиненное: «Самая книга г. Мишле не более как ложь; каждая ее страница грешит против правды. <...> Он свел женщину до уровня животного, хотя и очень красивого, как, например, птичка» (Тур 1859: 477–478).

В целом если французская критика принимает книгу Мишле с благосклонным интересом, российская печать единодушно возражает ей и поносит ее. В любом случае бесспорным является тот факт, что темы женщины и семьи очень активно обсуждаются как в России, так и за рубежом, и именно в этой атмосфере, как отмечает Эйхенбаум, у Толстого созревает замысел романа о «семейном счастье» (Эйхенбаум 2009в: 330)²⁸. По его мнению, у повести есть два источника: автобиографический и социальный. Основываясь на собственном опыте любовных отношений с Валерией Арсеньевой, Толстой впоследствии обогащает свой материал данными, почерпнутыми из печати того времени. В период влюбленности в Арсеньеву Толстому казалось, что он встретил в ней воплощение своего женского идеала, но затем последовало жестокое разочарование из-за того, что девушка мечтала о светской жизни, а не о жизни в деревне, как предписывали старые патриархальные законы. На этот автобиографический слой накладывается социальный: ведь писатель был осведомлен о международной дискуссии по женскому вопросу и читал романы Жорж Санд, которую, по свидетельству писателя Д.В. Григоровича, остро критиковал:

---

²⁸ Эйхенбаум утверждает, что Толстой читал Мишле как раз в годы, когда вынашивал «Семейное счастье», и что это произведение является переработкой теоретической схемы французского мыслителя в виде художественной прозы (Эйхенбаум 2009б: 634; Эйхенбаум 2009в: 333–336).

Обед прошел благополучно; Толстой был довольно молчалив, но к концу он не выдержал. Услышав похвалу новому роману Ж. Занд, он резко объявил себя ее ненавистником, прибавив, что героинь ее романов, если бы они существовали в действительности, следовало бы, ради назидания, привязывать к позорной колеснице и возить по петербургским улицам (Григоревич 1987: 166).

В «Семейном счастье» Толстой ведет скрытую полемику с романами французской писательницы. Если Жорж Санд восхваляет «свободу сердца» и чувств и провозглашает право женщины со временем менять свои привязанности, Толстой делает из любовной фабулы простой пролог к подлинной центральной теме своего повествования – теме «настоящей» семейной жизни. История любви действительно остается на втором плане; более того, Толстой отказывается от традиционного литературного канона, предполагающего счастливый конец. В.П. Боткин утверждает, что «вся неудача вышла от неясности первоначальной мысли, от какого-то напряженного пуританизма в воззрении; этот рассказ всего лучше шел к детскому журналу» (Боткин 1949: 296–297)²⁹. Необычна также сцена признания в любви: в традиционных любовных романах именно это сцена является центром всего сюжета, а здесь она показана прозаически или даже изображена в шуточных тонах Сергеем Михайловичем:

Что такое за открытие, что человек любит? Как будто, как только он это скажет, что-то защелкнется, хлоп – любит. Как будто, как только он произнесет это слово, что-то должно произойти необыкновенное, знамения какие-нибудь, из всех пушек сразу выпалят. Мне кажется, – продолжал он, – что люди, которые торжественно произносят эти слова: «я вас люблю», или себя обманывают, или, что еще хуже, обманывают других (СС: 85).

---

²⁹ Суждение Боткина касается только первой части повести, о второй же он высказывается совсем иначе: «[Н]е только мне понравилась эта 2-я часть, но я нахожу ее прекрасной во всех отношениях» (Там же: 297).

Центральную фабулу мы находим во второй части повести: это совместная жизнь, ее однообразие и смирение Маши. Любовь-влюбленность романтической эпохи отодвигается на второй план наряду с идеями женской эмансипации, порожденными французской культурной средой, но Толстой как будто не находит убедительной альтернативы, и финал повести оставляет частично нерешенными внутренние вопросы героини и не удовлетворяет ожиданий читателя. В итоге «роман»³⁰ как история любви уступает место повседневной жизни и быту.

С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я еще не прожила в настоящую минуту... (СС: 143).

Что такое «семейное счастье»?

Идеал семейного союза, основанного на чувствах, уже появлялся в художественной литературе на рубеже XVIII и XIX вв., когда Державин и Капнист воспевали любовь как фактор, необходимый для семейного счастья. Позднее этот идеал культивировался в литературе романтизма. Именно в русле традиции романтических героинь и тургеневского лиризма (особенно в описаниях природы) рождается повесть «Семейное счастье», где искренняя любовь между главными героями соответствует мечте родителей героини, которые, по обычаям того времени, уже предвидели их союз:

Сергей Михайлыч был близкий сосед наш и друг покойного отца, хотя и гораздо моложе его. <...> Кроме того что я, как и все в доме, начиная от Кати и Сони, его крестницы, до последнего кучера, любили его по привычке, он для меня имел особое значение

---

³⁰ Уточним, что В.П. Боткин исправляет этот термин в корректуре, направленной ему Толстым, не считая его подходящим для описания отношений, существующих между двумя героями (Мендельсон 1935: 307).

по одному слову, сказанному при мне мамашей. Она сказала, что такого мужа желала бы для меня (СС: 68).

Вдруг он [Сергей Михайлович] обернулся ко мне, я видела, что он хотел сказать что-то. «Что ежели он заговорит не про то, про что я думаю?» пришло мне в голову. Но он заговорил про отца, даже не называя его.

– А один раз он шутя сказал мне: «женись на моей Маше!» – сказал он (СС: 103).

Сергей Михайлович – опекун героини, по-отечески относящийся к ней, как это нередко происходило в браках между русскими дворянами; он обеспечен, образован и знатен, но брак с Машей заключается им не на основе договоренности между семьями по правилам того времени, а благодаря чувству, которое с годами развивается у обоих будущих супругов.

В рамках стереотипов эпохи выдавать молодую девушку за мужчину, который, подобно герою повести, был намного старше ее и проживал в соседнем имении, было весьма распространенным обычаем; никакого чувственного влечения друг к другу от жениха и невесты при этом не требовалось. Соседские браки были особенно частым явлением в провинции: эта традиция позволяла избежать неприятных сюрпризов (которые могли подстергать молодого или молодую в малознакомой семье), а также всех семейных расходов, связанных с подготовкой выхода в свет молодой девушки на выданье и посещением ею салонов. Но главное, эта практика позволяла объединить земельные владения (Пономарева и др. 2009а: 127). Часто родители выбирали жениха, не спросив на то согласия у суженой, которая вступала в брачную авантюру в полном неведении относительно своего жениха. Неслучайно воспитание подростков неизменно направлялось на то, чтобы приучить их подавлять собственные чувства, и девушки знали, что брачный союз основан на «здравом смысле», а не на эмоциях: «Общее происхождение, схожее состояние, серьезное и сознательное отношение к святому институту брака – все это сближало жениха и невесту» (Там же: 131). Иногда случалось, что невеста даже не знала о собственной участи, поскольку жених просил ее руки непосредственно у отца, а ее саму ставили в известность об этом только впоследствии. Едва завершилось обсуждение приданого и

подписывался брачный договор, невесте объявляли о предстоящей свадьбе (Там же: 138)³¹.

Новизна сюжета в произведении Толстого состоит в том, что союз между супругами увенчан чувством, призванным придать «семейному счастью» прочную основу. На деле же именно эта «переменная», не контролируемая рассудком, приводит к кризису в супружеских отношениях. В отличие от большинства женщин того времени, у Маши, выбравшей союз, основанный на любви, ожидания счастья намного выше, чем у ее сверстниц, и не успевают они до конца развеяться, как уже появляются первые признаки кризиса. Кроме того, героиня горит желанием участвовать в жизни мужа, а оно не укладывается в картину нравов того времени. Сергей Михайлович воплощает в себе одновременно и отца, и мужа: «Он говорил со мной как отец или дядя, и я чувствовала, что он беспрестанно удерживается, чтобы быть наравне со мною» (СС: 72). Даже будучи «просвещенным» дворянином, он не разделяет, а в глубине души и сильно порицает стремления жены, которой хочется посмотреть на внешний мир своими глазами, а не через призму мировосприятия мужа. Таким образом, если муж занимается упрочением всех патриархальных обычаев, то Маша чувствует, что задыхается в роли «хранительницы домашнего очага»:

Муж не вмешивался в домоводство и только занимался полевым хозяйством и крестьянами, и занимался много (СС: 107).

Он начал заниматься делами без меня больше, чем прежде, и опять мне стало казаться, что есть у него в душе какой-то особый мир, в который он не хочет впускать меня (СС: 110).

Одно утро мне было хуже обыкновенного; он вернулся из конторы не в духе, что редко бывало с ним. Я тотчас заметила это и спросила, что с ним? но он не хотел сказать мне, говоря, что не стоит того. <...> Но мне показалось, что он не хотел говорить со мною оттого, что считал меня ребенком, который не может понять того, что его занимает (СС: 111).

– Я не хочу играть в жизнь, я хочу жить, – сказала я, – так же, как и ты. <...>

– Я хочу жить с тобой ровно, с тобой... (СС: 113).

---

³¹ Живое свидетельство о нравах эпохи можно найти в: Сабанеева 1914.

Этот всплеск отчаяния Маши предшествует будущим драмам, которые воплотятся в нарастающем отчуждении супругов друг от друга, и особенно – в угрозе супружеской измены. Лишь тень измены просачивается в жизнь героини, и одного этого оказывается достаточно, чтобы подтолкнуть ее к размышлению, в результате которого она покинет мир «зла» (светскую жизнь) и вернется в мир «добра» (семейную жизнь в деревне) путем некоего «возрождения», которое выразится в жизни, посвященной детям и мужу. Таким образом, Маша переходит от счастья любви к «семейному счастью».

На неудачный союз любви и разума накладывается модель, описанная во второй части повести, где мы видим не столько возрождение чувства, сколько смиренное принятие женщиной своей древней роли жены и матери при полном соблюдении патриархального уклада³². После того как терпит крах попытка наладить отношения (причем на условиях мужа, который даже не пытается поделиться своими мыслями с женой или вникнуть в ее внутренний мир, а подталкивает ее к светской жизни), Маша покидает светское общество и смиряется с укладом, любезным сердцу Сергея Михайловича. Маша не следует правилам действовавшего тогда неписаного закона, по которому, как княгиня Бетси в «Анне Карениной», она могла бы вести распушенный образ жизни при условии сохранения видимости честной супружеской жизни. Героиня слишком увлечена новыми идеалами романтической любви, чтобы принять для себя эти правила, но не в состоянии найти им альтернативу и даже не имеет сил бросить вызов обществу, которыми будет обладать Анна Каренина; поэтому ей остается только вернуться обратно к прошлому. В отличие от Чернышевского, Толстой не принимает во внимание новые схемы отношений, но старается «заделать» трещины, образовавшиеся в старом институте брака, прибегая к более традиционным решениям, характерным для прошлого. Но совсем скоро и он осознает, что женская ментальность изменилась и кризис более глубок, чем ему казалось вначале.

Неизбежным следующим шагом будет роман «Анна Каренина», посвященный женщине, которая отказывается от «семейного счастья» ради несчастья жизни «на свободе».

---

³² Именно в такую модель отношений верил сам Толстой (ср.: Толстой 1936а: 133).

«АННА КАРЕНИНА»

Анна виновата не в том, что она любит,
а в том, что она, противопоставив свою
любовь обществу, в то же время хочет,
чтобы общество ее признало.

В. Шкловский. Лев Толстой

Институт брака в «Анне Карениной»

Тема семьи представляет собой одну из наиболее проблемных областей в диалоге между православной церковью, самодержавным государством и культурной элитой в XVIII и XIX вв. Институт брака становится основной точкой столкновения в этой области, и неудивительно, что дискуссия вокруг него находит отражение в великих прозаических произведениях XIX в. От «Анны Карениной» (1875–1877) до «Дамы с собачкой» (1898) тема брака насквозь пронизывает литературу того времени, и вклад художественного слова в распространение и рецепцию этого дискурса огромен.

Перед лицом серьезных изменений, затронувших российское общество во второй половине XIX в., представляются весьма уместными следующие вопросы: какую роль сыграла литература в этом процессе и, прежде всего, какое влияние оказал роман «Анна Каренина» на формирование новой, буржуазной модели семьи? В какой мере это произведение повлияло на отмирание брака по расчету и какая доля ответственности за самоубийство Анны лежит на этом традиционном институте? Насколько слова Анны способствовали переходу общества к браку по любви³³ и в какой степени ее измена подорвала основы брака по расчету?

---

³³ «Но пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, что я живая, что я не виновата, что Бог меня сделал такою, что мне нужно любить и жить» (АК XVIII: 308–309).

Юрист М.М. Абрашкевич утверждает:

Брак есть учреждение, организованное государством в своих собственных, государственных, интересах; на твердости семейных начал зиждется сила и крепость государства; ему важно поддержать неприкосновенность семьи. Прелюбодеяние есть посягательство на основы брачного союза (Абрашкевич 1904: 622).

Семья же, по свидетельству жены писателя С.А. Толстой от 3 марта 1877 г., – это концептуальное ядро романа «Анна Каренина»:

Мне теперь так ясна моя мысль. Чтобы произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так в «Анне Карениной» я люблю мысль *семейную*, в «Войне и мире» любил мысль *народную* (Толстая 1978б: 502)³⁴.

Поэтому «Анна Каренина» – не только нравственно-философский, но и социальный роман, по которому можно судить о текущих изменениях в российском обществе второй половины XIX в., берущих начало в семье и распространяющихся оттуда на все сферы общественной жизни. Толстой изображает мир русского дворянства на переходном историческом этапе, описывая кризис его культуры, его политической, художественной, экономической деятельности и его мировоззрения – кризис, вызванный критической рефлексией нового типа и событиями, происходившими в России во второй половине XIX в. В частности, автор знакомит

---

³⁴ Тот факт, что тема брака играет центральную роль в романе, подтверждается и тем, что к одной из первых редакций романа автор поставил два эпиграфа, и «один из них в двух вариантах заключает в себе мысль о том, что для одних женитьба – важнейшее и труднейшее дело жизни, для других – забава, легкое увеселение» (Гудзий 1939: 586). Кроме того, в восьмой редакции роман назывался «Два брака» (Там же: 594), что позволяет Эйхенбауму говорить о «произведении семейственности» (Эйхенбаум 2009б: 640). Наконец, Анджело Мария Рипеллино замечает в своей статье, что в романе обсуждается «навязчивая тема супружеского счастья и брака» (Giuliani 1995: 45). В общих чертах о центральной роли темы брака в романе XIX в. упоминает и Тони Таннер (Tanner 1979: 24–31).

читателя с проблемной ситуацией дворянского брака по расчету. Этот институт, характерный для патриархальной семьи как для базовой ячейки общества, был одним из главных способов сохранения и увековечения русского дворянства, а также стабилизирующим общественным фактором. Социальные изменения, последовавшие за великими реформами, дух европейской культуры, воспринятый через литературу романтизма, и повышение уровня женского образования постепенно приводят к образованию невосполнимой брешы в институте брака по расчету, который впоследствии, в процессе формирования нового класса – буржуазии, должен будет уступить место иной модели семьи.

Институт брака по расчету

Государство и церковь долгое время оспаривали друг у друга право контролировать семью, понимая, что именно она играет ключевую роль в воспроизводстве общественных отношений, на которых строится имперская Россия. По словам одного из юристов эпохи,

Брак есть институт, составленный из многих элементов – физического, нравственного, хозяйственного и юридического общения супругов. <...> Брак – основная клетка государства, в браке воспитываются будущие граждане; беспорядочность в семье есть верный предвестник беспорядочности общественной и государственной (Загоровский 2003: 75–76)³⁵.

Брак по расчету в «Анне Карениной» описывается в момент кризиса данного института, существовавшего на тот момент уже около двух столетий. Это брак по предварительному соглашению, а не по взаимному согласию; брак как результат финансовой сделки или закрепление политического союза между семьями, освящаемого супружескими узами:

---

³⁵ Библиографию по эволюции семьи в России с XIX по начало XX в. можно найти в работах: Веремченко 2009: 47–66; Гончаров 2002.

На первом месте при заключении брака находились не чувства или даже не интересы жениха и невесты, а интересы двух семей, поскольку брак являлся соглашением не двух человек – жениха и невесты, а двух семей, двух родов. Такой подход к браку был типичным для дворян, начиная от бедных и кончая титулованными и императорскими особами (Миронов 1999. I: 259).

Именно по этим правилам и был заключен брак Анны, как явствует из слов ее брата Степана Аркадьича: «Я начну сначала: ты вышла замуж за человека, который на двадцать лет старше тебя. Ты вышла замуж без любви или не зная любви» (АК XVIII: 449).

По Гражданскому кодексу именно родные девушки должны выбрать для нее супруга, как гласит ст. 6: «Запрещается вступать в брак без дозволения родителей, опекунов и попечителей» (Мордухай-Болтовский 1910. X. Ч. 1: 1). В таком браке сфера чувств не играет никакой роли; привязанность между супругами может возникнуть со временем, или же муж станет искать случайных связей вне дома, чтобы восполнить нехватку любви. В любом случае ожидания счастья в таком союзе весьма невелики, и потому их трудно обмануть. Как полагает Стоун, «в “недостаточно чувственном” обществе “недостаточно чувственный” брак часто может оказаться совершенно удовлетворительным» (Stone 1983: 111–112). Романтическая любовь хороша для поэзии и шекспировских драм, но в реальности гораздо более ценным представляется создание крепкого и эффективного в социальном плане союза. Таким образом, чувства «приручают», вплоть до того, что нередко они сами подстраиваются под общественные требования и со временем внутри супружеской пары может возникнуть что-то вроде привязанности (Pushkareva 1997: 181). В подобных случаях, как указывается в учебнике хорошего тона (*bon ton*) 1889 г., жена становится верной хранительницей домашнего очага и укрывает мужчину от внешних тревог: «В браке, заключенном при таких условиях, муж найдет в жене нежную подругу и верного друга, который дает ему все, что только есть в жизни прекрасного и драгоценного» (Юрьев, Владимирский 1889: 101).

Литературный аналог этим прописным истинам мы находим в беседе, происходящей в салоне княгини Бетси, где любовь

трактуется как прививка, которую нужно сделать один раз в жизни, чтобы потом не страдать от будущих «болезней»; как зло, которое однажды необходимо вылечить, чтобы после спокойно жить «здоровой» жизнью в браке. Зараза любви должна быть побеждена, чтобы уступить дорогу здоровому *ratio*:

– <...> Я знаю счастливые браки только по рассудку.

– Да, но зато как часто счастье браков по рассудку разлетается, как пыль, именно оттого, что появляется та самая страсть, которую не признавали, – сказал Вронский.

– Но браками по рассудку мы называем те, когда уже оба перебесились. Это как скарлатина, чрез это надо пройти.

– Тогда надо выучиться искусственно прививать любовь, как оспу (АК XVIII: 145).

В дальнейшем сущность брака по расчету раскрывается в ходе рассуждений Каренина, когда герой, узнав об измене жены, готовится к разговору с ней:

И в голове Алексея Александровича сложилось ясно все, что он теперь скажет жене. <...> «Я должен сказать и высказать следующее: во-первых, объяснение значения общественного мнения и приличия; во-вторых, религиозное объяснение значения брака; в третьих, если нужно, указание на могущее произойти несчастье для сына; в-четвертых, указание на ее собственное несчастье» (АК XVIII: 152–153).

Вокруг этих четырех ключевых тем развивается сюжет всего романа, в конце которого признается правота Каренина, так как ментальность Анны сформирована культурой и представлениями о жизни дворянства первой половины XIX в. и, за исключением смелости, у героини нет других средств борьбы против общества, религии, боли из-за потери сына и собственного несчастья.

В обществе, к которому принадлежит Анна, статус женщины определяется супружескими обязательствами и женское воспитание полностью направлено на ее «самореализацию» в семье.

Неподписание брачного контракта³⁶ означает фиаско для родительской семьи и унижение для самой девушки. Именно эта угроза так пугает Кити, когда она спорит с Левиным и Щербацким: «страх девства и униженья» (АК XVIII: 418) душит ее, поскольку она боится остаться на задворках общества. Аналогичное чувство заставляет Долли в споре с Карениным по поводу положения Анны после измены испуганно вскричать: «Нет, это ужасно. Она будет ничьей женой, она погибнет!» (АК XVIII: 415).

В романе описывается несколько разновидностей одной и той же модели брака на примере трех пар: Долли и Облонского, Кити и Левина, Анны и Каренина. Кажущееся различие между первой и второй парами не должно вводить в заблуждение: если семья Долли и Облонского – буквальное воплощение на практике союза договорного типа, то семья Кити и Левина – это лишь более желательный вариант такого союза, точно так же подчиненного патриархальным законам, всецело определяющим образ жизни и мышления Левина, к которому Кити пассивно приспосабливается. Отношения между Анной и Карениным, будучи заключительным и переломным этапом этой формы брака, подводят под историей его существования роковую черту. В каждом из этих случаев мы имеем дело с патриархальной семейной средой, в которой доминирует отец семейства (*pater familias*) и которая воспроизводит в меньшем масштабе схему государственной власти (царь – дворянство – крестьяне).

Итак, необходимость прочного института брака обусловлена глубокими политико-экономическими причинами: непрерывность мужской линии, сохранение унаследованного имущества в целостности, приобретение посредством брачных связей дальнейшей собственности и заключение новых политических союзов. Очевидно, что речь идет о тесно взаимосвязанных и взаимозависимых областях, поскольку сохранение имущества, которое должно защищать крепостную структуру государства, обеспечивается институтом майората, в рамках которого все отцовское имущество передается первенцу мужского пола, младшие сыновья предназначаются к военной службе, а дочери часто отдаются в монастырь.

---

³⁶ Договорная природа брака по прошествии столетий устанавливается также действующим Семейным кодексом России, который определяет его как «брачный договор» (ст. 40 Семейного кодекса РФ).

Заклучение договора может иметь место и в случае отсутствия имущества, если таковое компенсируется высоким происхождением супруга: престиж может восполнить недостаток материальных благ.

Сакральность брачного союза подтверждается строгим церемониалом, венчающим брак как высший религиозный и социальный институт. Этот церемониал включает правила сватовства, встречи жениха и невесты, помолвки, свадебной церемонии, вручения приданого (Лотман 1994б: 103–122; ср.: Pushkareva 1997: 148–173). Такая практика предполагает изысканные места для организации будущих союзов, в частности балы, представляющие собой настоящий «брачный рынок» с очень сложным ритуалом, основанным на подлинной «грамматике бала» (Лотман 1994б: 91)³⁷. Каждому танцу соответствуют особые формы беседы, как мы узнаем из сцены, в которой Кити ожидает исполнения своей любовной мечты во время мазурки:

Вронский с Кити прошел несколько туров вальса. После вальса Кити подошла к матери и едва успела сказать несколько слов с Нордстон, как Вронский уже пришел за ней для первой кадрили. Во время кадрили ничего значительного не было сказано... Но Кити и не ожидала большего от кадрили. Она ждала с замиранием сердца мазурки. Ей казалось, что в мазурке все должно решиться (АК XVIII: 86).

Во время мазурки действительно разыгрывается самая важная драма этого вечера, но ее героями оказываются не те, кого ожидает увидеть публика, а Анна и Вронский. Он приглашает Каренину на танец, игнорируя надежды Кити и нарушая принятый порядок вещей. Согласно «грамматике бала», этот жест Вронского означает его отказ от Кити и привлекает внимание присутствующих к появлению Анны в свете, а, возможно, как будут предполагать гости, и в жизни красавца-офицера.

Свадебный церемониал также имеет большое значение при составлении брачного договора; ему уделяется немалое внимание

---

³⁷ Подробное описание «грамматики бала» можно найти в: Сабанева 1914: 114–124.

в великих романах XIX в., для которых свадебное торжество становится излюбленным предметом описания. Толстой, изображая свадьбу Кити и Левина, передает все тонкости этого церемониала с таким богатством подробностей, что занимает ими первые шесть глав пятой части романа³⁸. Приведем здесь лишь самые примечательные детали этого описания:

В церкви была вся Москва, родные и знакомые. И во время обряда обручения, в блестящем освещении церкви, в кругу разряженных женщин, девушек и мужчин в белых галстуках, фраках и мундирах не переставал прилично-тихий говор, который преимущественно затевали мужчины, между тем как женщины были поглощены наблюдением всех подробностей столь всегда затрагивающего их священнодействия (АК XIX: 21).

Этот церемониал уходит корнями в глубокое прошлое; он соблюдался еще на свадьбе матери Кити:

Сама княгиня вышла замуж тридцать лет тому назад, по сватовству тетки. Жених, о котором было все уже вперед известно, приехал, увидел невесту, и его увидали; сваха тетка узнала и передала взаимно произведенное впечатление; впечатление было хорошее; потом в назначенный день было сделано родителям и принято ожидаемое предложение. Все произошло очень легко и просто. По крайней мере так казалось княгине (АК XVIII: 48).

Но в случае Кити уже проявляются первые симптомы кризиса, затронувшего традиции русского дворянства. Времена изменились, и приготовления к свадьбе дочери ставят перед княгиней Щербацкой новые проблемы: она отдает себе отчет в том, что уже устарел и русский обычай брака через сватовство, и французский обычай, согласно которому о браке договариваются семьи, а английская манера предоставлять девушкам абсолютную свободу выбора немыслима в русском обществе, «но как надо жениться и как должны выходить замуж девушки, никто не знал» (АК XVIII: 49).

---

³⁸Строгость этого ритуала была такова, что Страхов написал Толстому, подчеркивая две ошибки, совершенные автором при описании свадьбы и помолвки Кити и Левина (Гудзий 1939: 620–621).

Патриархальная семья

Патриархальная модель господствует в русском обществе на протяжении XVIII–XIX вв., обеспечивая его преемственность. Однако в XIX в. в нем как будто уживаются две противодействующие силы: одна центристремительная, другая центробежная. В то время как первая стремится поддерживать *status quo*, защищая прочность семейной ячейки, вторая старается преобразовать семью под влиянием новых идеалов, сформировавшихся на родине (в частности, народнических), и других, пришедших из-за границы (материалистических, позитивистских, либеральных) (Пономарева и др. 2009а: 13–179). Центристремительная сила будет господствовать в России первой половины столетия: в силу своей архаичности и суровости модель брака патриархального типа будет яростно сопротивляться переменам, по крайней мере до тех пор, пока в стране не настанет новый общественный порядок и не появится еще один класс – буржуазия (ср.: Боханов 1992; Иванова, Желтова 2009). Именно во второй половине XIX в. перемены начнут давать свои ростки.

Основные характеристики патриархальной семьи – это высокий уровень рождаемости (в конце XIX в. на 1000 жителей России насчитывается 50 новорожденных, тогда как в Западной Европе их цифра колеблется между 22 и 36); небольшая продолжительность жизни (38 лет у мужчин и 40 у женщин); высокая смертность (3,4% против 1,8–2,2% в остальной Европе), причем очень высока детская смертность – самая высокая в Европе (согласно статистике, половина детей, рождающихся в русских деревнях, умирает до пятилетнего возраста). Браки очень ранние (мужчины женятся в 18–20 лет, женщины выходят замуж в 16–18), и воля старших при выборе супруга является решающей (Миронов 1999. I: 158–281; Белякова 2001; Ramer 1978).

Могущество патриархального института обусловлено тем, что государство также понимается как одна большая семья, во главе которой находится монарх: это явствует и из обращения к нему: «царь-батюшка». Кроме того, благодаря вере в божественное происхождение царской власти образ действий царя является священным образцом для подражания в глазах его подданных.

Подобно царю, отец семейства становится для своих домочадцев единственным и обязательным примером.

Церковная литература все еще включала родителей и детей в иерархию власти, установленной согласно божественному порядку и распространявшейся от Бога, Христа и церкви через царя, государственных чиновников и наставников на господ и крепостных (Wagner 1994: 74).

Законы, регулирующие патриархальную семью, основаны на власти главы семьи, на институте майората и на церковной юрисдикции, поэтому понятие семьи определяется в терминах власти, послушания, сыновнего долга и отцовских обязанностей. Закон разделяет семейную деятельность на мужскую и женскую сферы: мужская сфера включает общественные, финансовые и административные заботы, а женская – домашние хлопоты (женщине полагается вести домашнее хозяйство, воспитывать детей и хранить семейный очаг, где муж может отдохнуть от проблем внешнего мира). В сущности, брак освобождает женщину из-под власти отца, чтобы отдать ее во власть мужа, и из преданной дочери она превращается в верную жену и добродетельную мать, молчаливую исполнительницу воли супруга³⁹.

Такое «старинное воззрение на женщину, как на вещь, принадлежащую мужу» (Безобразов 1895: 14), ведет к тому, что патриархальная семья нередко становится жестоким институтом, внутри которого жена систематически подвергается дурному обращению, тем более что закон предоставляет очень мало инструментов для борьбы с таким обращением или для наказания за него (Там же: 16–24. Ср.: Женское право 1873; Шашков 1872). В связи с этим в прогрессивном журнале «Юридический вестник» от 1884 г. мировой судья Яков Лудмер приводит несколько прямых свидетельств о происшествиях, которые он сам наблюдал в жизни женщин в русских деревнях. Лудмер показывает, что женщины все еще нахо-

---

³⁹ Подробнее с историей положения женщин в России можно ознакомиться в работах Натальи Пушкаревой и в источниках, приводящихся в библиографии к ним: Pushkareva 1997; Пушкарева, Бесмертных 2004; Пушкарева 2002.

дятся под настоящим византийско-татарско-древнерусским игом и что закон бессиле защитить их, поскольку «ни одно судебное учреждение не может, в пределах нашего законодательства, оградить женщину от дурного и жестокого обращения с нею» (Лудмер 1884. № 11: 446–447)⁴⁰. Несмотря на реформу судебных учреждений 1864 г., удовлетворение женских исков на деле никак не зависит от мировых судей. Не имея возможности выдать женщине паспорт, они могут только отклонить ходатайство мужа о возвращении жены под супружеский кров. К тому же, как мы уже видели, другой орган, куда женщины могут подавать жалобы на дурное обращение с ними, а именно Отделение Имперской канцелярии для принятия прошений в адрес Его Величества, насквозь проникнут духом самодержавия, а следовательно, отнюдь не расположен рассматривать женские иски. В данное учреждение, имевшее специальное Четвертое отделение для разрешения супружеских споров (Ремнев 1997), подается множество прошений по семейным делам, но в результате произвола и субъективного подхода к руководству отделением со стороны его начальников иски регулярно отклоняются. Некоторые впоследствии направляются непосредственно императору с просьбами о милости, что свидетельствует о неэффективности законодательной системы в этой области. Такая процедура еще более утверждает абсолютную власть царя, который воплощает высшую судебную инстанцию и остается вершителем судеб своих подданных. Подводя итоги сказанному, можно утверждать, что ни прошения, направляемые в Имперскую канцелярию, ни иски, подаваемые на рассмотрение мировым судьям, по всей видимости, не способствуют снижению уровня насилия, царящего внутри семейных союзов⁴¹. Статьи Лудмера проливают свет на ситуацию, которая долгое время была скрыта за домашними стенами, и тем самым вынуждают реформаторов принять ее во внимание. Полный жестоких деталей отчет о женщинах, забитых насмерть, и о других, вынужденных жить с мужьями, зараженными венерическими заболеваниями, так как закон не дает женам права оставить их или

---

⁴⁰ Вторая часть статьи была опубликована месяцем позже (Лудмер 1884. № 12: 658–679).

⁴¹ Engel 2011: 19–29, 36–41, 101–130. О насилии над женщинами ср.: Muravyeva 2012: 209–238.

потребовать развода, открывает назревшую дискуссию в печати, уже полностью готовой к обсуждению женского вопроса⁴².

Мир «Анны Карениной» не знает этой суровости, поскольку дворянство в большинстве случаев не знает проблемы физического насилия; оказываемое давление носит здесь психологический характер и определяется традиционной ролью, которую призвана выполнять женщина. Эта роль символически воплощается в романе в образе Долли. Она представляет собой женский идеал, ту, от которой зависит вся домашняя жизнь и воспитание детей:

Дарья же Александровна знала, что само собой не бывает даже кашки к завтраку детям и что потому при таком сложном и прекрасном устройстве должно было быть положено чье-нибудь усиленное внимание (АК XIX: 205).

В то же время традиционный тип мужа представляет собой Стива Облонский, который, будучи отцом семейства согласно общепринятой морали, ведет довольно распутную жизнь вне домашних стен:

Степан Аркадьич был человек правдивый в отношении к себе самому. Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке. Он не мог раскаиваться теперь в том, в чем он раскаивался когда-то лет шесть тому назад, когда он сделал первую неверность жене. Он не мог раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену, мать пяти живых и двух умерших детей, бывшую только годом моложе его (АК XVIII: 5).

---

⁴² После публикации статьи Лудмера редакция журнала призвала читателей присылать новые материалы о юридическом и материальном положении русской женщины. Дискуссия продолжилась статьей Верещагина (Верещагин 1885), судьбы, приводившего новые свидетельства, аналогичные данным Лудмера; затем запиской Боброва, следователя с десятилетним опытом, который подтверждал отсутствие законов, защищавших женщин (Бобров 1885: 318–322). Наконец, в следующем материале Лудмера (Лудмер 1885: 522–531) подчеркивалась серьезность вопроса о женском имуществе.

Но задача женщины, выполненная Долли, – это смирение и прощение ради сохранения единства семьи:

Я вышла замуж. Муж обманывал меня; в злобе, ревности я хотела все бросить, я хотела сама... Но я опомнилась; и кто же? Анна спасла меня. И вот я живу. Дети растут, муж возвращается в семью и чувствует свою неправоту, делается чище, лучше, и я живу... Я простила, и вы должны простить! (АК XVIII: 415).

Патриархальная семья как идеальный дисциплинарный диспозитив регламентирует отношения не только по горизонтали, но и по вертикали – между родителями и детьми, обеспечивая полное подчинение потомства, как это предписано Гражданским кодексом:

177. Дети должны оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; служить им на самом деле, отзываться об них с почтением и сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота. Почтение детей к памяти родителей должно продолжаться и по кончине родителей (Мордухай-Болтовский 1910. X. Ч. 1: 19).

Вронский – плод такого воспитания; его поведение по отношению к матери и послушно, и почтительно, но лишено какого бы то ни было чувства:

Слова кондуктора разбудили его [Вронского] и заставили вспомнить о матери и предстоящем свидании с ней. Он в душе своей не уважал матери и, не отдавая себе в том отчета, не любил ее, хотя по понятиям того круга, в котором жил, по воспитанию своему, не мог себе представить других к матери отношений, как в высшей степени покорных и почтительных, и тем более внешне покорных и почтительных, чем менее в душе он уважал и любил ее (АК XVIII: 65–66).

Нормы в отношении детей предусматривают, что дети, живущие с родителями, не могут иметь паспорта и нуждаются в родительском согласии для того, чтобы начать трудовую деятельность. Такое согласие необходимо также для заключения брака, и если в других европейских странах это правило находится в силе

лишь до наступления совершеннолетия, то в России оно не имеет временных ограничений. Непослушание может повлечь за собой лишение наследства или уголовное наказание. Поэтому молодые люди получают очень строгое воспитание, имеющее целью культивировать в них качества, способности и поведение, соответствующие их социальному статусу, и это бремя берет на себя женщина:

Общество начала XIX в. усвоило важнейшую идею: главная задача женщины – воспитание и образование детей <...> Образованная мать тщательно продумывала учебную программу, выбирала учителей, следила за уровнем преподавания, обсуждала с детьми прочитанное и пройденное (Пономарева и др. 2009а: 83; ср.: Tovrov 1978; Engel 1978).

Эту роль также берет на себя Долли:

Дарья Александровна вздрогнула от одного воспоминания о боли треснувших сосков, которую она испытывала почти с каждым ребенком. «Потом болезни детей, этот страх вечный; потом воспитание, гадкие наклонности <...> ученье, латынь – все это так непонятно и трудно» (АК XIX: 181).

Такой жестко структурированный порядок очень укрепляет семью и позволяет ей увековечивать форму правления, характеризующуюся типичными для русского государства отношениями крепостничества. О том, что такая семейная структура имела значение базовой ячейки государственной власти для самодержавного строя, свидетельствует сама правовая система, которая до 1917 г. рассматривала действия, направленные против семьи (супружеская измена, неповиновение родителям, злоупотребление родительской властью), как уголовные преступления⁴³.

---

⁴³ Уголовный кодекс 1845 г. указывает: «2077. Состоящее в браке изблеченное в прелюбодеянии лицо подвергается за сие, по жалобе оскорбленного в чести своей супруга: заключению в монастыре в тюрьме на время от шести месяцев до одного года» (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 814). О законодательстве по супружеской измене ср.: Абрашкевич 1904.

Свой вклад в упрочение русской семьи вносит и тот факт, что система образования по сравнению с европейской мало развита, а следовательно, образование и воспитание детей доверяется в основном семье. Все это делает из нее еще более мощное и влиятельное дисциплинарное орудие по сравнению с остальной Европой (Миронов 1999. I: 265–266); это орудие используется как государством, так и церковью, которые считают семью важным центром передачи определенных знаний и традиционных навыков, в числе которых и запреты на некоторые модели поведения. Стабильность семейного союза – требование как светской власти, так и церковной; поэтому брак признается таинством и, следовательно, он почти нерасторжим, как явствует и из слов Каренина:

– Твои чувства относятся к твоему сознанию; но я обязан по отношению к тебе, перед тобой, перед Богом указывать тебе твои обязанности. Жизнь наша связана, и связана не людьми, а Богом. Разорвать эту связь может только преступление, и преступление этого рода влечет за собой тяжелую кару (АК VХIII: 155).

В соперничестве между государством и церковью верх одерживает церковная власть: именно она определяет нормы заключения или расторжения брака, удостоверяет его законность и юридическую силу, так что юридически действительным признается церковный брак, тогда как гражданский брак не допускается:

Законный брак между частными лицами совершается в церкви, в личном присутствии сочетающихся, во дни и время, для сего положенные, при двух или трех свидетелях, совокупно с обручением и во всем сообразно правилам и обрядам (Мордухай-Болтовский 1910. X. Ч. 1: 3)⁴⁴.

Светская власть занимается только вопросами, касающимися договорного аспекта, например, нарушением свободы воли, и теми, которые относятся к судопроизводству по преступлениям

---

⁴⁴ Памфлет против гражданского брака, написанный в 1881 г., печатается десять лет спустя писателем религиозного толка, М. Миряниным, как приложение к указанной статье (Мирянин 1891).

против супружеского союза, но даже в этом последнем случае иногда требуется мнение церкви (Победоносцев 1868–1880. II: 17–18). В сфере организации семьи, находящейся и под церковным, и под светским влиянием, религиозные соображения сочетаются с желанием укрепить установленный общественный порядок, ставя в неблагоприятное положение тех, кто выбирает путь развода или раздельного проживания, и усиливая институт майората через непризнание внебрачных детей⁴⁵. Таким образом, осуществляется также контроль над половой жизнью населения, а власть церкви над обычаями укрепляется. Государство, признавая брак божественным таинством, вверяет расторжение брачных уз церкви, которая посредством Святейшего синода решает, предоставлять ли его и когда. Кроме того, поскольку развод по согласию считается противоречащим религии и пагубным для общественной морали, статья 46 Гражданского кодекса открыто его запрещает:

Самовольное расторжение брака без суда, по одному взаимному согласию супругов, ни в каком случае не допускается. Равномерно не допускаются и никакие между супругами обязательства или иные акты, заключающие в себе условие жить им в разлучении, или же какие-либо другие, клонящиеся к разрыву супружеского союза (Мордухай-Болтовский 1910. X. Ч. 1: 5).

Именно этот аспект общественной жизни является центральным в истории Анны Карениной, которая решает отречься от таинства брака, чтобы отдать приоритет эмоциям, проигнорировав благоразумие, прежде господствовавшее в ее жизни благодаря полученному воспитанию. Встреча с Вронским знаменует переход от разума к чувству. Если до этого Анна воплощает идеал русской дворянки XIX в., то после рокового знакомства жизнь ее резко меняется, как и облик. Изначально она наделена красотой и женственностью, представляет собой сильную личность; она образованна, обладает изящными и утонченными манерами; все в ней плод естественности, грации и простоты:

---

⁴⁵ Внебрачные дети не могут носить фамилию отца и не имеют права на наследство родителей (ср.: Кавелин 1900. IV: 111–116).

И черное платье с пышными кружевами не было видно на ней [Анне]; это была только рамка, и была видна только она, простая, естественная, изящная и вместе веселая и оживленная (АК XVIII: 85).

В дальнейшем в отличие от Кити она выглядит роковой женщиной, и весь ее облик источает крепкий аромат чувственности. Однако на первом этапе своего брака она соответствует традиционной роли женщины; она готова разделять интересы и увлечения мужа или по меньшей мере поддерживать их:

– Что же ты читаешь теперь? – спросила она.

– Теперь я читаю Duc de Lille, «Poésie des enfers», – отвечал он. – Очень замечательная книга.

Анна улыбнулась, как улыбаются слабостям любимых людей, и, положив свою руку под его, проводила его до дверей кабинета. Она знала его привычку, сделавшуюся необходимостью, вечером читать (АК XVIII: 118).

Метаморфоза в Анне происходит в тот момент, когда она решает поставить эмоции на первый план. Меняются даже ее книги: они уже принадлежат миру «новых женщин». Анна читает серьезные книги, как, например, история Франции Ипполита Тэна: «Она [Анна Каренина] сидела в гостиной, под лампой, с новою книгой Тэна и читала» (АК XIX: 244)⁴⁶. В предыдущей редакции романа Толстой уточнял, что Анна «занималась чтением не романов... а модных серьезных книг» (Жданов, Зайденшнур 1970: 829). Героиня исследует окружающий мир новыми глазами, которые теперь видят неблагополучие современной ей России, пороки и достоинства русского дворянства.

Оживленность проявляется в Анне после встречи с Вронским, когда главным героем романа становится любовное чувство, разрушительное и непредсказуемое, которое долгое время таилось

---

⁴⁶Так как первая часть истории современной Франции под названием *L'Ancien Régime* выходит в 1876 г., а Толстой работает над шестой частью романа как раз в конце 1876 г., считается, что речь идет именно об этом произведении.

под покровом брака по расчету, а теперь выходит на первый план. Забыв о своем воспитании, Анна начинает смотреть на Каренина совершенно иным взглядом:

Они говорят: религиозный, нравственный, честный, умный человек; но они не видят, что я видела. Они не знают, как он восемь лет душил мою жизнь, душил все, что было во мне живого, что он ни разу и не подумал о том, что я живая женщина, которой нужна любовь. Не знают, как на каждом шагу он оскорблял меня и оставался доволен собой. Я ли не старалась, всеми силами старалась, найти оправдание своей жизни? Я ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, что я живая, что я не виновата, что Бог меня сделал такою, что мне нужно любить и жить (АК XVIII: 308–309).

Неожиданный и невообразимый выбор Анны подрывает прочные ментальные устои патриархального общества. Ее современников возмущает не столько сама измена, сколько тот факт, что женщина выставляет ее напоказ перед обществом, нарушая «этикет адюльтера», в рамках которого можно было преступить супружескую верность при условии, что делалось это втайне. Анна идет против ментальности своего времени, против того, что в истории меняется медленнее⁴⁷. Княгиня Мягкая так определяет поведение Анны: «Она сделала то, что кроме меня делают все, только лишь скрывают это» (АК XIX: 309).

Для Вронского, напротив, соблазненная знатная дама – это повод для гордости. Он действует в рамках стандартного поведения, распространенного в русском обществе и подчиняющегося правилам, которые могут быть сильнее законов. По мнению Лотмана, русская дворянская и военная среда регулируется кодексом нравственных норм, основанным на понятии «стыд», а не «страх» (Лотман 2000б: 664–666). В соответствии с ним, в обществе господствуют правила чести, которые устанавливают 'страх стыда', а не закона.

---

⁴⁷ По мнению Жака Ле Гоффа, медленнее всего в обществе меняются ментальности, и потому история ментальностей – это «история замедлений в истории» (Le Goff 1974: 114).

С психологической точки зрения, сфера ограничений, накладываемых на поведение типом культуры, может быть разделена на две области: регулируемую стыдом и регулируемую страхом. В определенном смысле это может быть сведено к тривиальному различию юридических и моральных норм поведения (Там же: 664).

Практика дуэлей показывает, что власти редко борются с преступлениями, совершаемыми во имя чести, и редко за них карают; столь неоднозначное поведение правительства говорит о том, что государство допускает существование моральных норм наряду с юридическими.

Военная и общественная жизнь Вронского полностью подчинена этой схеме – по крайней мере до ключевого поворота, когда оба героя принимают решение начать совместную жизнь; именно тогда Вронский обнаруживает, что его кодекс не содержит ответов на вопросы, возникающие в новой ситуации:

Жизнь Вронского тем была особенно счастлива, что у него был свод правил, несомненно определяющих все, что должно и не должно делать. Свод этих правил обнимал очень малый круг условий, но зато правила были несомненны, и Вронский, никогда не выходя из этого круга, никогда ни на минуту не колебался в исполнении того, что должно. <...> Все эти правила могли быть неразумны, нехороши, но они были несомненны, и, исполняя их, Вронский чувствовал, что он спокоен и может высоко носить голову. Только в самое последнее время, по поводу своих отношений к Анне, Вронский начинал чувствовать, что свод его правил не вполне определял все условия, и в будущем представлялись трудности и сомнения, в которых Вронский уже не находил руководящей нити <...>

[В] последнее время являлись новые, внутренние отношения между ним и ею, пугавшие Вронского своею неопределенностью. Вчера только она объявила ему, что она беременна. И он почувствовал, что это известие и то, чего она ждала от него, требовало чего-то такого, что не определено вполне кодексом тех правил, которыми он руководствовался в жизни (АК XVIII: 321–323).

Действительно, этот нравственный кодекс не предусматривает возможности создания новой семьи в результате адюльтера.

Это означало бы бросить вызов обществу, повести себя «бесстрашно» или «бесстыдно» по отношению к нему. И если Анна обладает смелостью бесстыдства, то военное воспитание Вронского не позволяет ему найти себе место внутри новой модели семьи, которую предлагает ему Анна и в которой может родиться дочь, имеющая право только на фамилию Каренина, а не на фамилию своего родного отца (Там же: 664–666). Именно в таком противоречивом контексте и разворачивается история развода.

Развод во времена «Анны Карениной»

Институтом, отрицающим священство брака и более всего угрожающим его стабильности, является развод, существующий в России на протяжении веков, но обретший более конкретную законодательную форму лишь в результате послепетровских реформ. Его введение восходит к эпохе крещения Руси, когда церковь принимает нормы, прописанные в «Кормчей книге»⁴⁸, которые в том числе включают и законы относительно расторжения супружеских уз и устанавливают, что все вопросы, затрагивающие брак или его расторжение, вверяются церкви. Тем не менее церкви приходится бороться с народными нравами и обычаями, согласно которым супруги свободно сожительствуют и расстаются, не соблюдая законов и не боясь наказаний. Коллизии возникают и из-за того, что законы о разводе в «Кормчей книге» неоднозначны, поскольку представляют собой противоречащие друг другу нормы, подчас расходящиеся с каноническими положениями. Когда же, преимущественно в среде наиболее образованных классов, законности супружеских уз начинает уделяться больше внимания, то в народе нередко пользуются тем, что развод может осуществить простой священник (хотя закон на самом деле и требует, чтобы дело разбиралось в высших церковных инстанциях). Такая практика продолжается длительное время, так что еще в 1730, а затем и в 1767 г. встает

---

⁴⁸Сборник юридических, преимущественно церковных норм, появившийся на Руси в XIII в. на основе переводов и переработок византийского «Номоканона».

необходимость однозначного подтверждения запрета священникам выдавать «разводные письма». Со времен Петра I светская власть пытается учредить ведомство, которое занималось бы расторжением супружеских уз и устанавливало бы причины, по которым развод мог считаться приемлемым в рамках гражданского законодательства; однако церковная власть защищает и отстаивает свои прерогативы. До 1805 г. решения по разводам все еще принимаются епархиями без утверждения Синодом, и только начиная с 1805 г. одобрение со стороны этого органа становится обязательным. Устав духовных консисторий от 1841 г. и Указ о делах брачных от 6 февраля 1850 г. окончательно определяют нормы церковной юрисдикции по делам брачным и практически минимальные ограничения сферы ее применения по сравнению со светской властью. Например, законность или незаконность брака может устанавливать только церковь. Решение передается светской власти лишь в том случае, если в этот момент ведутся уголовные дела, в результате которых брак может быть признан недействительным. Также светские органы рассматривают вопросы, касающиеся гражданских последствий брака и вытекающих из него прав: например, прав законнорожденных детей. Только эти немногие случаи находятся в ведении гражданского суда (Победоносцев 1868–1880. II: 74–77).

В целом церковь и государство сотрудничают друг с другом в том, чтобы превратить развод в неосуществимое предприятие⁴⁹. Ситуации, в которых развод предусмотрен российским законом, очень редки: это случай супружеской измены, длительного отсутствия супруга, физических недостатков, препятствующих половым отношениям, или обвинительного приговора с лишением всех гражданских прав⁵⁰. Именно это явствует из диалога Каренина с его адвокатом:

Развод по нашим законам, – сказал он [адвокат] с легким оттенком неодобрения к нашим законам, – возможен, как вам

---

⁴⁹О разводе ср.: Способин 1881; Кавелин 1900. IV: 1066–1083; Загоровский 2004; Загоровский 2003; Кулишер 1896.

⁵⁰Ср.: ст. 45 Гражданского кодекса (Мордухай-Болтовский 1910. X. Ч. 1: 5); Кавелин 1900. IV: 1074–1075; Победоносцев 1868–1880. II: 78–82.

известно, в следующих случаях <...> физические недостатки супругов, затем безвестная пятилетняя отлучка, – сказал он, загнув поросший волосами короткий палец, – затем прелюбодеяние (это слово он произнес с видимым удовольствием). Подразделения следующие <...> физические недостатки мужа или жены, затем прелюбодеяние мужа или жены (АК XVIII: 387–388).

Однако даже в немногих случаях, предусмотренных законом, Святейший синод всячески старается избежать развода⁵¹. Согласно статистическим данным, на протяжении двух десятилетий, предшествовавших отмене крепостничества, Святейший синод удовлетворял только 11 прошений о разводе из 35, поступавших ежегодно, и даже после проведения реформ количество предоставленных разводов оставалось крайне низким (Wagner 1994: 69). Решением, часто принимаемым вместо развода, было разлучение, но не в юридическом плане: супруги более не жили под одной крышей, но формально оставались мужем и женой.

Наряду с юридическим кодексом, всячески противящимся расторжению брачных уз, в обществе XIX в. существует и кодекс нравственных норм, преследующий тот же результат. Взаимодействие этих двух кодексов определяет всю жизнь и поведение Каренина. В случае измены жены царящие в обществе поведенческие нормы предусматривают для него две возможности: дуэль или развод. Не получив военного образования в отличие от Вронского, Каренин предпочитает второй вариант, но необходимость застать виновников на месте преступления, чтобы доказать факт измены, оскорбляет его честь, и в итоге он отказывается и от этой возможности:

Обсудив и отвергнув дуэль, Алексей Александрович обратился к разводу. <...> В своем же случае Алексей Александрович

---

⁵¹ «По уставу наших духовных концисторий, главными доказательствами преступления [прелюбодеяния] должны быть признаны показания двух или трех очевидцев-свидетелей <...> В сущности все доказательства, допускаемые в концисторском суде, в настоящее время сводятся к одному доказательству – показанию двух или трех очевидцев» (Кулишер 1896: 84).

видел, что достижение законного, то есть такого развода, где была бы только отвергнута виновная жена, невозможно. Он видел, что сложные условия жизни, в которых он находился, не допускали возможности тех грубых доказательств, которых требовал закон для уличения преступности жены; видел то, что известная утонченность этой жизни не допускала и применения этих доказательств, если бы они и были, что применение этих доказательств уронило бы его в общественном мнении более, чем ее.

Попытка развода могла привести только к скандальному процессу, который был бы находкой для врагов, для клеветы и унижения его высокого положения в свете (АК XVIII: 296–297).

Невозможность сделать этот выбор приводит Алексея Александровича к решению поддерживать свой *status quo*. Принимая неписаные законы брака по расчету, Каренин решает написать жене, чтобы предложить ей разорвать внебрачные связи и продолжить свою нормальную жизнь с мужем:

Я должен объявить свое решение, что, обдумав то тяжелое положение, в которое она поставила семью, все другие выходы будут хуже для обеих сторон, чем внешнее *status quo*, и что таковое я согласен соблюдать, но под строгим условием исполнения с ее стороны моей воли, то есть прекращения отношений с любовником (АК XVIII: 298).

И при следующей встрече с Анной, ради того, чтобы не отрываться от семьи – от «тех уз, которыми [они] связаны властью свыше», он сводит все свои требования лишь к соблюдению тех внешних приличий, которые позволили бы ему сохранить лицо в обществе:

– Повторяю вам, что я не обязан знать это. Я буду это игнорировать. Не все жены так добры, как вы, чтобы поспешить сообщить своим мужьям такую «приятную» новость.

<...>

– Мне нужно, чтоб я не встречал здесь этого человека и чтобы вы вели себя так, чтобы ни *свет*, ни *прислуга* не могли обвинить вас... чтобы вы не видали его. Кажется, это не много. И за это вы

будете пользоваться всеми правами честной жены, не исполняя ее обязанностей (АК XVIII: 337–338).

Именно в такой нелегкой ситуации и проявляется «бесстыдство» Анны: она преступает границы стыда, чтобы утвердить новую мораль, основанную на чувствах, а потому отказывается от предложения мужа. Позднее она с тем же бесстрашием не соглашается на развод на условиях Каренина, несмотря на то что он мог бы избавить ее от осуждения обществом. Чуть не умерев при рождении дочери и получив прощение мужа, Анна могла бы воспользоваться великодушием Алексея Александровича, чтобы узаконить свое положение, но она мечтает о семейной жизни, основанной на отношениях между ней и любимым человеком, пусть и вопреки всем общественным правилам. Вот слова двух любовников во время встречи, последовавшей за попыткой самоубийства Вронского и за сообщением, что Каренин готов предоставить ей развод:

– Мы поедем в Италию, ты поправишься, – сказал он [Вронский].

– Неужели это возможно, чтобы мы были как муж с женою, одни, свою семьей с тобой? – сказала она, близко вглядываясь в его глаза.

– Меня только удивляло, как это могло быть когда-нибудь иначе.

– Стива говорит, что *он* [Каренин] на все согласен, но я не могу принять его великодушие, – сказала она, задумчиво глядя мимо лица Вронского. – Я не хочу развода, мне теперь все равно. Я не знаю только, что он решит об Сереже. <...>

Чрез месяц Алексей Александрович остался один с сыном на своей квартире, а Анна с Вронским уехала за границу, не получив развода и решительно отказавшись от него (АК XVIII: 457–458).

Драма, разыгрывающаяся вокруг темы развода, который Анна сначала отвергает, а потом страстно желает и который Каренин прежде предлагает ей, а затем отказывается дать, обусловлена не только соотношением сил между двумя супругами, но и реальным давлением, которое общественные условности оказывают на

ментальные структуры и жизнь людей⁵². Даже бесстрашная Анна, столкнувшись с реакцией общества, вынуждена отступить от своих прежних позиций и умолять о разводе, ставшем уже «вопросом жизни или смерти», как следует из беседы, которая происходит между Облонским и Карениным:

– Она и предоставляет все твоему великодушию. Она просит, умоляет об одном – вывести ее из того невозможного положения, в котором она находится. Она уже не просит сына. Алексей Александрович, ты добрый человек. Войди на мгновение в ее положение. Вопрос развода для нее, в ее положении, вопрос жизни и смерти (АК XIX: 302).

В действительности, решение оставить супружеский кров ради сожителства вне брака влекло за собой весьма тяжелые социальные последствия, так как лишало женщину самой ее природы, как можно заключить из того, что говорит Облонский Каренину по поводу его согласия на развод: «Ведь это все равно, что приговоренного к смерти держать месяцы с петлей на шее, обещая, может быть, смерть, может быть, помилование» (АК XIX: 302–303). Но идея оскорбленной чести и древние условности патриархального общества настолько укоренились в голове Каренина (особенно после его встречи с Лидией Ивановной), что в итоге он обманывает ожидания Анны: «На другой день он [Облонский] получил от Алексея Александровича положительный отказ в разводе Анны» (АК XIX: 318).

Проблема развода, столь ярко отразившаяся в творчестве Толстого, в его эпоху является злободневной и затрагивает все русское общество. Вокруг нее ведутся широкие дискуссии в печати; ею непосредственно занимаются юристы различных направлений, в частности либерального толка, выдвигающие требование полной секуляризации развода. Все это происходит в контексте глубокого кризиса патриархальной семьи.

---

⁵² По мнению Г. Морсона, героиня отвергла возможность развода по причине своего экстремизма, нарциссизма и веры в романтический идеал любви, из-за которых она не в силах переносить великодушие Каренина, уже готового предоставить ей вместе с разводом еще и опеку над детьми (ср.: Morson 2007: 113–117).

Перемены, принесенные реформами

Толстой работал над своим романом с 1873 по 1877 г., и его текст был проникнут духом преобразований, последовавших за реформами 1860-х годов. Это проявляется как в общем замысле произведения, так и в дискуссиях, звучащих на его страницах. Ведь в романе обсуждаются не только изменения в обычаях супружества, но и аграрная тема, женский вопрос, женское образование и проблема внебрачных детей; затрагиваются вопросы науки, искусства и философии. Даже в самоубийстве Карениной отображается позиция, характерная для поколения того времени⁵³: Россия 1860–1880 гг. охвачена настоящей эпидемией самоубийств, как свидетельствует пресса, а также размышления Достоевского в его «Дневнике писателя» (Достоевский 1876. Ср.: Паперно 1999). «Анна Каренина» представляет собой картину перемен, которые обрушиваются на русское общество после отмены крепостного права. После освобождения крестьян многие дворяне покидают свои поместья, городское население растет, ремесленное производство расширяется. Появляются новые профессии, возникает женский вопрос, образование распространяется в обществе и диверсифицируется, вдохновляясь европейскими моделями и становясь доступным для женщин. Все эти факторы, вкупе с идеалами сентиментализма и романтизма, которые с конца XVIII в. оказывали большое влияние на чувства и эмоции индивида, а также с народническими и радикальными идеалами 1860-х и 1870-х годов, приводят к глубоким изменениям в обществе (Миронов 1999; Engel 1994; Ransel 1978a; Engel 2012).

---

⁵³Ромен Роллан считает, что Толстой выразил трагедию целого поколения: «Толстой потрясен все увеличивающимся количеством самоубийств среди привилегированного общества во всей Европе, а в особенности в России. Он часто упоминает об этом в произведениях, написанных в то время. Какой-то шквал неврастения пронесся в восьмидесятых годах по Европе, унося тысячи жизней. Те, кто был тогда юношей, как я, помнят об этом, и для нас изображение Толстым кризиса, который переживало человечество, имеет историческую ценность. Он описал скрытую трагедию целого поколения людей» (Роллан 1992). В 1910 г., под воздействием письма одной медсестры, которая расспрашивала его

В результате реформ социальные слои населения перестраиваются по-новому, и в этом переустройстве проявляется тенденция к уравниванию сословий, так как дворянский класс лишается некоторых привилегий (в данном направлении проводятся судебная, военная и полицейская реформы 60-х и 70-х годов). В частности, «Городовое положение 1870 года», создающее городскую думу, передает бразды градоуправления, ранее принадлежавшие исключительно высшим классам, в руки представителей всех сословий (Иванова, Желтова 2009: 498–502; Нардова 1994; Араловец 2003: 69–76). Все больше мещан теперь имеет доступ к государственной службе, и из этого сословия выходит много новых специалистов по различным интеллектуальным профессиям и интеллигентов. Также развивается купечество, и зарождается новая буржуазия. Последняя по своей структуре отличается от западной буржуазии, состоящей в основном из свободных граждан среднего класса, проживающих в городах. В России же сословие, которому больше всего подходит это определение, представлено купечеством – промежуточным классом между дворянством, духовенством, крестьянством и мещанством. В конце XIX столетия численность его была все еще весьма незначительна, а потому оно было недостаточно сильно, чтобы играть какую-либо политическую роль⁵⁴. Этот класс вошел в литературу благодаря комедиям А.Н. Островского, в которых выведены быт и пороки купечества, а также благодаря некоторым женским образам Н.С. Лескова. Если драматург изображает историю «злостного банкротства» в комедии «Свои люди – сочтемся» (1849), историю женщины, которая

об этой проблеме, и растущего числа самоубийств по всей России Толстой пишет статью под названием «О самоубийстве» (Толстой 1936в). Напоминаем, что сам писатель несколько раз подвергался искушению самоубийства (Гусев 1963: 592).

⁵⁴ Большинство историков (за исключением некоторых советских ученых) сходятся на том, что в России не было настоящей буржуазии, хотя и интерпретируют это явление по-разному. Так, Пайпс, ссылаясь на европейскую модель, подчеркивает своеобразие социальных сословий в России, тогда как Миронов проводит аналогию с западными сословиями (ср.: Pipes 1995; Миронов 1999). Ср. также: Rogger 1992: 167–216; Иванова, Желтова 2009: 405–512; West, Petrov 1998; Rieber 1993, у которых можно найти подробную библиографию по данному вопросу.

должна подчиниться воле мужа в «Бедной невесте» (1851), трагедию Катерины, вынужденной жить в алчной купеческой семье и притесняемой свекровью, в «Грозе» (1859), то Лесков описывает еще одну женскую трагедию в «Леди Макбет Мценского уезда» (1864) и повествует о драме из купеческой жизни в пьесе «Расточитель» (1867).

В то же время появляются новые профессии, которые создаются для обслуживания бюрократического государства, а не рождаются из ремесленных объединений, в отличие от того, как это происходит на Западе. Меняется общественное положение врачей и юристов. Первые, еще со времен Петра I выполнявшие важную функцию в государственной системе, теперь начинают работать в административной и юридической сферах, отвечая на потребности общества в области физиологии, патологии и химии. В частности, они становятся частью судебной системы и с начала XIX в. взаимодействуют с юристами. Профессия врача становится средством подлинного социального преобразования, в рамках которого наука и государство действуют совместными силами. В этом процессе судебные врачи являются связующим звеном между самодержавием и медицинской и юридической профессиями, способствуя таким образом зарождению реформ, пусть и в качестве составной части широкого государственного проекта, направленного на глобальное изменение общественного порядка. Действительно, эти профессионалы, в отличие от западных, не стремятся к самостоятельности, а, напротив, стараются занять в государстве достаточно важное место, чтобы осуществлять какую-либо форму контроля над ним. В частности, после судебной реформы 1864 г. им удается смягчить напряжение в обществе, возникшее в этот период, и направить социальные настроения в определенное русло, поддерживая прогрессивные идеалы части интеллигенции. Таким образом, врачи участвуют в процессе дисциплинизации общественного тела⁵⁵. Реформы приводят к

---

⁵⁵О новых профессиях ср.: Becker 2011. Э. Беккер, в отличие от Л. Энгельштайн, утверждает, что врачи и юристы способствовали преобразованиям в Российской империи, манипулируя властью изнутри системы, и таким образом отстаивали собственный статус согласно схеме, которая заметно отличалась от западной и направляла Россию на путь модернизации.

разорению многих дворянских семей, создавая необходимость замены натурального, каковым являлось помещичье хозяйство, домашним хозяйством, зависящим от труда членов семьи. Это приводит к уменьшению числа последних и к преобразованию структуры семьи: вместо расширенной семья становится нуклеарной (состоящей из родителей (родителя) и детей, либо только из супругов) отчасти и под влиянием урбанизации. Все это происходит в переходный период, предшествующий великой индустриализации 90-х годов. В этот период облик семьи начинает коренным образом меняться: патриархальная модель медленно уступает место буржуазной, хотя обе они будут еще долго сосуществовать и взаимодействовать друг с другом согласно биному «перемена и преемственность» (*continuity and change*), который всегда господствует в истории:

Мы застаем семью русского народа в переходном состоянии, в каком-то брожении патриархальных начал, колеблемых со стремлением задавленной ими отдельной личности выйти из них и занять самостоятельное положение: но среди этого поворота мы ясно замечаем, что патриархальные начала еще живут среди народных масс и больше всего они отражаются на положении женщины как в семье отца, так и в семье мужа, как относительно заключения брака, относительно прав супругов, так и относительно превращения брачного союза; наряду с этим – дышащая патриархализмом власть отца семьи и общность имущества. <...> Везде и всюду видно право сильного, право главы семейства распоряжаться в семье по своему усмотрению (Лазовский 1883: 359).

Миграция сельского населения, которое начинает переселяться в города, приносит с собой архаичную модель крестьянской семьи патриархального типа, которая будет медленно разрушаться под воздействием модернизации семейных и общественных отношений (Мионов 1999. I: 250–257).

Давление на семью с целью изменить ее традиционную структуру сказывается как в интеллектуальном, так и в материальном плане. С одной стороны, появляется мораль «новых людей», которые вынашивают идею внебрачных отношений и раздельного проживания как эмансипации («Персонажи “Что

делать?» – шагнули в реальную жизнь» (Вереме́нко 2009: 52)); с другой стороны, в результате изменения экономических условий повышается спрос на женский труд, теперь необходимый для содержания семьи (Engel 2012). Действительно, причиной раздельного проживания супругов во многих случаях становится именно неспособность мужа обеспечить семью, в результате чего немало дворянок начинают работать сами. Таким образом, супруги нередко поселяются раздельно не под влиянием новых идей, а из-за того, что их новая ситуация входит в противоречие с древним патриархальным идеалом, согласно которому именно мужчина должен обеспечивать содержание семьи (Ibid.: 55–56). Перемена и преемственность по-прежнему уживаются вместе.

И все же новые идеи 60-х годов проникают в ментальные структуры и приводят к формированию семьи нового типа, в которой женщина стремится к образованию и к занятиям вне дома, находя выход прежде всего в деятельности интеллектуального типа (воспитание, медицина, литература). В период между 60-ми и 80-ми годами начинают работать многие одинокие женщины дворянского происхождения: вдовы, незамужние, разлученные. В низших сословиях материальные трудности приводят к образованию иной семейной модели, в рамках которой женщины, для того чтобы внести свой вклад в домашнее хозяйство, посвящают себя ручному труду: шитью, вышиванию, росписи столовой посуды.

Промышленный подъем 1890-х годов приводит женщин на фабрики, и, по статистике на 1914 г., почти каждый пятый рабочий оказывается женщиной. С начала 80-х годов многие работницы посвящают себя шитью, и к концу столетия около 8% рабочего населения Москвы и Петербурга занимается этой деятельностью. Тысячи женщин, особенно из бедных слоев общества, работают медсестрами (в 1905 г. их насчитывается около 10 000), другие берутся за преподавание, а число женщин, учительствующих в сельских школах, с 4878 в 1880 г. вырастает до 64 851 в 1911 г. (Engel 2011: 131–156). Вера в то, что именно предоставление женщинам права на труд позволит им эмансипироваться, т. е. решит «женский вопрос», отличает поколение шестидесятых. «Пока женщина живет на счет мужчины, она в зависимости от него», говорит Вера Павловна в романе «Что делать?» (Чернышевский 1975: 46).

Даже деятельность некоторых благотворительных императорских обществ основана на убеждении, что женщины из низших социальных слоев должны содержать себя сами, так что образованные русские в отличие от представителей средних классов в Западной Европе и в Америке зачастую одобрительно относятся к женскому труду, даже если трудящиеся находятся замужем или имеют детей (Engel 2011: 136). Институт семьи уже заражен новыми прогрессивными идеалами, что влечет за собой увеличение количества разводов и разлучений⁵⁶. В результате экономического роста и выхода женщин на рынок труда возрастает потребность в независимости женщины вне дома и в уважении к ней в его стенах; в суд и лично на рассмотрение царю подаются первые женские жалобы на пьянство и дурное обращение со стороны мужей. Изменения в нравах наблюдаются и в способах, к которым прибегают для получения развода: теперь супруги нередко подкупают очевидцев, чтобы доказать измену или фиктивное исчезновение своей законной половины, – средства, которые ранее, как мы видели и в «Анне Карениной», оскорбляли дворянскую мораль⁵⁷.

Социальные преобразования отражаются и в юридической сфере, где предпринимаются попытки модернизировать Россию. Во второй половине XIX в. новое поколение юристов с профессиональным образованием, впервые состоящее не только из знатных помещиков, требует проведения реформ судебной системы (Wagner 1994: 13–36)⁵⁸. В интеллектуальных кругах поднимается волна критики в адрес Гражданского кодекса: юристы требуют поменять или по крайней мере пересмотреть законодательство:

---

⁵⁶ Если с 1841 по 1850 г. церковь разрешала около 77 разводов в год (на 43 000 000 человек православного населения страны), то после реформ, с 1867 по 1886 г., эта цифра вырастает приблизительно до 847 ежегодных разводов (Миронов 1999. I: 176. Ср. также данные, приведенные в: Белякова 2002).

⁵⁷ Если в 1867 г. разводы по причине измены составляли 2% от общего количества разводов, то в 1886 г. их доля выросла до 12,7%, достигнув 97,4% с 1905 по 1913 г. (Веремеенко 2009: 63). О практике развода, полученного по ложному свидетельству, ср.: Трохина 2001.

⁵⁸ Здесь подробно описаны дискуссии юристов по семейному вопросу (Wagner 1994: 101–137).

Гражданское законодательство представляло собой важную точку развития и реализации <...> различных идеологических перспектив. Законы о семье, собственности и наследстве особенно подходили для идеологического применения, по причине их действительной и явной роли в политической, общественной и экономической жизни (Ibid.: 3).

Первая знаменательная перемена приходит в 1864 г. с реформой судебной системы, посягающей на самую основу русского самодержавия. Создание независимой магистратуры, учреждение всесословного суда, налаживание уголовного судопроизводства, создание мировых судов, установление судебного надзора прокуратуры – все эти нововведения кладут долгожданный предел неограниченной власти государства. Подлинным новшеством становится введение суда присяжных. После реформы уголовные процессы делятся на два этапа: досудебное расследование и судебное заседание. Именно последнее содержит поистине новый элемент, позаимствованный у западной судебной системы: введение суда присяжных. Если раньше суд выносил свое решение, основываясь только на письменных материалах, полученных в результате следствия, то после реформы письменный приговор судьи заменяется устным вердиктом суда присяжных, а основополагающим принципом становится уважение к индивиду как субъекту закона (Филиппов 1871–1875; Попова 2002; Becker 2011: 185–219; McReynolds 2013). Этим объясняется тот факт, что реформы встречают широкую общественную поддержку – в том числе материальную, которая оказывается окружным судам в губерниях по всей России, с целью способствовать гладкому проведению судебных преобразований. В период, предшествовавший 1864 г., судебная и юридическая системы обострили конфликт между государственными учреждениями и обществом. Отсутствие доверия к судам было типично для русского юридического сознания той эпохи (Demichev 2012–2013: 15).

Перемены в судебной системе требуют и переосмысления структуры семьи, и потому в интересы законодательства входит организация и упорядочение нового института семьи, больше соответствующего потребностям нарождающегося класса – буржуазии, все более одержимого «чувственным идеалом»:

Семья теперь описывалась как союз индивидов, в котором взаимное чувство и характер отношений между ее членами позволяли сочетать индивидуальные права со взаимными обязательствами (Wagner 1994: 103).

Теперь женщина может заниматься трудовой деятельностью без согласия мужа, и даже дети, достигнув совершеннолетия, пользуются большей самостоятельностью. Внебрачное потомство наконец-то может быть признано, хотя дети, рожденные вне брака, все же по-прежнему рассматриваются как глубокая язва на теле русского общества *fin-de-siècle*⁵⁹. Большинство из них не получает отцовского признания, другие носят фамилию законного отца; в то же время возрастает число матерей-одиночек, нового явления, возникающего на пороге нового века наряду с женщинами, одинокими по причине разлучения, развода, ухода от них мужа или собственного ухода из семьи (Пономарева и др. 2009а: 160–164).

Эта проблема всплывает и в «Анне Карениной». Из-за правового положения Карениных дочь, рожденная от союза Анны и Вронского, носит фамилию Каренина, что разочаровывает и смущает ее биологического отца и снова ставит пару перед проблемой развода:

– У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. Но закон и все условия нашего положения таковы, что являются тысячи осложнений, которых она теперь, отдыхая душой после всех страданий и испытаний, не видит и не хочет видеть. И это понятно. Но я не могу не видеть. Моя дочь по закону – не моя дочь, а Каренина. Я не хочу этого обмана! – сказал он с энергичным жестом отрицания и мрачно-вопросительно посмотрел на Дарью Александровну.

Она [Дарья Александровна] ничего не отвечала и только смотрела на него. Он продолжал:

---

⁵⁹ Если в 1867 г. в Санкт-Петербурге было зарегистрировано 4305 незаконнорожденных детей (22,3% от общего числа новорожденных), то в 1889 г. их было уже 7907 (27,6%) (Белякова 2002; Мионов 1999. I: 182–183).

– И завтра родится сын, мой сын, и он по закону – Каренин, он не наследник ни моего имени, ни моего состояния, и как бы мы счастливы ни были в семье и сколько бы у нас ни было детей, между мною и ими нет связи. Они Каренины. Вы поймите тягость и ужас этого положения! (АК XIX: 202).

В поисках новых законодательных моделей русские юристы обращаются к западной схеме, в рамках которой вместо авторитаризма, отсутствия чувственных идеалов и беспорядочной половой жизни вне священных уз брака предлагается более регулярная буржуазная схема. В новом союзе должны царить равенство, взаимное чувство и контролируемая половая жизнь. Введение чувственного элемента в брачный союз сопровождается требованием «упорядоченной» сексуальности, реализуемой исключительно в пределах домашних стен, под контролем и наблюдением врачей, педагогов, криминологов и юристов, которые взаимодействуют в деле коренного преобразования ее значения и функций (Engelstein 1994). Таким образом, за внешне либеральным сдвигом пореформенного периода скрываются изменения, направленные на установление новых отношений власти.

Так, споры между юристами-либералами, народниками и консерваторами, вызванные глубокими различиями в их взглядах, на самом деле преследуют общие цели: ни одна из сторон не нападает на институт брака как таковой. Напротив, все они обеспокоены возможностью его ослабления и стремятся улучшить его юридический статус, чтобы укрепить и стабилизировать брак.

Даже юрист либерального направления М.А. Филиппов, сознающий, что «союз семейственный есть основа общественного и государственного», утверждает, что закон должен укреплять права и обязанности, естественным образом следующие из семейных отношений (Филиппов 1861. № 3: 265). Так Филиппов приходит к парадоксу: защищая развод, он стремится к упрочению института семьи в убеждении, что супружеские отношения, основанные на чувстве и взаимном уважении, будут только укреплены правовой легитимностью расторжения брака:

Допущение развода, по мнению нашему, есть гарантия нравственности супружеской, мера заставить обе стороны свято

и ненарушимо исполнять свои обязанности. <...> Такое важное учреждение, как брак, в котором лежат многие из важнейших прав и обязанностей человека, в котором сосредоточивается большая часть его духовных сил, требует законов кротких, основанных на любви и милосердии (Там же: 552–553).

Кроме того, недавние исследования показывают, что юридическое сословие, как и медицинское, сотрудничало с государственными учреждениями в период реформ, в частности в области судебной реформы. Изменения происходят в результате совместных действий: юристы вместе с судебными врачами пытаются расширить сферу своих полномочий и получить новую профессиональную роль в рамках улучшенной, рационализированной и реформированной правовой системы. Так, введение медицинской экспертизы, особенно психиатрической, и оформление медицинской концепции «социальных отклонений» имеют место внутри государственных учреждений и используются для усиления общественного контроля (Becker 2011: 129–132). Именно в таком контексте зарождается новая семейная модель, основанная на чувствах, – буржуазная семья. Чтобы облегчить переход от старой схемы брака к новой, прогрессивные юристы-народники ратуют за упрощение процедуры разлучения и развода. Но в ходе реакции, последовавшей за убийством Александра II в 1881 г., государство, православная церковь и юристы-консерваторы вновь начинают бороться за сохранение своего *status quo*, опасаясь, что реформа семьи может спровоцировать социальную и политическую нестабильность. При Александре III правительственные круги находятся под влиянием двух идеологов: К.П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего синода, консерватора, антисемита, гонителя нерусских меньшинств и религиозных сект, и М.Н. Каткова, редактора «Русского вестника» и сторонника неограниченного и централизованного самодержавия. В сотрудничестве с ними царь предпринимает ряд контрреформ, направленных на нейтрализацию результатов судебной реформы. Если мнение Победоносцева по вопросу супружества (важность церковного брака, отказ от гражданского брака и утверждение необходимости сохранить за церковью право принимать решения о разводе) отражено в его

«Курсе гражданского права»⁶⁰, то рупором идей Каткова является его собственный журнал, и после польского восстания 1863 г. эти идеи становятся еще более консервативными. Несмотря на замедление, вызванное этим двойным давлением, процесс модернизации и секуляризации законодательства продолжается благодаря деятельности министра юстиции Д.Н. Набокова, который продвигает реформу Гражданского кодекса согласно реформистской программе, определившейся в 1864 г., и предпринимает реформу Уголовного кодекса (окончательно утвержденную в 1903 г.)⁶¹.

Следуя западным моделям в реформе Гражданского кодекса, российские юристы сталкиваются с реальностью *sui generis*, с ментальностью и исторической ситуацией, далекими от западноевропейских. В результате даже после великих реформ институт патриархата продолжает господствовать и в зародыше малой супружеской семьи в России⁶², и до 1905 г. в семье не наблюдается коренных перемен. Русские интеллектуалы проникаются западной критикой буржуазного общества еще до того, как буржуазный строй успевает утвердиться в самой России, и потому относятся к нему враждебно. В отличие от Западной Европы новые специалисты интеллектуальных профессий, хотя и имеют больше общего с правящими сословиями, чем с низшими классами, исключены из высших эшелонов власти. Они критически настроены по отношению к самодержавному государству, поддерживают либеральные идеи, основанные на уважении к индивиду, но не разделяют их в том, что

---

⁶⁰ Победоносцев 1868–1880. II: 10–109. Произведение в трех томах состоит из лекций, прочитанных им в Московском университете. Первый том, посвященный вотчинным правам, выходит в 1868 г.; за ним семь лет спустя следует второй том, касающийся прав семейственных, наследственных и завещательных, и, наконец, в 1891 г. выходит третий том, рассматривающий договоры и обязательства.

⁶¹ Реформа обоих кодексов, парадоксальным образом предпринятая в период реакционного правления Александра III, будет остановлена Николаем II.

⁶² Малая супружеская семья отличается от патриархальной своей малочисленностью, так как состоит лишь из одного семейного ядра – родителей и детей.

касается превознесения и преследования частных интересов. Это просвещенный класс, отчасти либеральный и народнический, но отчасти все еще глубоко связанный с патриархальной и авторитарной традицией. Все эти факторы делают невозможным буквальное принятие западноевропейских моделей российским обществом, и движение России в сторону современности сильно замедляется.

На пути к новой семье

Плод общественных преобразований второй половины XIX в., роман «Анна Каренина» предвещает переход от брака по расчету к браку по любви, который проникает в Россию в последней четверти века, когда патриархальная модель, происходящая от рода по отцовской линии, сменяется моделью малой супружеской семьи, постепенно утверждающей право на индивидуальность каждого из своих членов. Роман открывает дорогу новой семье, которая с опозданием более чем на сто лет по сравнению с Западной Европой формируется в России на рубеже двух столетий. Она многофункциональна, ее членов связывают друг с другом и с внешним миром отношения совершенно нового типа; ее хозяйственные функции сокращаются, но зато к ней предъявляются гораздо более серьезные требования в плане чувств и половой жизни. Такая семья соединена узами любви и привязанности и ориентирована скорее на частные супружеские, чем на родовые и общинные отношения. Она менее патриархальна и авторитарна, более либеральна и эмансипирована в том, что касается половых отношений (практикуемых именно в браке) и контроля рождаемости, более внимательна к детям – в общем, она становится скорее частным, чем общественным институтом, но по-прежнему остается «дисциплинарным диспозитивом» и являет собой почву столкновения разнонаправленных сил.

«Анна Каренина» предвдваряет новую эпоху, когда меняется как женское поведение, так и отношение к потомству: снижается рождаемость, в то же время растет число незаконнорожденных детей, часто отдаваемых в воспитательные дома (Ransel 1978b); собственная личная жизнь оказывается для женщины важнее ее семьи. Наконец, женщины получают право самостоятельно искать себе

жениха или выбирать совершенно иные, оригинальные возможности, как, например, героиня рассказа Чехова «Невеста» (1903), которая предпочитает свадьбе учебу. Новое женское воспитание отражается и на образовании детей, и на культурной деятельности женщин, и на их досуге: в основе любых занятий теперь лежит стремление обрести более важную роль в обществе. Отныне, если женщина выбирает замужество, это всегда брак по любви. Идеальным примером перехода от расчета к чувству является рассказ Чехова «Душечка» (1899), в котором автор, пусть и в несколько сатирическом ключе, описывает героиню, пребывающую в состоянии вечной влюбленности независимо от того, что за мужчины (как правило, посредственные и незначительные) находятся рядом с ней.

Анна Каренина прокладывает дорогу новой семье: она нарушает устои старого института брака, двигаясь к чему-то иному, чего сама она не сможет осуществить, но для чего подготовит почву. Она уже усваивает некоторые типы поведения, свойственные новому браку, включая контроль за рождаемостью. Первые признаки новой женской ментальности проявляются в следующем диалоге между Анной и Долли:

– Ну, и самое законное – он [Вронский] хочет, чтобы дети ваши имели имя.

– Какие же дети? – не глядя на Долли и щурясь, сказала Анна.

– Ани и будущие...

– Это он может быть спокоен, у меня не будет больше детей.

– Как же ты можешь сказать, что не будет?..

– Не будет, потому что я этого не хочу.

И, несмотря на все свое волнение, Анна улыбнулась, заметив наивное выражение любопытства, удивления и ужаса на лице Долли.

– Мне доктор сказал после моей болезни .....

.....

– Не может быть! – широко открыв глаза, сказала Долли. Для нее это было одно из тех открытий, следствия и выводы которых так огромны, что в первую минуту только чувствуется, что сообразить всего нельзя, но что об этом много и много придется думать.

Открытие это, вдруг объяснившее для нее все те непонятные для нее прежде семьи, в которых было только по одному и по два ребенка, вызвало в ней столько мыслей, соображений и противоречивых чувств, что она ничего не умела сказать и только широко раскрытыми глазами удивленно смотрела на Анну. Это было то самое, о чем она мечтала еще нынче дорогой, но теперь, узнав, что это возможно, она ужаснулась. Она чувствовала, что это было слишком простое решение слишком сложного вопроса.

– N'est ce pas immoral? – только сказала она, помолчав (АК XIX: 213–214).

На тот момент в России тема предупреждения беременности не была актуальной и не поднималась в прессе; возможно, врач Анны был знаком с первыми иностранными работами по контрацептивной медицине, в том числе с «Fruits of Philosophy, or the Private Companion of Adult People» (Плоды философии, или Личный спутник совершеннолетних), написанной в 1832 г. Чарльзом Ноултоном, отцом этой дисциплины (ср.: Schultze 1982: 97–98).

В рамках ментальности того времени брак по расчету не предусматривал никакого контроля за рождаемостью; патриархальная семья была очень большой, и жизнь женщин проходила от родов до родов, а аборт наказывался Уголовным кодексом⁶³. Многочисленные случаи детоубийства также сурово наказывались, но, несмотря на это, такое явление было очень распространено в России, о чем свидетельствует и наличие в словаре Даля такого выражения, как «приспать или заспать младенца», т. е. «положив с собою, навалиться на него в безпамятном сне и задушить» (Даль 1980. III: 444)⁶⁴. Как явствует из работ историка С.С. Шашкова,

---

⁶³ Изгнание плода считается преступлением против личности, и Уголовный кодекс 1832 г. рассматривает его как детоубийство. С 1845 г. это признается особым преступлением, и статья 1451 кодекса устанавливает в качестве наказания за него лишение всех прав, вытекающих из положения обвиняемой, и принудительные работы на срок 10–12 лет (Таганцев 1868. № 10: 376).

⁶⁴ Виктор Живов, изучавший этимологию глагола «заспать», утверждает: «Глагол *заспать* в словосочетании *заспать младенца, ребенка*

речь здесь идет об убийствах, совершаемых, в основном, по двум причинам: оттого, что семья не могла прокормить еще один лишний рот или оттого, что ребенок был внебрачный. Убийств по второй причине было в 2,7 раза больше, чем по первой, и объясняется это тем, что нормы нравственности слишком жестоко осуждали женщин, запятнавших себя таким «бесчестьем» (Шашков 1871: 413–463; ср.: Фойницкий 1893. № 2: 132). Наказания за детоубийство были весьма суровыми: согласно Уголовному кодексу 1885 г., за это преступление полагалось от 10 до 12 лет каторги или от 4 до 6 лет тюрьмы. Несмотря на это, во второй половине XIX в. количество детоубийств возрастает: если с 1879 по 1888 г. за это преступление к суду привлекалась 1481 женщина, то в 1889–1898 гг. их число увеличивается до 2276 (Безгин 2010: 2).

фиксируется в словарях русского языка с конца XVIII в. В Словаре Академии Российской указывается: “*Заспать младенца*. Говорится о кормилицах и самых матерях, которыя положив подле себя в постелю груднаго младенца, по неосторожности навалясь на него во сне задушают его. Не клади на ночь подле себя младенца, что бы его не заспать тебе...” В Словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. в толковании говорится: “Заспать младенца; зн. затруднив во время сна по неосторожности дыхание младенца, лишить его жизни <...>” Эти толкования с теми или иными вариациями повторяются затем в многочисленных лексикографических трудах позднейшего времени. Так, в Словаре В.И. Даля находим: “*Заспать младенца*, проспаться, навалившись на него в беспамятном сне, удушить, задавить. *Не токмо кормилице, и родной матери случается заспать младенца*” <...> В семнадцатитомном академическом словаре читаем: “Нечаянно задушить во время сна рядом лежащего ребенка. *Веселовская Марфа заспала ребенка-то!* Григор. Кошка и мышка <...>” В Словаре под ред. А.П. Евгеньевой данное значение по неясной причине приобретает помету “обл.” и толкуется как “нечаянно задавить во время сна (грудного ребенка) <...>” В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой второе значение глагола *заспать* разъясняется следующим образом: “Уснув, задушить (младенца) своей грудью, телом. *Мать заспала ребенка* <...>” (Живов 2009: 370). К этому Живов добавляет, что «в средневековой Руси вплоть до Петровской эпохи умерщвление новорожденных их родителями не рассматривалось как полноценное убийство ни в церковных, ни в светских нормативных текстах» (Там же: 390).

Шашков обличает это зло, призывая к более радикальному решению проблемы:

Так и в деле детоубийства корни социального зла лежат гораздо глубже, чем думают юристы, А чтобы уничтожить известное явление, надо уничтожить самую причину, порождающую его. Тут никакие полумеры не помогут исправлению зла. Если мать убивает свое дитя в большинстве случаев из страха, голода и холода, то надо всех матерей накормить и одеть и т. д. (Шашков 1871: 480).

Следует отметить, что в случае детоубийства заявление о незаконности ребенка существенно смягчало вину матери и облегчало наказание. Судьи в этом случае были довольно снисходительны, и преступление, как правило, списывалось на умопомрачение, близкое к сумасшествию. Такое отношение не только доказывает тесную связь между моральным и уголовным кодексами, но и заставляет задуматься о том, как детоубийство использовалось государством в целях контроля за рождаемостью и ростом населения. В самом деле, если в городах детоубийство практиковалось прежде всего в отношении внебрачного потомства, то в деревнях к нему нередко прибегали и замужние женщины как к средству контроля за рождаемостью⁶⁵. Тот факт, что за детоубийство наказывали редко, а чаще закрывали на него глаза, позволяет предположить, что это преступление могло сознательно использоваться исполнительницей (матерью) в качестве контрацептивного средства, а государством – в качестве способа контроля за рождаемостью населения.

На этом историко-культурном фоне поведение Анны представляет собой настоящий разрыв с прошлым. Из литературного события «Анна Каренина» становится социальным явлением, и роман, описывающий перемены в общественных настроениях, ментальности и быте того времени, делается симптомом переходной эпохи. Как утверждает Эдуард Бабаев,

И дело вовсе не в количестве «примет времени», а в том, что Толстой определил основную идею своей эпохи. Шум времени до пределов наполнял Ясную Поляну. Поэтому Толстому и удалось написать свой современный роман (Бабаев 1978: 11).

---

⁶⁵ О практике детоубийства ср.: Kowalsky 2009: 146–166.

Рецепция романа «Анна Каренина»
в России конца XIX в.

Толстой, ты доказал с терпеньем и талантом,
Что женщине не следует «гулять»
Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом,
Когда она жена и мать.

Н. Некрасов. Автору «Анны Карениной»

Публикация романа «Анна Каренина» вызывает широкий резонанс в читательской аудитории. Выход первой части становится литературным событием 1875 г., и каждую из последующих частей, публикуемых в «Русском вестнике», читатели встречают с огромным интересом, постоянно ожидая необычного поворота событий. Критика обсуждает не только уже написанные главы, но строит предположения о последующих, участвуя в игре, типичной для фельетонов, которые взаимодействуют с публикой, создавая интригу и будя любопытство в аудитории. В случае с Толстым игра усложняется еще больше, поскольку после романа «Война и мир» читатели надеются найти героический эпос великого русского народа и в «Анне Карениной». Но роман неожиданно оказывается семейной историей из жизни дворян, что вызывает разочарование во всех кругах, как прогрессивных, так и консервативных, и в результате абсолютно все, пусть и по разным причинам, отворачиваются от романа. По свидетельству литературного критика той эпохи В.В. Чуйко, «Анна Каренина» встречает дружное неодобрение в обществе по многим причинам: роман не отвечает ожиданиям, возникшим у читателей по прочтении такого шедевра, как «Война и мир»; не пользуется успехом у славянофилов; раскрывает скандальную тему и изображает только высший свет (Чуйко 1878: 43).

В настоящей части нашего исследования, посвященной рецепции романа современниками Толстого, мы ставим задачу рассмотреть, главным образом, отношение читательской публики к проблеме института брака и, следовательно, к проблеме адюльтера, семьи и «аморального» поведения Анны.

Тот факт, что роман широко распространяется в России и за рубежом и вызывает нескончаемые дискуссии, позволяет утверждать, что он оставил глубокий след в ментальности читателей. Анна, неверная жена, нарушающая таинство брака и бросающая вызов обществу, поднимает своими действиями определенную нравственную проблему. Ее поведение доказывает, что сожителство, альтернативное супружескому, возможно или даже предпочтительно. Пример Анны вынуждает читателей принять или отвергнуть новую модель семейной жизни и вместе с тем показывает возможность осуществления того, что до недавнего времени было совершенно нереальным; Анна открыто проявляет до сих пор запрещенные чувства; ее последний крик отчаяния и трагическая смерть требуют поиска новых решений. Был ли услышан этот крик ее современниками? Насколько читатели сумели проникнуть в его смысл? Увидели ли они, какая трещина образовалась в институте брака?

Учитывая заинтересованность публики и отклики, вызванные романом в критике, трудно поверить, что он никоим образом не повлиял на ментальные структуры читателей. Согласно прессе той эпохи, «единственным крупным литературным явлением остается по-прежнему “Анна Каренина”»: ее ждут с нетерпением, ее читают нарасхват, об ней толкуют и спорят» (Авсеенко 1912: 39)⁶⁶. И все же, читая публицистику того периода, кажется, что почти ни одному из критиков не удалось постичь всей значимости социальной роли, которую произведение Толстого сыграло в истории института брака по расчету. Из этого можно заключить, что вызов героини воспринимался современниками бессознательно: пример Анны постепенно запечатлевался в ментальных структурах общества и незаметно привел к появлению того буржуазного брака, который Толстой изображает несколькими годами позже в «Крейцеровой сонате».

---

⁶⁶Сведения о рецензиях современников можно найти в следующих работах: Гусев 1963: 369–429; Бычков 1952; Бабаев 1993: 107–180; Thorlby 1987: 105–112.

Критика в последней четверти XIX в.

В результате расширения литературного рынка начиная с 1820-х и 1830-х годов в русском литературном поле формируются предпосылки для возникновения толстых журналов – типично русского культурного феномена. На их страницах по частям публиковались романы крупнейших писателей; «Анна Каренина» также выходит с 1875 по 1877 г. в «Русском вестнике» Каткова, бесспорного лидера консервативной печати. В XIX в. государственные периодические издания практически исчезают: почти все журналы становятся частными, а следовательно, отражают философско-политические взгляды своих редакторов и публикуемых писателей (Бабаев 1993: 3–8; Ульянов 1911). Кроме того, зарождается и новое литературное явление: издание некоторыми литераторами собственных журналов, единственными редакторами и авторами которых они сами и являются. Это, например, «Дневник писателя» Достоевского (1876–1877, 1880, 1881) или «Дневник писателя» Дмитрия Аверкиева (1885–1886), который сотрудничал с «Эпохой» и выпускал свой журнал с тем же названием, что у Достоевского, по примеру великого мастера. Именно эти журналы-дневники, где автор одновременно выполняет обязанности издателя, писателя и журналиста, становятся важным свидетельством культурно-общественной жизни того времени и утверждаются как инструмент формирования общественного мнения, вновь доказывая литературоцентризм русской культуры и пророческую роль русского писателя.

Если в 1860-е годы популярных изданий, пользовавшихся доверием публики, было немного, и их направленность была хорошо известна, то в последующие два десятилетия мы наблюдаем бурный рост количества журналов и газет, которые предлагают свою интерпретацию философско-литературных проблем, возникающих в русле народнических дискуссий. За эти годы критика объединяется вокруг различных эстетических и общественных кружков, и независимые литературные журналы и газеты, таким образом, разделяются на разные лагеря. Рупором народнической мысли становятся, главным образом, «Отечественные записки», с 1868 г. возглавляемые Н.А. Некра-

совым⁶⁷ и М.Е. Салтыковым-Щедриным, и «Дело», негласным редактором которого с 1866 г. становится Г.Е. Благосветлов. Эти периодические издания продолжают традицию реальной критики: ее представители В.Г. Белинский, а затем Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов и Д.И. Писарев изучали литературу в ее отношениях с обществом⁶⁸. Если авторы «Отечественных записок» (Н.К. Михайловский, Г.З. Елисеев и другие) признают за литературой самостоятельную эстетическую ценность, то сотрудники «Дела» (в частности, П.Н. Ткачев и Н.В. Шелгунов) отводят ей скорее общественную роль и полагают, что у нее сугубо прагматическая функция – помощь в осуществлении революционного процесса. Этим объясняется расхождение между взглядами Толстого и позицией «Дела», а также более умеренной позицией «Отечественных записок», пытающихся вовлечь автора в свою орбиту. Консервативное крыло представлено неославянофильской критикой, ориентированной не на революционный, а на духовный потенциал русского народа. Во главе этого течения стоят прежде всего Н.Н. Страхов и И.С. Аксаков, верящие в религиозную самобытность русского национального духа. Сначала они выпускают журнал «Москва» (1867–1868), а затем «Русь» (1880–1886). Страхов, верный приверженец Толстого, а также поборник почвенничества, исповедует веру в искусство ради искусства и полагает, что в основе русского творчества лежат его связи с духовной культурой и национальным сознанием. В отличие от неославянофилов сторонники так называемого охран-

---

⁶⁷ В 1874 г. Некрасов пытался убедить Толстого напечатать «Анну Каренину» в его журнале, но такое же предложение сразу после этого было сделано автору Катковым, и Толстой после долгих раздумий сделал выбор в пользу последнего. В разгар критической дискуссии по поводу романа консервативные круги узнали о предложении Некрасова, которое было немедленно опровергнуто журналом. Именно тогда Некрасов создал эпиграмму, поставленную нами эпитафией к данной главе (см.: Бабаев 1993: 109–111; 155–156).

⁶⁸ В круг периодических изданий народнического толка входили также «Русское богатство», «Слово», «Русская мысль» (до 1885 г.), «Северный вестник» (до конца 80-х годов), «Неделя», «Русские ведомости» и «Биржевые ведомости».

тельства – М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев и В.Г. Авсеенко – видят в защите национально-религиозных традиций народа необходимое условие для сохранения стабильного общественного порядка. Их главными печатными органами являются «Русский вестник», «Московские ведомости» и «Современная летопись». Журнал «Гражданин» также принадлежит к этой идеологической орбите.

Типичным для 70-х и 80-х годов явлением можно назвать развитие газетной критики. Она адресована более широкому кругу читателей, изобилует данными о литературных событиях, но представляет собой скорее информационную сводку о появлении произведений, а не тщательную их интерпретацию.

1890-е годы ознаменованы новым поворотом как в отечественной критике, так и в литературе: рядом с уже существующими течениями критической мысли возникает культурно-историческая школа Н.С. Тихонравова и А.Н. Пыпина, взгляды которой находят отражение в «Исторической поэтике» А.Н. Веселовского и в работах А.А. Потебни. Оформляются школа марксистского литературоведения Г.В. Плеханова и литературная критика символистов (Д.С. Мережковский и «Мир искусства»); в это же время В.А. Гольцев закладывает основы эстетической критики психологического толка. Этим многообразием литературных взглядов и направлений и объясняется тот факт, что роман Толстого начинает восприниматься по-новому именно в 90-е годы XIX в.

В 70-е годы «Анна Каренина» вызывает бурные дискуссии: на роман возлагаются большие надежды, за его судьбой трепетно наблюдают, но в следующем десятилетии отмечается уменьшение количества выходящих на него рецензий. Должно пройти еще одно десятилетие, прежде чем изменится сама природа литературной критики, которая станет «литературной наукой» и, следовательно, изменит свое отношение к роману, наконец-то по-новому оценив его значение. В процессе публикации «Анна Каренина» становится излюбленной темой всех салонов; критика делится на петербургскую и московскую, на прогрессивную и консервативную. Прогрессивные критики и народники неодобрительно отзывались о романе, поскольку после «Войны и мира», где Толстой предлагал новую интерпретацию истории, отводя главную роль в ней народу, в «Анне Карениной» он словно ограничивается рассуждениями об идиллии высшего света

(Марков 1878б; Скабичевский 1875); для этих критиков Анна – дитя приходящего в упадок дворянского общества, а Толстого они обвиняют в пренебрежении классовыми вопросами. Консерваторы судят героиню с нравственной точки зрения, резко осуждая невысокий философский уровень произведения (Достоевский 1877: 227–263; Катков 1877), мирскую тему романа (Соловьев 1875б: 84–93) и позицию писателя по славянофильскому вопросу, предложенную в последней части произведения. Даже образу Левина не удастся внушить критикам симпатию, так как его религиозные размышления вызывают ироническую усмешку у прогрессивного крыла, но в то же время не выглядят убедительными для консерваторов.

Публикация романа по частям вызывает продолжительную дискуссию, которая разгорается все сильнее с каждой новой публикацией и достигает своего апогея при выходе последней части (ср.: гл. «Анна Каренина». § Финал). Вся интеллигенция читает роман, обсуждает его и ожидает развития событий с каждой новой главой. Как утверждает Авсеенко, «крупнейшим из литературных фактов минувшего года является, без сомнения, новый, еще не оконченный роман графа Л.Н. Толстого» (Авсеенко 1876: 209).

Народническая и консервативная критика

Народничество достигает своего расцвета в 1860-е годы, но все еще господствует в литературных журналах на протяжении последующих двух десятилетий, нередко превращая литературные дискуссии в философско-политические конфликты. В интеллектуальной среде, где доминируют взгляды разночинцев, позиции Толстого представляются особенно слабыми. Русская интеллигенция, преодолев неуверенность и пассивность 40-х годов, порожденные типичным для нее чувством отчуждения и непричастности к общественной деятельности, возродилась и превратилась в культурный и образованный класс, несмотря на неблагоприятное происхождение. Она начинает играть важнейшую роль на общественной и культурной арене, а выразителями ее позиций становятся периодические издания. Народническая критика почти единодушна в своем презрении к «Анне Карениной»;

ее представители не одобряют того, что действие разыгрывается в дворянской среде и что в романе не выведено ни одного героя низкого социального происхождения; им также не по душе идеализм Левина и его рассуждения на тему аграрной реформы, которые кажутся им неубедительными из-за отсутствия конкретного предложения по решению проблемы⁶⁹.

Критик Н.К. Михайловский, один из идеологов народничества, в конце 1870-х годов сблизившийся с революционно-террористической группировкой «Народная воля», в 1875 г. пишет известную статью «Десница и шуйца Льва Толстого» (Михайловский 1875). Именно после этого очерка писателя начинают воспринимать как несознательного демократа; эта точка зрения наиболее ярко выразится в ленинской работе «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908). Михайловский обнаруживает у писателя противоречие между искренним пониманием нужд народа и абстрактным содержанием, оторванным от реальной жизни, которую автор проповедует в своем учении. По мнению критика, в творческой манере Толстого уживаются два начала: одно («правая рука») способствует росту общественного сознания, другое же («левая рука») является отклонением от «правильного пути» и имеет только художественную ценность. «Правой руке» принадлежат такие произведения, как «Казаки», «Война и мир», «Утро помещика», а также педагогическая деятельность писателя; «левой руке» – те тексты, в которых Толстой описывает переживания аристократических кругов и превратности частных дамских судеб. К этой второй группе можно отнести и «Анну Каренину» как зеркало предосудительных нравов русского дворянства: «Много мерзостных подробностей быта этих слоев изображено в *Анне Карениной*» (Михайловский 1875. № 5: 147). Виной этому, по мнению критика, графское происхождение самого Толстого, прекрасно знакомого со всеми пороками высшего света, выходцем из которого он является и правила которого он хорошо усвоил.

---

⁶⁹ А.В. Станкевич подвергает резкой критике образ Левина, чьи философско-религиозные размышления и проекты решения аграрного вопроса представляются литератору поверхностными и противоречивыми (ср.: Станкевич 1878. № 5: 172–193). Того же мнения придерживается и Ткачев (Никитин 1878. № 4: 284–307).

Действительно, сам Толстой в предисловии к первому изданию «Войны и мира» в конце 60-х годов признает, что является дворянином по рождению, по привычкам и по положению, и именно поэтому не может описывать мысли и чувства, не свойственные его классу (Толстой 1949в: 239).

Если консервативная критика (Михайловский имеет в виду, в частности, журналы «Русский вестник», «Русский мир» и «Гражданин») полагает, что литературу могут занимать только интересы дворянских кругов как единственных носителей культурных ценностей, народническая мысль опирается на слова самого Толстого, провозглашая противоположную точку зрения: «требования народа от искусства законнее требований испорченного меньшинства, так называемого образованного класса» (Толстой 1936д: 114).

В 1875 г. критик революционно-народнического крыла П.Н. Ткачев публикует в журнале «Дело» статью, посвященную первым двум частям «Анны Карениной», где анализирует произведение Толстого исключительно как публицистический очерк и почти полностью пренебрегает его литературным аспектом. Критик осуждает писателя за то, что тот выбрал предметом своего описания общество дворян, которые увлечены лишь собственными любовными похождениями и для которых «все, выходящее за предел отправления половой сферы, есть <...> нечто внешнее, формальное, не связанное никакой внутренней связью с их жизнью» (Никитин 1875: 28).

В триумфе чувств, изображенном в «Анне Карениной», Ткачев усматривает не вения новой эпохи, а лишь глупость и эгоизм русского дворянства (Там же: 37–39). Критик не только не обращает внимания на вызов, брошенный Анной, но и не верит в подлинность чувств Вронского, не замечая, что именно в силе этого чувства и состоит разрыв с прошлым, что любовь героя к Карениной уже глубоко отличается от обычного страстного увлечения, к которому было привычно общество того времени. Исходя из убеждения, что художественная правда любого произведения напрямую зависит от его социального содержания и что последнее в романе явно хромает из-за дворянского происхождения его автора, критик не видит у Толстого никаких элементов новизны и резко осуждает его за пренебрежение общественными

движениями эпохи и за увлечение анализом личных, семейных и половых отношений (Там же: 27). «Анна Каренина», таким образом, превращается под пером Ткачева в «эпопею барских амуров» (Там же: 23), «знамение нравственного упадка», роман, способствующий падению нравов в обществе (Там же: 19). Анну он называет «пустой дамой» (Там же: 37), и, в преддверии окончательного заключения, которое можно будет дать, когда выйдут остальные части романа, ее образ описывается как легковесный и лишенный глубины:

Этой героине до сих пор, кроме необычайной внутренней пустоты и красивой внешности, автор еще не успел придать никаких других более определенных и знаменательных признаков (Там же: 41–42).

В следующей статье, написанной после выхода полной версии романа, Ткачев окончательно ставит на «Анне Карениной» клеймо легкомысленного произведения. По мнению критика, герои представляют собой призраков, марионеток, подчиняющихся требованиям интриги, выстроенной вокруг развратной любви Анны и Вронского, чтобы удовлетворить вкусы салонной публики (Никитин 1878. № 2: 346–368; Никитин 1878. № 4: 283–326). Уже по одному названию очерка – «Салонное художество» – становится понятно, что для Ткачева творчество Толстого – это продукт и отражение пороков высшего света (Никитин 1878. № 4: 320).

Редактор газеты «Новое время» Алексей Суворин, первоначально принадлежавший к прогрессивному крылу критики, но со временем занявший националистические и консервативные позиции, публикует литературный портрет Толстого в своей книге «Очерки и картинки» (1875). В то время еще находясь под влиянием либеральных идей, он выражает оценку, идущую вразрез с позитивными откликами, появившимися в «Русском мире» и «Петербургских ведомостях»: первая часть «Анны Карениной» подвергается им критике и определяется как простое изображение жизни высшего света (Суворин 1875: 21). Одобрение критика вызывает только Левин, который, презирая светскую жизнь, живет в контакте с природой и олицетворяет собой новый сельский

идеал: это солидный человек, истинный голос Толстого (Там же: 24–25)⁷⁰. Однако спустя всего лишь два года все в той же газете Суворин пересматривает свое прежнее мнение о романе и пишет о нем с похвалой:

Автор не пощадил ничего и никого и выставил любовь с таким трезвым реализмом, до которого у нас никто не возвышался; нигде не перешел он границу этой правды, нигде не польстил инстинктам сладострастия. Истинный художник остался верен законам реализма, законам страсти и, сорвав поэтический ореол с нее, представил ее в *настоящем* виде. Стоило ли это доказывать – другой вопрос, но это *общественное* значение «Анны Карениной» бесспорно⁷¹.

Не одобряет произведение Толстого и Александр Скабичевский, критик-народник, который от революционных взглядов постепенно переходит к более либеральному народничеству. В идиллических сценах домашней жизни былых времен он усматривает выражение типично славянофильской ностальгии (Скабичевский 1875: 62–63)⁷². По мнению Скабичевского, Толстой ограничивается описанием старинных семейных сцен, порочит нигилистов в образе Крицкого, оскорбляет современную медици-

---

⁷⁰ Левин не вызывает большой симпатии у читателей того времени, за исключением автора статьи, появившейся в «Отечественных записках» (1877. № 8. С. 264–269), который считает его ключевой фигурой, единственным персонажем, который в состоянии уравновесить сомнения и неуверенность других героев.

⁷¹ Слова Суворина (Литературные очерки // Новое время. 1877. С. 400) приведены в работе Гусева (Гусев 1963: 432).

⁷² Скабичевский долго интересуется произведением Толстого. В статье 1872 г. под названием «Граф Лев Николаевич Толстой как художник и теоретик» (Скабичевский 1887) он оценивает талант автора, но не одобряет его попытки приблизить к народу таких персонажей, как Нехлюдова или Безухова; в 1885 г. он окончательно отделяет Толстого-художника от Толстого-мыслителя, осуждая его философию в очерке под названием «Мысли и заметки по поводу нравственно-философских идей гр. Л. Толстого».

ну (плод европейского влияния)⁷³ и говорит о женщине либо как о хранительнице домашнего очага, всецело подчиненной мужу, либо как о глупой дворянке, попавшей в любовную западню слащавого графа. Наконец, он определяет весь роман как «мелодраматическую дребедень, в духе старых французских романов» (Скабичевский 1875: 70)⁷⁴.

Четыре года спустя тот же Скабичевский обобщает свои позиции в статье под названием «Разлад художника и мыслителя» (Скабичевский 1880). В этой работе критик указывает на шизофреническое противоречие, в которое якобы впадает граф Толстой, разрываясь между замыслом романа и его художественной реализацией. Особенно это противоречие проявляется, по мнению критика, в фигуре Левина, чей образ является продуктом славянофильства толстовского типа (понимаемого как привязанность к земле и к народу), но раскрывается в патерналистски-народническом ключе, определяемым Скабичевским как «московско-культурный абсентеизм» (Там же: 6). Образ Левина (генеалогия которого восходит к «лишним людям» 40-х годов) – это alter ego писателя, положительный персонаж, образец правильного жизненного пути, «положительный тип для примера и поучения» (Там же: 23), но именно поэтому его неспособность к реальной деятельности якобы доказывает крах Толстого как теоретика (Там же: 32).

М.Е. Салтыков-Щедрин также настроен весьма критически в отношении произведения, повествующего об идиллиях высшего

---

⁷³ Здесь прослеживается аллюзия на сцену, воспринимаемую некоторыми как неуместную и неприличную, в которой Китти, брошенная Вронским, внезапно заболевает и подвергается тщательному осмотру известным врачом. Это описание вызывает скандал в кругу критиков, и даже Соловьев посвящает этому эпизоду несколько страниц, утверждая, что вовсе не было необходимости в долгом и подробном описании того, как молодой и известный врач заставляет девушку из хорошей семьи обнажиться в его присутствии, чтобы подвергнуться тщательному осмотру: «Поэтому говорить о “весьма красивом, не старом мужчине и молодой обнаженной девушке” совершенно неуместно» Соловьев 1875б: 87).

⁷⁴ Те же идеи подтверждаются и в следующей статье, ср.: Скабичевский 1876: 222–230.

света, что видно из письма, адресованного критику П.В. Анненкову после выхода первых десяти глав «Анны Карениной»:

Вероятно, Вы <...> читали роман гр<афа> Толстого о наилучшем устройстве быта детор<одных> частей. Меня это волнует ужасно. Ужасно думать, что еще существует возможность строить романы *на одних* половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется это подло и безнравственно. И ко всему этому прицепляется *консервативная* партия, которая торжествует. Можно ли себе представить, что из коровьего романа Толстого делается какое-то политическое знамя? (Салтыков-Щедрин 1975а: 180).

Возмущение Салтыкова-Щедрина «любовными интригами» «Анны Карениной» столь сильно, что он даже планирует написать пародию на роман в форме повести, в которой «шпион явится, литератор, который в подражание “Анне Карениной” пишет повесть “Возлюбленный бык”. Смеху довольно будет, а связующая нить – культурная тоска» (Салтыков-Щедрин 1975б: 233). Произведение, озаглавленное «Благонамеренная повесть», действительно было начато писателем, но так и не было доведено до конца.

Тургенев, следивший из Парижа за всеми событиями русской литературной жизни, в нескольких личных письмах доверительно сообщает, что не ценит «Анну Каренину», находя произведение скучным и легкомысленным. В послании, адресованном Онегину-Отто в феврале 1875 г., он выражается следующим образом: «Прочел “Анну Каренину” – и нашел в ней гораздо меньше, чем ожидал. Что будет дальше – не знаю; а пока – это и манерно, и мелко – и даже (страшно сказать!) скучно» (Тургенев 1966а)⁷⁵. Месяц спустя он высказывает ту же мысль в письме А.В. Топорову: «Гораздо большее разочарование (потому что ожидания были большие) принес нам роман Л.Н. Толстого» (Тургенев 1966д: 49–50). В ряде следующих писем Тургенев подтверждает

---

⁷⁵ Те же слова можно найти и в письме Александре Плетневой (Тургенев 1966в: 25). Кроме того, начало «Анны Карениной» определяется как «манерное, мелкое, *léché*» в письме Анненкову (Тургенев 1966г: 34).

свою оценку, пусть и допуская, что в романе есть чудные пассажи (Тургенев 1966б: 234). Очевидно, что его мнение вызвано также славянофильскими наклонностями Толстого: в письме к Юлии Вревской Тургенев пишет, что православие, дворянство, славянофильство, сплетни, невежество, самомнение, господские привычки перемешиваются в романе друг с другом, формируя неконтролируемый хаос (Тургенев 1966е: 230).

Вся совокупность идей народнического толка представлена в ряде статей В.В. Маркова, посвященных отдельным частям «Анны Карениной», а затем собранных в одну книгу под названием «Навстречу» (1878) (Марков 1878б). Изыскания автора подразделяются на несколько уровней: социальный, психологический, реалистический и нравственный. Что касается первого, Марков хоть и признает высочайший талант Толстого, но протестует против среды, выбранной автором для фона действия романа. Согласно детерминистским воззрениям Маркова, весь план романа ошибочен, поскольку виновна не Анна, а социальные условия, в которых она живет и в которых она не может иметь материальной независимости, самостоятельной работы и необходимого образования для получения всего этого; виновно общество, ставящее героиню романа в безвыходное положение. Несмотря на то что критик называет Анну «легкомысленной» светской дамой, он тем не менее считает ее жертвой общества (Там же: 449). Социальный уровень, по мысли Маркова, пересекается с реалистическим: в отрицании Толстым исторического детерминизма Марков видит нарушение художественной реальности.

Вы [обращается Марков к Толстому] так мало верите влиянию житейских и исторических неблагоприятных обстоятельств; вы так мало расположены взвешивать значение дурных общественных условий, порядков и учреждений... Считаюсь реализмом в искусстве, но стоя на противоположном полюсе с миросозерцанием реалистов, вы думаете, что человек, помимо влияний окружающей среды, всегда может быть счастлив <...> Борьба против общественного зла кажется вам подозрительной, как нечто не совсем искреннее, и вы вообще держитесь верования, что «чему быть, тому не миновать», – даже вся ваша философия, которой вы не прочь пощеголять, сводится к этому

изречению. Вы веруете, что прекрасные чувства могут приходить сами собою, по наитию, и разом переработать всего человека. Сухой, заскорузлый бюрократ явился было у вас олицетворением христианской кротости; женщина, ненавидящая мужа, едва не превратилась в любящую жену; праздный волокита [Вронский] зарыдал слезами раскаяния, и все это – разом, без переходов, без посредствующих звеньев... (Там же: 426).

По мнению Маркова, социальный и реалистический уровни связаны и с психологическим планом, сквозь призму которого отчетливо проступают некоторые слабые места романа; самый значительный из таких недочетов состоит в том, что перемена в отношении Анны к мужу во время ее болезни слишком резкая и внезапная, к ней нет никаких художественных предпосылок, и, таким образом, художественная правда произведения страдает (Там же: 414). Из-за этой ошибки и возникает то, что Марков называет психологическим противоречием: «Толстой, по нашему мнению, сбился с правильного пути, и ему не удастся превратить фальшь в художественную правду. Рождаются только новые психологические противоречия, и одна запутанность влечет за собой другую» (Там же: 416). Наконец, нравственная позиция писателя, лежащая в основе романа, консервативна и типична для дворянского круга; она зиждется на идее, что семейный союз должен базироваться на договоре, который определяет правила отношений в семье и поведение ее членов дома и в обществе, не учитывая индивидуальные чувства и увлечения. Кроме того, мнение Толстого о разводе, четко выраженное в романе, представляется критику реакционным: «Нам же кажется, что лучше развод, чем петля – для одного или обоих супругов» (Там же: 418). То же самое можно сказать и о взглядах Толстого по женскому вопросу: «Сомнительно, чтоб граф Толстой принадлежал к защитникам женской равноправности» (Там же: 437). В сущности, все статьи Маркова построены на социальном анализе: в «Анне Карениной» изображается мир дворянства, игнорируется жизненная сила народа, выведенная, напротив, на первый план в «Войне и мире», и тем самым умаляется ценность всего произведения. Отсюда следует, что Анна – пустая и эфемерная фигура, достойный продукт того общества, к которому она принадлежит (Там же: 432).

Единственным диссонансом на фоне общего хора народнической критики смотрится мнение писателя Г.И. Успенского, сотрудника «Отечественных записок», который в отличие от многих своих современников улавливает социальную сущность романа. В одном из своих частных писем он признается собеседнику, что хочет написать серию статей о современности, навеянных романом Толстого (Успенский 1957б: 64. В действительности проект так и не был завершен).

Всеволод Соловьев, брат знаменитого философа Владимира Соловьева, в газете «Петербургские ведомости» публикует комментарий к первой части «Анны Карениной». Критик описывает ожидание, предшествовавшее публикации первых глав романа, надежды публики и последовавшее разочарование (Соловьев 1875а: 1–2). В целом его отношение довольно скептическое, хотя он и высказывает несколько положительных замечаний о произведении. В частности, по его мнению, Толстой описывает «настоящую» жизнь, т. е. жизнь дворянства: «На страницах “Анны Карениной” перед нами ясно и отчетливо проходит все то, из чего состоит ежедневная жизнь наша, что хранится в нашей памяти и составляет наши семейные, домашние воспоминания» (Там же). Тип русского дворянина, взятый непосредственно из реальной жизни, – это Стива Облонский, а Долли является портретом современной женщины. Семейная история Облонских представляет собой классический образец знатной семьи той эпохи, жизнь которой разворачивается по сценарию, прекрасно известному русским читателям; их пример – наиболее точное изображение быта русского дворянства. И это утешительно сознавать автору, который именно в дворянской среде видит оплот традиций и ценностей России.

В следующей статье, после разоблачения измены Анны, Соловьев уже менее снисходителен в своей оценке героини. Новая рецензия пронизана едва уловимыми нотками порицания, вызванного «аморальным» поведением Карениной; если о муже говорится в положительном тоне, то жена выглядит убогой и второплановой фигурой и характеризуется как «жалкая и пошлая, дрянная женщина» (Соловьев 1875б: 92).

Третья статья Соловьева превращается в резкую, уничтожающую критику; он один из немногих, кто отрицает талант

Толстого, утверждая, что «он *исписался*, его деятельность окончена и отошла в прошедшее» (Соловьев 1875в: 113) и что персонаж (или поведение Анны?) непоправим: «Есть только одно, что уже непоправимо, и о чем можно судить и в настоящее время – это сама Анна Каренина» (Там же: 114).

Противоположную позицию занимает писатель Н.С. Лесков, автор антинароднических романов «Некуда» (1864) и «На ножах» (1870): в письме к И.С. Аксакову от 1875 г. он оценивает «Анну Каренину» как краеугольный камень в истории романа и, хоть и утверждает, что любовная интрига не совсем убедительна, тем не менее сожалеет о том, что публика не понимает величия этого произведения, а критики по самым разным причинам «роман *дружно ругают*» (Лесков 1875а: 388)⁷⁶.

В «Русском мире» «Анну Каренину» хвалит Авсеенко, который, хоть и высказывает автору несколько незначительных критических замечаний, положительно отзывается о романе, высоко оценивая то, что в нем присутствует дух старины и что он правдиво воспроизводит образ жизни в прежние времена и отраду былого (Авсеенко 1875б: 40). По мнению Авсеенко, значение произведения состоит в противопоставлении пустоты современности (которую он обобщенно называет мещанством) полноте былых традиций. Среди последних на первый план выступают идеал семьи (в который влюблен Левин) и старый стиль жизни дворянства, олицетворением которого являются Щербацкие (Там же: 42).

Преимущественно религиозного подхода придерживается Леонтьев, который критикует произведение и учение Толстого, обвиняя его в недостаточном знании трудов церковных отцов. Тем не менее он признает «Войну и мир» и «Анну Каренину» одними из величайших шедевров мировой литературы. Его знаменитая статья, посвященная роману «Анна Каренина», где он сравнивает графа Вронского с графом Толстым, опирается на концепции литературоцентризма и славянофильства. На основании первой концепции он утверждает, что влияние литературы сильнее, чем влияние семьи и школы, и потому учение такого автора,

---

⁷⁶ Лесков подтверждает свое мнение в одном из следующих писем: «Третий кус “Анны Карениной”, по-моему, столь же хорош, как и первые два» (Лесков 1875б: 394).

как Толстой, превзошедшего всех отечественных и зарубежных писателей, есть мощнейшее оружие, которым можно повлиять на душу читателя. Борясь с гоголевским наследием, так долго доминировавшим в русской литературе и опошлявшим народный быт излишним натурализмом, Толстой наконец-то предлагает аудитории правдивую картину высшего общества в России и в образе графа Вронского дает пример патриотизма и героического духа:

Больше всех от гоголевского одностороннего принижения жизни освободился, я говорю все-таки, он же – Лев Толстой – и дорос сперва до военных героев 12-го года, а потом и просто-напросто до современного нам флигель-адъютанта – Алексея Кирилловича Вронского (Леонтьев 1888).

В восхвалении этого персонажа проявляется второй основной принцип леонтьевского кредо: вера в армию как в опору самодержавного, религиозного и не затронутого западным влиянием государства. Поэтому отъезд Вронского добровольцем на войну в глазах критика является подвигом, достойным похвалы и подражания.

Более тщательное исследование «Анны Карениной» в контексте всего творчества Толстого Леонтьев проводит в статье «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л.Н. Толстого» (1890). В этой работе автор утверждает, что «Анна Каренина» даже превосходит «Войну и мир», поскольку более лаконична, не содержит бесполезных натуралистических подробностей и в ней «все дышит своим временем» (Леонтьев 1911: 125). Леонтьев отмечает перелом, произошедший в обществе после проведения реформ (хотя и с сожалением говорит об ушедших временах, описанных в «Семейной хронике»), и утверждает, что он отразился в том числе и на семейных отношениях. По мысли критика, «Анна Каренина» является как продуктом, так и зеркалом именно этих перемен, именно этого перелома:

[В] 60-х и 70-х годах все сорвалось с пьедестала, оторвалось от вековых стен прикрепления и помчалось куда-то, смешавшись в борьбе и смятении! Сложное и ускоренное движение общественной жизни не могло не отозваться и на жизни личного духа. Мыс-

ли и чувства наши усложнились новыми задачами и оттенками, и обмен их стал много быстрее прежнего. Эту ускоренную, современную сложностью душевной жизни веет одинаково и от «Войны и мира» и от «Карениной». Но в последнем произведении это у места. Не знаю – у места ли в первом (Там же: 140).

Великий современник Толстого Ф.М. Достоевский в своем «Дневнике» несколько раз обращается к «Анне Карениной». Писатель, не оценивший первую часть романа и назвавший произведение довольно скучным⁷⁷, по прочтении шестой и седьмой частей меняет свое отношение к нему и заявляет, что Толстой является наследником лучших русских традиций: от Ломоносова до Пушкина и Гоголя. Более того, «Анна Каренина» имеет столь глубокие русские корни, что может быть истинным примером национальной русской литературы, достойным внимания Европы (Достоевский 1877: 236). На самом деле, за этими словами Достоевского кроется стремление отстоять право русской цивилизации на собственный голос, отличающийся от европейского. В то же время он повторяет свой тезис о том, что зло присуще человеку, а образ Анны только проливает свет на преступность человеческой души: «В “Анне Карениной” проведен взгляд на виновность и преступность человеческую» (Там же). По мнению Достоевского, в романе выражена идея того, что зло неминуемо и неизбежно и ни одна общественная структура никогда не сможет его устранить. Эта идея идет вразрез с позицией западной культуры, согласно которой человек часто действует в среде, где царит ложь, но всякий, кто совершает преступления, неизбежно несет за это наказание (Там же: 237).

Тем не менее последняя часть романа, в которой Толстой выражает свои взгляды по вопросу сербского конфликта, вызывает критические замечания Достоевского. Согласно автору

---

⁷⁷ «Роман Толстого читаю только под колоколом [в то время Достоевский лечил легкие сжатым воздухом в больнице Симонова в Петербурге], ибо иначе нет времени. Роман довольно скучный и уж слишком не бог знает что. Чем они восхищаются, понять не могу» (Достоевский, Достоевская 1979). Об отношении Достоевского к «Анне Карениной» см.: Бем 1929.

«Дневника», Толстой пользуется своим alter ego, чтобы выразить собственное мнение по столь животрепещущему вопросу, как конфликт на Балканах, и его авторитетный голос может отрицательно повлиять на публику (Там же: 227–228. О возражениях Достоевского ср. гл. «Анна Каренина». § Финал).

Друг и внимательный читатель Толстого Страхов, находящийся в постоянной переписке с графом, следит за всеми этапами развития сюжета «Анны Карениной» и, ознакомившись с корректурой полной версии романа в декабре 1877 г., пишет другу, что был крайне взволнован ее чтением и безумно влюбился в роман (Модзалевский 1914: 137–138). Основные идеи Страхова изложены в статье 1883 г., где критик характеризует «Анну Каренину» как «двуликий» роман. Положительный лик произведения воплощает в себе Левин – человек думающий, искренний, чистый и простой, который предается религиозным исканиям, а отрицательный олицетворяет Каренина – женщина, пребывающая в вечном конфликте сама с собой и неспособная обрести избавление от своего внутреннего страдания (Страхов 1883. Позднее статья была включена в другую работу Страхова (Страхов 1901)).

Только в конце 90-х годов писатель и критик К.Ф. Головин, подводя итоги литературной критики на исходе XIX столетия, заявит, что «Война и мир» и «Анна Каренина» – два шедевра мировой литературы, непонятые современниками:

«Война и мир» и «Анна Каренина» стали теперь всемирным достоянием, одинаково родным всем образованным людям. Но при своем появлении они не сразу завоевали себе живую популярность среди русских читателей, и в этом отношении им гораздо более посчастливилось за границей. Особенно заметно это сказалося на «Анне Карениной», к которой наша критика отнеслась на первых порах далеко не симпатично (Головин 1904: 359).

Итак, лишь на пороге нового века русская критика посмотрит на «Анну Каренину» новыми глазами.

Психологический и реалистический подходы

Талант Толстого к созданию психологических портретов признается Страховым уже в одной из его знаменитых статей о «Войне и мире», где критик утверждает, что великое мастерство писателя состоит в том, что ему удастся быть «реалистом-психологом» (Страхов 1869; ср.: Гинзбург 1971). Это мнение, разделяемое всеми современниками, становится лейтмотивом литературы о Толстом.

Именно в этой перспективе критик Чуйко, близкий к организации «Земля и воля», дистанцируется от консервативных и либерально-народнических кругов, осудивших произведение, и предлагает преимущественно психологическое толкование романа: «Итак, в “Анне Карениной” все сводится на психический анализ. Этот анализ приводит к изображению характеров, – и тут-то, главным образом, Л.Н. Толстой является особенно великим художником» (Чуйко 1878: 46). Ссылаясь на психологию философов-позитивистов, в частности Герберта Спенсера и Ипполита Тэна, и на «Философию бессознательного» Эдуарда фон Гартмана, в которой предвосхищаются некоторые идеи Фрейда, Чуйко утверждает, что Толстой – великий психолог, ибо предпосылкой его творчества является мысль, что порывы человеческой души по большей части бессознательны⁷⁸. В своей следующей работе, посвященной произведению Толстого, Чуйко, полемизируя, в частности, с вышеуказанными статьями Ткачева и Скабичевского (Никитин 1875; Скабичевский 1875), утверждает, что мир русского дворянства, где происходит действие романа, описан автором с иронией и с позиции стороннего наблюдателя, и повторяет: «В романе, значит, все дело сводится на психический анализ» (Х.У.З. 1875в: 105). Кроме того, Чуйко, как внимательный исследователь западной литературы, рассматривает Толстого в общем контексте европейского романа XIX в. и выделяет в «Анне Карениной» тот элемент новизны, который ускользнул от современников писателя. Психологический анализ, утверждает критик, настолько сбли-

---

⁷⁸ «И тут обнаруживается одна из особенностей взгляда графа Л.Н. Толстого как психолога: он полагает, что душевные процессы, по большей части, бессознательны» (Х.У.З. 1875в: 108).

жает русского автора со Стендалем, что «по временам, читая Бейля [Стендаля], кажется, читаешь графа Л. Толстого, и наоборот, некоторые страницы “Анны Карениной” до иллюзии напоминают “Rouge et noir”, или “Chartreuse de Parme»» (Х.У.З. 1875а: 19).

Критик, печатающийся в «Свете» за подписью Вано и находящийся, как и Чуйко, под влиянием Спенсера, утверждает, что Толстой – очень тонкий психолог, что проявляется как в фигуре Каренина, в которой наглядно изображен «l’homme machine à projets» (Вано 1879. № 10: 225)⁷⁹, так и в образе Анны. Описанная с превосходным психологическим мастерством, она точно сошла со страниц трактата по психологии: «Читая эти строки, невольно удивляешься, что их писал не специалист психиатр-психолог» (Вано 1879. № 12: 485).

Таким образом, многие представители направления «психологической критики» обращаются к роману Толстого и характеризуют автора как талантливого живописца потоков бессознательного в человеческой душе (М.В. 1875; Литературная хроника (Дон. 1875. № 18 // Зелинский 1912: 20–27); Авсенко 1876: 211).

Психологическая полнокровность героев воспринимается современниками как выражение толстовского реализма: «лишние» детали понимаются как средства описания чувства, усиливающие и символически выражающие его. Таким образом, психологический и реалистический подходы объединяются вместе и становятся общим лейтмотивом в критике «Анны Карениной»: игнорируя политико-философские течения, критики данного направления провозглашают превосходство Толстого как психолога и реалиста по сравнению с другими писателями. Так, по мнению

---

⁷⁹Сын Толстого Сергей Львович в своих мемуарах так комментирует происхождение фамилии Каренин: «Лев Николаевич начал с декабря 1870 г. учиться греческому языку и скоро настолько освоился с ним, что мог восхищаться Гомером в подлиннике. В 1876 или 1877 г. я под его руководством с большим интересом прочел два отрывка из “Одиссеи”. Однажды он сказал мне: “Каренон – у Гомера – голова. Из этого слова у меня вышла фамилия Каренин”. Не потому ли он дал такую фамилию мужу Анны, что Каренин – головной человек, что в нем рассудок преобладает над сердцем, т. е. чувством?» (Толстой С. 1939: 569; ср.: Кларр 2003).

Суворина, «Анна Каренина» – это «одно из самых реальных произведений реальной русской литературы»⁸⁰.

М.С. Громека характеризует произведение Толстого как лишенное всякой идеализации и утверждает, что в описании его героев дается достоверное изображение жизни того времени (Громека 1914: 30)⁸¹. Подобного мнения придерживается и Леонтьев, говорящий о том, что Толстой до конца развил линию русского реализма, достигнув небывалых высот, так что получил европейское признание (Леонтьев 1911: 15). В частности, ссылаясь на «Войну и мир» и «Анну Каренину», Леонтьев интерпретирует реализм автора как правдивое изображение русского высшего света, утверждая, что «только у Толстого действительность русская во всей полноте своей возвращает свои права, утраченные со времен серых “Мертвых душ” и серого “Ревизора”. Только... реализм Толстого есть реализм широкий и правдивый» (Леонтьев 1888).

Достоевский также считает, что искусство Толстого поистине велико и выражается «с небывалым доселе у нас реализмом художественного изображения» (Достоевский 1877: 237).

Наконец, анонимный рецензент публикует в «Новостях» статью, где пронизательно усматривает в технике «лишней» детали новый повествовательный дискурс, направленный на создание «эффекта реальности» (Barthes 1982: 89)⁸²:

Когда граф Толстой описывает обед в трактирах, вы точно присутствуете за этим обедом и слышите живого татарина⁸³, называющего блюдо по-французски; когда граф Толстой описывает

---

⁸⁰ Цит.: Гусев 1963: 400. В советский период реалистическое направление обогащается большим количеством свидетельств и биографий (ср.: Толстой С. 1939, а также приведенную там библиографическую справку).

⁸¹ Эта статья вызывает разгромный отклик В.П. Мещерского, который оспаривает каждое утверждение Громеки, не вникая, однако, в суть произведения Толстого (см.: Кемский 1885).

⁸² Исследовательница Эми Манделькер, напротив, утверждает, что «лишняя» деталь создает игру заблуждений, за которой прячется символизм Толстого (ср.: Mandelker 1993: 58–100).

⁸³ Официанты в трактирах того времени часто были татарами.

бал, вы чувствуете себя на бале: так все исполнено жизненной правды до самых, по-видимому, пустых мелочей (Новости. 1875. № 65 // Зелинский 1912: 20).

В области психологической и реалистической критики конца века расхождения между различными философско-общественными группировками нивелируются. Несмотря на критику, звучащую с разных сторон в адрес романа, все единодушно признают превосходство и мастерство Толстого как реалиста и психолога: именно эта традиция впоследствии ляжет в основу восприятия Толстого как реалиста в советском литературоведении⁸⁴.

Суд над Анной

Еще один вопрос, по которому совпадают мнения критиков различных направлений, – это нравственный аспект романа. Несмотря на то что тема адюльтера не является центральной в дискуссиях вокруг произведения, во всех рецензиях так или иначе присутствует оценка поступка героини, изменившей мужу. Единогласно признанная воплощением страсти и чувства, лишенным здравого смысла, Анна своими действиями вызывает неодобрение, которое сглаживается лишь за счет мастерства автора, придающего возвышенность ее образу. Порицание неверной жены отходит на второй план только потому, что теряет силу перед художественными достоинствами произведения, перед мощью автора, изображающего «свою Анну»⁸⁵ в тонах, пробуждающих симпатию в читателях. Тем не менее нравственная и морализаторская критика будет подспудно звучать вплоть до появления «Крейцеровой сонаты», когда против Толстого поднимется волна открытого возмущения (особенно со стороны православной церкви).

---

⁸⁴ Эта традиция заложена двумя фундаментальными исследованиями: Ленин 1968; Лукач 1939.

⁸⁵ «Моя Анна надоела мне, как горькая редька. Я с ней вожусь, как с воспитанницей, которая оказалась дурного характера; но не говорите мне про нее дурного или, если хотите, то с *ménagement*, она все-таки усыновлена» (Толстой 1953д: 257).

Борьба разума с чувствами захватывает не только Анну, но и всю цепочку лиц, имеющих отношение к тексту: автор–повествователь–персонаж и адресат (Женетт. 1998 II). Сам Толстой занимает двойственную позицию, которая меняется по мере редактирования романа: со временем начинает казаться, что автор слишком увлекается своей героиней, хоть и по-прежнему считает ее виновной и намеревается осудить, как явствует и из эпитафия к роману: «Мне отмщение, Аз воздам» (Рим. 12: 19)⁸⁶. Сын Толстого Сергей Львович также считает, что по мере развития романа менялся в положительную сторону и образ Анны, со временем начиная морально превосходить образы Вронского и Каренина (Толстой С. 1939: 568)⁸⁷. Толстой постепенно проникается симпатией к своей героине и устраняет дистанцию, которую установил между ней и собой в первых редакциях романа (Эйхенбаум 2009б: 662–671). По мнению Шкловского, «Толстой как бы полувлюбляется в свою героиню» (Шкловский 1974: 417).

Впрочем, это мнимое противоречие кажется нам очевидным признаком той внутренней борьбы, которая сопровождала Толстого на протяжении всей его жизни; в течение всего существования писатель пытался подавить в себе явную склонность к сладострастным переживаниям, несовместимую с его поисками нравственного и духовного совершенства⁸⁸. Повесть «Отец Сергей»

---

⁸⁶ По свидетельству М.М. Сухотина, Толстой объяснял смысл эпитафия следующим образом: «[Я] выбрал этот эпитаф просто, как я уже объяснил, чтобы выразить ту мысль, что то дурное, что совершает человек, имеет своим последствием все то горькое, что идет не от людей, а от бога и что испытала на себе и Анна Каренина. Да, я помню, что именно это я хотел выразить» (Вересаев 1978: 294). О эпитафии к роману писали все ученые, когда-либо занимавшиеся произведением, и толкования всегда были многочисленны и противоречивы (см.: Шевцова 1997: 39–69).

⁸⁷ По мнению Джорджа Стайнера, «это как если бы Толстой влюбился в собственную героиню, и в благородстве своей страсти подарил бы ей редкую свободу» (Steiner 2005: 273).

⁸⁸ По этому поводу Ранкур-Лаферьер утверждает, что «самоубийство Анны Карениной является <...> литературным воплощением желания Толстого наложить на себя руки или покарать себя за свое сладострастие, как и его ненависти к женщине, изменившей мужу» (Ранкур-Лаферьер 2002: 146).

(опубликованная в 1912 г., но написанная в 1890–1898 гг.) является самым показательным тому примером, однако этот конфликт двух начал проявляется уже в «Анне Карениной», когда естественный инстинкт Толстого толкает его на создание героини, обольщающей читателя, тогда как рациональное начало хотело бы сделать из нее пример падшей женщины, отдаваемой на суд Божий. В этом случае, возможно, мы имеем дело с феноменом, который Юнг определяет как переход от «интровертированного» к «экстравертированному» автору, т. е. от художника, который изначально вступает в творческий процесс с намерением доминировать над ним (примат субъекта и его сознательных намерений и целей над требованиями произведения искусства), к художнику, который как субъект подчиняется требованиям объекта. Во втором случае «мы имеем дело с явлением, порождаемым бессознательной природой; тогда художественное произведение создается помимо участия человеческого сознания, а иногда и наперекор ему, своевольно добиваясь своей формы и своего характера воздействия» (Юнг 2002: 117, 120). Это, по всей видимости, и есть случай «Анны Карениной».

Годы вынашивания и воплощения замысла романа – это период, когда Толстому присуща ярко выраженная склонность к умеренности, самоконтролю, ограничениям, а также крепкая вера в семью и брак, в которых писатель видит сдерживающий фактор против крайностей. На его пути к аскетизму Анна являет собой последнюю вспышку естественной жизни, взрывной и неукротимой чувственности; поэтому она любима ранним Толстым и наказана и убита поздним Толстым. Внутреннюю борьбу писателя при описании героини замечает и критика того времени, усматривающая в произведении Толстого диссонанс между явным стремлением осудить ее и симпатией, откровенно испытываемой автором к персонажу. Громека полагает, что сочувствие читателя явно на стороне Анны (Громека 1914: 32–33), а Соловьев, голос которого сливается с хором яростных выпадов против аморального поведения героини, утверждает:

Ее образ как-то двоятся перед читателем, и являются две Анны Карениных – одна выходит из самого романа, а другая из отношения к ней автора. Поэтому когда он от себя говорит об ней, то

кажется, будто он говорит не о той женщине, которую описывает (Соловьев 1875в: 114).

Скабичевский выделяет противоречие иного типа в отношении писателя к Анне. По его мнению, высокопарный эпиграф, поставленный к роману Толстым-теоретиком, не соответствует банальной любовной интриге, созданной Толстым-художником. Согласно критику, графу не удастся выполнить ту высокую моральную задачу, которую он ставит перед собой, предпосылая в качестве эпиграфа к роману цитату из Священного Писания (Скабичевский 1880: 17).

Даже Громека, один из немногих современников, выражающих восхищение Анной, хоть и характеризует ее как последовательную и цельную натуру, но по завершении ее описания все-таки утверждает: «[О]на погибла жертвой собственной страсти, бессознательно нарушившей непреложные законы человеческого общежития и нравственности» (Громека 1914: 12). По мысли Громеки, история жизни Карениной свидетельствует о том, что подлинно положительный персонаж – это Долли, которая простила и пожертвовала собой ради любви к семье и детям. Именно она – настоящая героиня романа: «Не блистающая Анна, не грациозная Китти, не они – героини романа... а бесцветная на вид и ничем для большинства не очаровательная Долли» (Там же: 73). Как считает Громека, победа чувства над разумом неизбежно приводит к трагическому концу, и тезис свободы чувств опровергается на примере судьбы Анны (Там же: 64).

Головин не судит Анну открыто и, цитируя эпиграф, подтверждает, что «суд принадлежит не нам» (Головин 1904: 374); тем не менее в его словах проскальзывает нотка осуждения. Он считает невозможным уловить сущность Анны: «Что за женщина Анна, из каких отдельных качеств слагается ее натура, – определить нельзя. Она вся – непосредственное очарование, непосредственная страсть, не отдающая никому отчета и непоследовательная в своих проявлениях» (Головин 1904: 374).

Страхов, следивший за рождением и развитием романа с самых первых рукописей, которые Толстой предлагал его вниманию, еще в письме от 23 июля 1874 г. отмечает, что центральная тема романа – это страсть. Он сразу догадывается, что стержень,

вокруг которого будет вращаться все действие книги, – это повествование о супружеской неверности («дьявол»), и в письме к графу от 1 января 1875 г. пишет о Карениной так:

Отдавшись всею душою одному желанию – она отдалась дьяволу, и выхода ей нет. У Вас бесконечно оригинальна сама постановка страсти. Вы ее не идеализируете и не унижаете. Вы *единый справедливый* человек, так что Ваша Анна Каренина возбудит бесконечную жалость к себе, и всякому, однако же, будет ясно, что она виновата (Модзалевский 1914: 57–58)⁸⁹.

Положительно отзывается об Анне А.А. Фет в некоторых своих письмах (ср.: Жданов 1939б. II: 214–215; 219–220; 222–226) и в статье, отправленной им в личной форме Толстому, который полностью узнает себя в словах друга и утверждает: «...очень радостно было читать анализ своих мыслей, при кот[ором] все мои мысли, взгляды, сочувствия, затаенные стремления поняты верно и поставлены все на настоящее место» (Толстой 1953в: 340)⁹⁰. Смысл толкования Фета можно понять по тому, как он предлагает назвать роман: «Каренина или похождения заблудшей овечки, и упрямый помещик Левин, или нравственное торжество искателя истины» (Фет 1877: 237). По мнению поэта, вся художественная система романа выстроена на противопоставлении двух персонажей, двух «художественных близнецов» (Там же: 238); с этой точки зрения Левин представляет собой положительный идеал человека в поисках истины и служит антиподом Анне, женщине, являющейся жертвой своих чувств и общественных условностей (Там же: 236).

А. Станкевич публикует в либеральном журнале «Вестник Европы» статью, где характеризует Анну как легкомысленную,

---

⁸⁹ Об «Анне Карениной» как романе об адюльтере ср.: Rancour-Laferriere 1993; Goshilo 2003; Armstrong 2003; Emery 2011.

⁹⁰ Ср.: Гусев 1963: 407. Статья Фета написана в ответ на замечание Каткова, в котором автор объясняет отказ печатать последнюю часть романа в его журнале (Катков 1877). Статья Фета так никогда и не была опубликована, но в его архиве сохранилась ее рукопись, хотя и в неполном варианте.

инфантильную, эгоистичную женщину – как «прекрасного мотылька», порхающего вокруг пламени чувств и страстей:

[В] Анне более страстности, чем сердечности <...> в любви ее более эгоизма, чем преданности <...> в самой страсти ее более порывов, чем глубины <...> образ ее может быть привлекателен детской прелестью, игривостью и грацией, но <...> в нем нет красоты, достоинства и силы (Станкевич 1878. № 4: 816).

По мнению Станкевича, автор изображает в романе конфликт между семейными обязанностями жены и матери и ее поисками счастья. После этой попытки обрести удовольствие, счастье и любовь, которые она не находит в домашних стенах, Анне не остается ничего иного, как покончить с собой за «посвяительство на святыню семейной жизни» (Там же: 786). Ткачев в связи с этим говорит о «салонной морали», т. е. о потребности Толстого снизить одобрение своей высокопоставленной публики, предлагая ей финал, который удовлетворил бы ее нравственные убеждения:

Анна, дерзко нарушившая все «приличия» света, оскандализовавшая его своим поведением, открыто осквернившая святость и ненарушимость законов освященного семейного союза <...> должна была быть примерно наказана. Салонная мораль на этот счет очень строга (Никитин 1878. № 4: 323).

Таким образом, Анну, в сущности, сурово осуждают как консерваторы, так и радикалы. Ее яркий образ наделен опасным взрывным потенциалом мощной сексуальной энергии. Именно примесь эроса, отличающая ее любовь-страсть к Вронскому от спокойной привязанности, которую до встречи с ним она испытывала к Каренину, воспринимается как опасность и радикалами, и консерваторами. Если последние руководствуются в своих суждениях церковными догмами церкви и православной аскетической моделью, то революционные демократы отвергают эрос по двум различным соображениям: во-первых, потому, что класс разночинцев большей частью вышел из среды духовенства и состоял из бывших семинаристов, как, например, Добролюбов и Чернышевский; во-вторых, потому, что прогрессисты не считают

сексуальность ценным аспектом человеческой личности, ибо, по их мнению, человек должен посвящать все свои силы общественной борьбе, жертвуя ради нее индивидуальным удовольствием (Кон 2010: 94–99).

Таким образом, для консерваторов Анна – только неверная жена, нарушившая священство брака, а для радикалов – воплощение женского легкомыслия и ветрености.

Критика и институт брака

Тот факт, что современники осуждают Анну с точки зрения нравственности, объясняется также доминированием в тогдaшнем обществе модели брака по расчету, предполагающей измену только в том случае, если она совершается втайне. Неписанный кодекс этих норм настолько укоренен в подсознании читателей того времени, что все единодушно порицают Анну, и мало кому удается проникнуть в самую суть романа, неразрывно связанную с кризисом традиционного института брака.

Так, Вс.С. Соловьев, анализируя сцену признания героиней собственной вины, называет этот эпизод нарушением правдоподобия: по его мнению, маловероятно, чтобы такое могло произойти в реальной жизни. Что касается готовности Каренина закрывать глаза на измену до тех пор, пока она не станет достоянием гласности («Я игнорирую это. <...> Я игнорирую это до тех пор, пока свет не знает этого, пока мое имя не опозорено» (АК XVIII: 337)), то критик утверждает, что это ошибка автора, так как подобное поведение со стороны Анны не только немыслимо и недопустимо, но попросту невозможно. Признание героиней собственной вины становится нарушением жизненной правды. В реальной жизни можно изменять, но об измене не сообщают супругу (который обычно притворяется, что не знает о ней) и ею не щеголяют перед обществом (которое обычно обсуждает ее в гостиных, но делает это втихую). Отсюда вытекает заключение Соловьева:

Эта маленькая сцена прелестно рассказана; но, спрашивается, возможен ли подобный разговор в действительности? Могла ли *настоящая* Анна Каренина придать словам *настоящего*

Алексея такую *интерпретацию*? Нам это кажется совершенно невозможным. Анна могла ненавидеть мужа, чувствовать к нему отвращение, презирать его; но она должна знать, что он, как порядочно воспитанный человек, да и, наконец, просто *как человек* в подобных обстоятельствах, *не может требовать противного всем нравственным понятиям человеческим* (курсив мой. – М. З.). Никакой женщине, будь она Анна Каренина или кто угодно, в таком случае не придет даже в голову и мысль об этом (Соловьев 1876: 217–218)⁹¹.

Согласно же Фету, супружеская измена, семейный вопрос и роль женщины являются центральными темами в романе и решаются Толстым в евангельском ключе, как предсказано в эпиграфе: «Толстому предстояло разрешить вопрос о состоятельности известных теорий женской эмансипации. Во главе романа поставлено – “Аз воздам”» (Фет 1877: 234). Писатель намеренно выбирает Анну, женщину из русского высшего света, и ставит перед ней все те препятствия, с которыми может столкнуться человек, занимающий подобное общественное положение и решающий бросить вызов своим современникам, вплоть до того, чтобы родить ребенка вне брака. По мнению поэта, Толстой абсолютно осознанно выбирает для романа тему супружеской неверности, а трагедия вызвана невозможностью для Анны вести жизнь, находящуюся в таком противоречии с нравами эпохи:

Читатель, еще далеко до рокового колеса локобиля, чувствует, что Анна произнесла в душе свой смертный приговор. Ни вернуться к прежней жизни, ни продолжать так жить – нельзя. Граф Толстой указывает на «Аз воздам» не как на розгу брюзгливого наставника, а как на карательную силу вещей, вследствие которой человек, непосредственно производящий взрыв дома, прежде всех пострадает сам (Там же).

---

⁹¹ Данная оценка совпадает с его предыдущим утверждением относительно аморального поведения героини (ср.: Соловьев 1875б; Соловьев 1875в).

Критик, подписывающийся инициалами «Б. А.», подмечает в произведении отражение изменений в общественных взглядах по семейному вопросу:

Читатели увидят, как тонко подметил автор те признаки переходного состояния наших общественных воззрений на семью, которые кладут печать нерешительности и колебания на семейные распорядки большинства нашего цивилизованного общества (Б.А. 1875: 33).

Но только Ваню обнаруживает в произведении Толстого симптомы перелома в обществе, непосредственно затрагивающего институт брака:

[И]з поколения в поколение, из столетия в столетие и законодательство и религия твердят этим людям, что брак – неодолимое, святое учреждение, и мысль эта окрепла, развилась <...> и всякое грубое, осознательное нарушение брака рефлекторно вызывает реакцию. Сознательная же мысль недостаточно сильна для того, чтобы уяснить, что святость брака несовместима с галантными похождениями, и что дело вовсе не в соблюдении внешней формы (Ваню 1879. № 10: 219).

Критик приходит к заключению, что в «Анне Карениной» дается реалистичный портрет тогдашней эпохи, выписанный с огромным мастерством и непревзойденным талантом. В своих четырех статьях, опубликованных в «Свете», автор подробно анализирует все образы главных героев произведения Толстого, опираясь на работы основателей реальной критики (в частности, Белинского и Писарева) и на философию Спенсера, и утверждает, что персонажи романа принадлежат прошлому и типически представляют русское высшее общество. К сожалению, они «полулюди», лишённые какой-либо критической способности, и именно поэтому на протяжении веков твердо верят в святость института брака при всех его противоречиях. Эти персонажи действуют чисто рефлекторно, так как бессознательно усвоили законы своего общества, и Вронский – живой тому пример: «Во всем – рефлекс, бессознательный рефлекс, вызываемый часто

совершенно случайно, извне» (Там же: 220). На фоне этих марионеток ярко выделяется образ Анны: способная осознанно относиться к действительности и обладающая огромной жизненной силой, она тем не менее задыхается под гнетом полученного воспитания и окружения, а потому обречена на гибель. Главный обвиняемый здесь – российская система воспитания, зараза которого с семьи распространяется на образовательные учреждения, формируя ментальность современников. Критик с сожалением констатирует, что даже недавняя дискуссия по женскому вопросу не принесла ощутимых перемен (Вано 1879. № 12: 486–487). Вано полагает, что лишь воспитание, направленное на развитие свободного мышления, сможет освободить женщину от семейного ига и от порабощения обязанностями жены и матери (Там же: 488).

А. Станкевич отмечает высокую ценность «Анны Карениной» как социального романа. Заслуга автора, по его мнению, состоит в том, что он привлек внимание и мысль читателей к явлениям, весьма распространенным в обществе того времени, и в некоторой степени объяснил их значение (Станкевич 1878. № 4: 819–820).

Авсеенко находит в романе еще одну тему, актуальную для России конца XIX в., а именно тему развода и невозможности расторгнуть брачный договор старого типа, чтобы заключить новый (Авсеенко 1875а: 165). Хотя критик и не улавливает новизны произведения и, будучи заложником романтической концепции литературы, оценивает его как порождение искусства, связанного с прошлым, которое любило изображать сентиментальных героинь, не наделенных никакими качествами, кроме женственности (Там же: 180), тем не менее его замечания по поводу развода затрагивают болезненную для русского общества тему.

Анонимный критик из «Сына Отечества» полемизирует с утверждениями Авсеенко, отрицая, что центральной темой романа является институт брака, и полагая, напротив, что истинная тема произведения – это чисто плотская любовь, страсть в отрыве от каких-либо рациональных и законных соображений (Сын Отечества. 1875. № 145 // Зелинский 1912: 186).

Во мнении с Авсеенко расходится и Александр Чебышев-Дмитриев, юрист умеренно либерального толка, обвиняющий в пустоте изображенный Толстым российский высший свет,

типичными представителями которого являются Облонский и Вронский. Если Авсеенко высоко оценивает традиции, культивируемые семьей Щербацких и Левиным, то Чебышев-Дмитриев изобличает распущенность Степана Аркадьевича и поверхностность любовных увлечений Вронского, иронизируя по поводу «культурной среды», в которой «красота и свежесть производят впечатление», приводящее даже к адюльтеру (Экс 1875: 50).

На страницах «Гражданина», бывшего рупором идей «охранительства», мы находим еще одно упоминание о семейном вопросе: по словам рецензента можно судить, насколько правила брака по расчету укоренились в ментальности эпохи, особенно в среде консерваторов. Просьбу Каренина сохранить видимость спокойной супружеской жизни в глазах общества, чтобы не вызвать возмущения, рецензент считает «разумной и скромной» (Гражданин. 1876. № 11 // Зелинский 1912: 204). И даже прощение Карениным Анны после ее болезни, которое может показаться читателю странным поступком со стороны героя, обычно изображаемого рациональным и бесчувственным⁹², стимулирует интерес критика, ожидающего «положительной» развязки произведения (Гражданин. 1876. № 11 // Зелинский 1912: 204).

Только радикальному критику Чуйко удастся разглядеть в романе тему института брака. Он посвящает целую страницу обсуждению этого вопроса, цитируя все соображения княгини Щербацкой по поводу изменений в нравах, произошедших под влиянием европейской культуры. Но и он под влиянием ментальности своего времени восхищается тактом, с которым Анна улаживает размолвку между супругами Облонскими, способствуя укреплению договорного союза, который они олицетворяют: «Анна Каренина, благодаря своему уму и такту, примиряет жену с мужем» (Х.У.З. 1875а: 16).

Громека, близкий идеям Толстого и находящийся под влиянием его педагогической мысли, в 1883 г. публикует очерк «Последние произведения гр. Л.Н. Толстого», который встречает

---

⁹²Лидия Гинзбург утверждает, что «У Толстого человеческие страдания и человеческие порывы Каренина художественно действенны именно как нарушение, усложнение заложенной в этот образ схемы чиновника» (Гинзбург 1971: 18–19).

большой успех в читательской аудитории и на фоне прочих работ отличается своим положительным отношением к произведениям Толстого как раз в то время, когда аргументация противников романа становится особо изощренной (Русская мысль. 1883. № 2–4)⁹³. Громека утверждает, что социальная суть произведения ускользнула от внимания современников, воспринимающих литературу только в народническом и славянофильском ключе и не понимающих того, что «*«Анна Каренина»* – роман общественный, в наиболее глубоком значении этого слова» (Громека 1914: 100). Это в равной степени и семейный, и философский роман, где рассматривается тема брака и семьи:

Роман, главное содержание которого есть дилемма семейного счастья и история душевной эмансипации рефлектирующего русского человека XIX столетия, есть роман семейный и философский прежде всего. Но он, в то же время, и общественный, так как в нем выводится человек, воплощающий в себе момент истории общественного духа. Глубокое проникновение в сущность таких основных в общественной жизни вопросов, как брак и семья, рисует таинственные рассудку формы человеческого общежития (Там же).

Громека утверждает, что не только фигура Анны является символом драматической коллизии между чувством и разумом, но и образ Левина (которого он считает в высшей степени положительным персонажем) с его философскими и религиозными исканиями, сопровождаемыми внутренней борьбой, является отражением своего времени, поворотного и переходного периода, и благодаря этим персонажам роман становится социальным портретом эпохи.

В то время как критики пренебрегают социальной стороной романа, князь В.М. Голицын, не профессиональный критик, но

---

⁹³Статья публикуется отдельно еще дважды, а в 1893 г. выходит под названием «О Л.Н. Толстом (Критический этюд по поводу романа *«Анна Каренина»*)» и переиздается шесть раз до 1914 г. Громека отправляет свою статью Толстому, и писатель отвечает критику, что чувствует себя ободренным, найдя того, кто другими словами излагал его мысли публике (ср.: Толстой 1934: 129–130).

весьма внимательный читатель, имеющий собственные взгляды по вопросам эстетики, морали и нравов русского общества, сразу же подмечает общественную значимость произведения. В апреле 1875 г. он утверждает, что «Анна Каренина» продолжает занимать умы современников, оставляя место самым разным толкованиям; кроме того, полагает Голицын, «этот роман – по моему мнению – сыграет очень важную роль: покажет читателю в элегантной и очаровательной форме, к чему может привести существующая тайная развращенность, бытующая в среде самых высших слоев общества (особенно петербургского)» (Todd 1995–1996: 126)⁹⁴. Таково впечатление читателя-любителя, которого роман затронул за живое и побудил к размышлениям о социальном зле; князь указывает на обвинительную и назидательную функции произведения и выражает надежду, что оно сможет послужить улучшению общества, так как заставит многих людей задуматься над своим поведением. Правда, впоследствии его позиция изменится: энтузиазм, вызванный прочтением первых частей, угаснет, и он станет говорить о «закате таланта» автора, о пустоте персонажей и полном отсутствии нравственного смысла, о недостатке уважения к религии, а в довершение заявит, что только предпоследняя часть (смерть Анны) смогла компенсировать его предыдущее разочарование (Ibid.: 127–128).

Но, какова бы ни была реакция критики, нельзя отрицать того факта, что роман Толстого подлил масла в огонь уже ведущейся в печати дискуссии о правах женщин, о невозможности раздельного проживания и получения развода и посеял в читателях зерно сомнения, вынудив их задуматься о нравственности Анны.

Финал

История отражается и в финале романа, где затрагивается славянофильский вопрос, стоявший особенно остро в период написания «Анны Карениной».

---

⁹⁴ Уильям Тодд опубликовал фрагменты дневника князя Голицына, хранившиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Поводом для этого послужила война, начавшаяся между сербами и турками в 1876 г. как попытка решить славянский вопрос, освободив славянские народы от турецкого ига на Балканах. Русское общество и печать, особенно славянофильские круги, выражают сочувствие братьям-славянам, вследствие чего формируется добровольческое движение с целью оказания материальной помощи и активного участия в военных действиях. Идеи этого движения Толстой, однако, не разделяет, как явствует из слов Левина, его alter ego. Левин утверждает, что «война <...> есть такое животное, жестокое, ужасное дело, что ни один человек, не говоря уже христианин, не может лично взять на свою ответственность начало войны, а может только правительство, которое призвано к этому и приводится к войне неизбежно» (АК XIX: 387). По этому вопросу Толстой высказывается и от своего лица в письме Страхову, где утверждает, что эта война его очень беспокоит и что «вся ерунда сербского движения», кажется, сейчас подтвердилась (Толстой 1953г: 290). Сын писателя также свидетельствует, что Толстой был против участия русских в этой войне, и утверждает, что он скептически относился к добровольческому движению в поддержку сербов, так как они были зажиточнее русских крестьян, и граф не считал справедливым оказывать помощь первым, разоряя последних (Толстой С. 1939: 588).

Размышления Толстого по поводу войны в Сербии обостряют его конфликт с редактором «Русского вестника» Катковым, сторонником движения, защищающего идеалы славянского братства. Этот конфликт имел глубокие корни, поскольку «Русский вестник» ранее опубликовал негативные критические отзывы о «Войне и мире», и Толстой долгое время не мог решить, издавать ли «Анну Каренину» в журнале Каткова или в «Отечественных записках». Новая же размолвка приводит к отказу Каткова публиковать последнюю часть романа в случае, если автор не привнесет существенных изменений в текст. Толстой не соглашается на это, и в «Русском вестнике» за май 1877 г. выходит следующий анонс:

От редакции. В предыдущей книжке под романом «Анна Каренина» выставлено: «окончание следует». Но со смертью героини, собственно, роман кончился. По плану автора следовал бы еще небольшой эпилог, листа в два, из коего читатели могли

бы узнать, что Вронский, в смущении и горе после смерти Анны, отправляется добровольцем в Сербию, и что все прочие живы и здоровы, а Левин остается в своей деревне и сердится на славянские комитеты и на добровольцев. Автор, быть может, разовьет эти главы к особому изданию своего романа (Редакция 1877).

По свидетельству жены писателя, Толстой, прочитав эту заметку в «Русском вестнике», посылает в редакцию телеграмму, в которой просит возвратить ему оригинал эпилога романа, и заявляет, что отныне он ни в какой форме не желает сотрудничать с журналом. Одновременно он пишет в редакцию «Нового времени» письмо, где уточняет, что последняя часть романа уже готова и он намеревался напечатать ее в майском номере, а причиной того, что публикация не состоялась, был его отказ удовлетворить требование редакции, исключив некоторые места (Толстой 1953б: 330)⁹⁵. Вслед за окончательным разрывом отношений с писателем Катков публикует в своем журнале анонимную статью (Бабаев 1978–1985: 447), где предъявляет претензии ко всему роману, который тем не менее считает завершенным смертью Анны (Катков 1877). Претензия редактора состоит в «искусственности» финала и в его «оторванности» от действия романа:

Роман остался без конца и при «восьмой и последней» части. Идея целого не выработалась. Для чего, всякий может спросить, так широко, так ярко, с такими подробностями, выведена пред читателями судьба злополучной женщины, именем которой роман назван? <...> Но если произведение не доработалось, если естественного разрешения не явилось, то лучше кажется было прервать роман на смерти героини, чем заключить его толками о добровольцах, которые ничем не повинны в событиях романа (Там же: 462).

Следующий шаг Толстого состоит в том, чтобы отдать в печать восьмую часть, которая выходит отдельным томом летом 1877 г.⁹⁶ Естественно, журнал «Отечественные записки» не упу-

---

⁹⁵ Письмо так и не было опубликовано.

⁹⁶ В следующем году почти одновременно выходят два издания романа в трех томах, единственные, которые были опубликованы при

скает случая указать на конфликт, возникший в «Русском вестнике», и публикует в восьмом номере за тот же год рецензию, где, оценив роман как довольно слабый и слишком растянутый, заключает, что публикация не состоялась из-за нескольких пренебрежительных суждений автора о русских добровольцах, едущих в Сербию, и из-за его сомнений в том, что весь русский народ сочувствует событиям войны между сербами и турками (Отечественные записки. 1877: 268–269).

Вполне естественно, что ключевая тема этой полемики будоражит общественное мнение и ту или иную позицию по данной проблеме занимает каждый читатель романа, в том числе и Достоевский, который в своем «Дневнике», верный идее возвращения к русскому народу и к земле⁹⁷, сурово критикует идеи Толстого по сербскому вопросу:

Сущность этого взгляда [Толстого], насколько я его понял, заключается, главное, в том, что, во-1-х, всё это так называемое национальное движение нашим народом отнюдь не разделяется, и народ вовсе даже не понимает его, во-2-х, что всё это нарочно подделано, сперва известными лицами, а потом поддержано журналистами из выгод, чтоб заставить более читать их издания, в-3-х, что все добровольцы были или потерянные и пьяные люди, или просто глупцы, в-4-х, что весь этот так называемый подъем русского национального духа за славян был не только подделан известными лицами и поддержан продажными журналистами, но и подделан вопреки, так сказать, самых основ... И наконец, в-5-х, что все варварства и неслыханные истязания, совершенные над славянами, не могут возбуждать в нас, русских, непосредственного чувства жалости и что «такого непосредственного чувства к угнетению славян нет и не может быть» (Достоевский 1877: 228).

жизни автора (ср.: Гудзий 1934; Гудзий 1939: 635–643; Жданов, Зайденшнур 1970: 832). Подробные сведения о полемике Толстого с редакцией «Русского вестника» можно найти в переписке писателя с журналом (Толстой 1953б).

⁹⁷ Достоевский выражает свою мысль в статье «Признания славянофила» (Достоевский 1877: 229–233). Ср.: Walicki 1973: 524–551.

Но и радикальная печать отнюдь не удовлетворена позицией графа, которую Скабичевский считает антиславянофильской, лишенной любви к народу и подлинного понимания своего народа. Толстой якобы сильно задевает славянофильство, осуждая общественное движение, возникшее в поддержку славян в 1876 г. Кроме того, писатель, по мнению критика, решительно отрицает народный характер этого движения. Вывод Скабичевского звучит так:

[О]н не замедлил поразить и самое славянофильство, отнюдь отрицательно к самому дорогому и излюбленному моменту его проявления – тому общественному движению в пользу славян, каким ознаменовался 1876 год. <...> Что же касается до народа, то г. Толстой отрицает всякую народность этого движения. <...> Это и есть то, что я не могу никак иначе назвать, как московско-культурным абсентеизмом. Это своего рода феодализм (Скабичевский 1880: 6).

Таким образом, финал, как и весь роман, также обманывает ожидания публики, не удовлетворяя ни один из ведущих кругов русской интеллигенции.

Чужой роман

«Анна Каренина» так и осталась непонятой современниками, главным образом, потому, что творческий процесс, направленный на становление главного героя, был чужд русской литературной культуре того времени. Как утверждает тот же Громека, «дело в том, что основные точки зрения, дух, направление художника оказались слишком далеко отошедшими от воззрений и умственного склада большинства его читателей» (Громека 1914: 7). Его слова подтверждаются высказываниями некоторых его современников; из-за своей новизны и непохожести на прочие произведения той эпохи роман воспринимается как чужой даже Сергеем Рачинским, старым знакомым Толстого, который сблизился с писателем на почве идей о сельской школе. В январе 1878 г. друг доверительно сообщает Толстому:

Два слова об Анне Карениной. Это, бесспорно, – лучшее Ваше произведение. Последняя часть произвела впечатление

охлаждающее, не потому чтобы она была слабее других (напротив, она исполнена глубины и тонкости), но по коренному недостатку в построении всего романа. В нем нет архитектуры. В нем развиваются рядом, и развиваются великолепно, две темы, ничем не связанные. Как обрадовался я знакомству Левина с Анной Карениной. Согласитесь, что это один из лучших эпизодов романа. Тут представлялся случай связать все нити рассказа и обеспечить за ним целостный финал (Рачинский 1953).

Толстой старается объяснить, что речь идет вовсе не об ошибке, а об осознанном намерении создать новую сюжетную структуру для романа. Он заявляет, что гордится, напротив, архитектурой – своды сведены так, что нельзя и заметить, где замок. И об этом он больше всего старался. «Связь постройки сделана не на фабуле и не на отношениях (знакомстве) лиц, а на внутренней связи» (Толстой 1953ж: 377). В итоге спор заканчивается тем, что Толстой признает справедливость суждений Рачинского, но кажется, что это признание продиктовано скорее желанием автора положить конец дискуссии, нежели его подлинным убеждением в правоте друга (Толстой 1953з: 517).

Деятель прогрессивных взглядов А. Станкевич также критикует нетрадиционную и потому непонятную для него сюжетную структуру романа и даже сравнивает ее с сюжетами литературной традиции, восходящей к XVII столетию. Переплетение двух историй, героиней одной из которых является Анна, а героем другой – Левин, напоминает сложные и пространные романы XVII в., знаменитые «romans de longue haleine» – жанр уже устаревший и неподходящий для современной аудитории (Станкевич 1878. № 4: 785).

Однако Толстой как внимательный читатель и глубокий знаток зарубежной прозы пишет роман, который более или менее явно взаимодействует с европейской литературой и полностью вписывается в ее контекст; из французских писателей Толстой испытывает на себе влияние Руссо, Флобера и Золя, а из английских – Чарльза Диккенса, Энтони Троллопа и Джорджа Элиота⁹⁸.

---

⁹⁸Французская критика сравнивает Толстого с французскими писателями-реалистами и называет «Анну Каренину» романом в европейском вкусе. Кроме того, Булгаков в своем обзоре европейской печати

По мнению Эйхенбаума, «роман поначалу кажется сделанным по европейскому образцу, чем-то вроде сочетания традиций английского семейного романа и французского “адюльтерного”» (Эйхенбаум 2009б: 641). Жанр адюльтерного романа достигает своего расцвета в XIX в., когда иллюзия объединения разума и чувства терпит поражение перед биномом любви и страсти. В художественной прозе того времени появляется целая вереница любовников («Избирательное сродство» (1809); «Госпожа Бовари» (1857); «Алая буква» (1850)), которые отказываются от своей добродетели и семьи, провозглашая преимущество страстной любви перед бедностью чувств, отличающей браки по расчету.

В начале века русский юрист Абрашкевич не без некоторого сожаления говорит о том, насколько трудно в современной ему литературе найти произведение, которое бы так или иначе касалось проблемы супружеской неверности. По его словам, наиболее выдающиеся писатели, публицисты, психологи и философы самых разных направлений и взглядов по-всякому изощряют свой ум, занимаясь этой столь животрепещущей, но и большой темой (Абрашкевич 1904: 615).

Итак, идею адюльтерного романа Толстой заимствует из европейской литературы и вписывает ее в контекст русской традиции. Толстой – великий знаток французской литературы, которая занималась этой темой начиная с «Опасных связей» (1782) (Meуer 2008: 152–209), и многочисленные интертексты «Анны Карениной» отсылают читателя и к Руссо⁹⁹, и французской прозе двух предшествующих десятилетий, так что русское произведение воспринимается во Франции в русле местной литературной традиции (Эйхенбаум 2009б: 641).

о Толстом утверждает, что «Анну Каренину» больше оценили в зарубежной прессе, чем в русской (см.: Булгаков 2011: 169–175, 202; Эйхенбаум 2009б: 641–642; Meуer 2008: 152–209).

⁹⁹ Среди источников, повлиявших на Толстого, несомненно, присутствует и незавершенный роман в письмах Ж.-Ж. Руссо «Эмил и Софи, или Одинокие» (написан в 1762 г.) и, естественно, «Госпожа Бовари», которую Толстой цитирует в письме от 19 апреля 1892 г.: «Госпожа Бовари Флобера имеет большие достоинства и недаром славится у французов» (Толстой 1949а: 138; см.: Meуer 1995).

Кроме беллетристики, Толстой следит и за иностранной эссеистикой и именно в годы написания романа читает «L'homme-femme. Réponse à M. Henri d'Ideville» (Мужчина-женщина. Ответ Анри д'Идевилю) (1872) Александра Дюма-сына. Этот очерк, в котором затрагивается проблема адюльтера и предлагается смертная казнь для неверной жены, становится для Толстого источником глубоких размышлений (Там же: 635–640; Шкловский 1974: 389–393)¹⁰⁰.

Еще одним источником вдохновения для писателя служит пушкинский фрагмент в прозе «Гости съезжались на дачу». Сам Толстой признается в письме к Страхову, что приступил к написанию романа, опираясь на этот набросок. Писатель утверждает, что, случайно начав его перечитывать, он «невольнo, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман» (Толстой 1953а: 16)¹⁰¹.

Также Толстой обращается к викторианскому роману, который своими повествованиями о жизни в городах, об индустриализации и о прогрессе снискал благосклонность читательской публики второй половины XIX в., как это подтверждается сценой в поезде, где Анна увлеченно читает один из таких романов:

Ей слишком самой хотелось жить. Читала ли она, как героиня романа ухаживала за больным, ей хотелось ходить неслышными шагами по комнате больного; читала ли она о том, как член парламента говорил речь, ей хотелось говорить эту речь; читала ли она о том, как леди Мери ехала верхом за стаей и дразнила невестку и удивляла всех своею смелостью, ей хотелось это делать самой (АК XVIII: 106–107).

---

¹⁰⁰ Тема адюльтера в «Анне Карениной» достойна отдельного исследования, и здесь мы только слегка касаемся ее.

¹⁰¹ Роман, о котором идет речь, – это первая редакция «Анны Карениной», относящаяся к марту 1873 г. Как известно, Толстой обращается также к факту хроники: самоубийству из-за несчастной любви сожительницы соседа писателя в Ясной Поляне Анны Степановны Пироговой, имевшему место 6 января 1871 г. (ср.: Толстой С. 1939: 567–568).

Хотя исследователям до сих пор и не удалось установить название романа, все они сходятся на том, что речь идет о викторианском романе. Э. Круз полагает, что это не какой-то отдельно взятый роман, но, по задумке Толстого, «композиция типично английских сцен и образов, обычно присутствующих в английских романах, которые были в моде в России в шестидесятые годы» (Cruise 2010: 160)¹⁰².

На самом деле Толстой, обогащая свою прозу цитатами и реминисценциями, взятыми из западной литературы, выходит за рамки традиции и создает новое и сложное, хоть и кажущееся простым, произведение. Это хорошо понял Эйхенбаум, утверждающий, что «Анна Каренина» является не столько продуктом европейской традиции, сколько ее завершением и преодолением. И вся история создания «Анны Карениной», по мнению исследователя, – это история напряженной борьбы с традицией любовного романа: борьбы за возможность выйти за ее рамки. Поэтому, как считает Эйхенбаум, «роман скрывает в себе большое внутреннее движение: это не простое единство, а единство диалектическое, явившееся результатом сложных умственных процессов, пережитых самим автором» (Эйхенбаум 2009б: 642).

В то же время «Анна Каренина» вписывается и в русскую культуру, как это доказывают славянофильская тема в произведении и образ Левина с его типично русскими культурно-философскими и религиозными исканиями. Антиподом Левина является Анна, образ которой противоречит всей литературной и критико-философской традиции и не подчиняется правилам своего времени. Нарушая западную традицию, этот персонаж вместе с тем нарушает и кодекс трактовки темы адюльтера в отечественной литературе. Этот кодекс восходит к идеалу абсолютной верности, воплощенному в образе Татьяны Лариной, отвергающей любовь, чтобы не предавать таинство брака; затем традиция развивается в произведениях Лермонтова, где романтические героини превоз-

---

¹⁰² Согласно исследовательнице Эми Манделькер, написав «Анну Каренину», Толстой воспроизвел викторианский роман, низвергая реалистическую эстетику и подчиняя ее эстетике скорее символической, нежели подражательной; скорее изобразительной и мифологической, нежели традиционной (Mandelker 1993: 58–80).

носят любовное чувство, жертвуя ради него жизнью и подвергаясь моральному осуждению; наконец, традиция завершается народническо-нигилистической литературой, типичным примером которой является роман «Что делать?», где предлагается любовный треугольник, долженствующий преодолеть и разрушить старые институты брака и адюльтера. Таким образом, писатель развивает тематическую линию «от верной жены к неверной» в контексте отечественной литературы, следуя пути, проложенному Пушкиным, продолженному Лермонтовым и приводящему именно к «Анне Карениной» (Вольперт 2004). Эта тематическая линия пересекается с европейской традицией адюльтерного романа и завершается отказом от идей радикалов-революционеров. Обращаясь ко многим традициям, Толстой тем не менее вступает на совершенно новый и весьма провокационный путь. На фоне традиционного романа он создает персонаж, не подчиняющийся законам литературной традиции. Анна далека от романтического идеала Татьяны, в рамках которого «высокое, небесное» чувство устремлено к первой любви, духовной и невозможной, тогда как «низкое» чувство предназначено тому, за кого ее выдают замуж и кому она в любом случае остается верна, пожертвовав собственным счастьем. В соответствии с этой схемой природа женщины делится на два начала: тело, которое она дарит мужу, и душа, предназначенная тому, кого она любит и будет любить вечно (Литовская, Созина 2004: 259).

Каренина, напротив, решает бороться за единство тела и души, отходя от традиционной схемы. В то же время Анна очень далека и от народнической модели, которой не может соответствовать в силу своего социального происхождения и полученного воспитания. Ее выбор неизбежно приведет ее к смерти, но из ее праха восстанет новое поколение героинь.

Впрочем, по мнению Н.С. Трубецкого, главным свойством Толстого (которое уже подчеркивал Фет) как раз и является «невольная оппозиция всему общепринятому в области суждений», и это свойство отражается в его произведениях. Согласно этому толкованию, весь первый период толстовского творчества (до 1860 г.) представляет собой разрушение традиционного антиромантического романа, а за этим следует окончательный разрыв с традицией в «Войне и мире» и «Анне Карениной» (Трубецкой

1975). Таким образом, на рубеже веков автор создает новую русскую прозу, предвосхищая появление героинь Чехова – ярких образов свидетельниц социальных перемен конца столетия.

Новизна произведения Толстого и суровые отзывы критики XIX в., находившейся под влиянием идеалов народничества, охранительства и неославянофильства, стали причинами того, что роман был абсолютно не понят современными ему читателями.

Но под кажущейся непроницаемой поверхностью читательского сознания тайно действует бессознательное, которое усваивает «чужое слово», высказанное Карениной, и в то время как героиню открыто осуждают, принесенные ею идеи подспудно западают в душу читателям.

Ее «неприличное» слово оказывает мощное художественное воздействие на читателя и вскоре приносит свои плоды.

«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»

С улыбкой грустного презрения
Мы вступим в долгую борьбу,
И твердо вытершим гоненья,
И отстоим свою судьбу.

Н. Огарёв. К Н.А. Тучковой

«Крейцера соната» и зарождение буржуазного брака

У «Крейцеровой сонаты» долгая и сложная история: в процессе написания и публикации она неоднократно подвергалась значительным переработкам со стороны автора, а также со стороны внешней цензуры – прежде всего церковной. Первый черновой вариант повести восходит к 1887 г. Работа над ней продолжается почти непрерывно до осени 1889 г., когда Толстой завершает ее восьмую редакцию. Автор дает почитать этот текст друзьям в надежде на советы и подсказки, и в результате одна из копий рукописи попадает в Петербург, где 28 октября 1889 г. в одном из местных интеллектуальных кружков устраивается ее чтение, и она немедленно вызывает громкий резонанс. Повесть настолько впечатляет присутствующих, что уже на следующий день они приступают к изготовлению и распространению рукописных, литографических и полиграфических копий. Так произведение начинает быстро расходиться по рукам: без ведома Толстого «Соната» всего за несколько дней становится известна всем интеллектуальным кружкам Петербурга в неокончательной (неофициальной) версии. Эта редакция переходит из рук в руки, вскоре попадает в Москву, в провинцию и даже за рубеж. Текст увлекает, пугает, иногда вызывает досаду, часто – неодобрение. Неслучайно многие друзья Толстого в письмах к нему в период редактирования текста призывают его занять менее суровую позицию в отношении брака и в особенности пересмотреть убеждение в необходимости целомудрия в супружеской жизни, которое может отвлечь от повести многих читателей, но писатель не отступает от своих позиций.

В том же 1889 году, завершив предпоследнюю версию «Крейцеровой сонаты», и еще до того как начинают поступать письма читателей по поводу повести, Толстой берется за «Послесловие». Подобно «Сонате», «Послесловие» также расходуется по интеллектуальным кружкам в неоконченном виде. В четвертой и предпоследней редакции, датированной 6 апреля 1890 г., оно попадает в столицу, где распространяется сначала как отдельный текст, а затем в составе повести. В последней полной и не исправленной цензурой редакции «Послесловие» выходит отдельным томом в 1890 г. в Берлине. Тем временем печать начинает все чаще интересоваться этим литературным событием, и вскоре в ней появляются критические отзывы и даже пародии на «Сонату».

Девятая и последняя редакция повести относится к 1890 г. В декабре этого года В.Г. Чертков¹⁰³ привозит ее в Петербург и там у себя на дому организует чтение, в котором участвует множество представителей интеллигенции. В том же году «Крейцера соната» выходит в Берлине; за первым изданием сразу же следует второе, включающее «Послесловие». В обоих изданиях печатается восьмая редакция повести.

В то же время начинаются сложности с цензурой. В декабре 1889 г. до Толстого доходит слух о том, что некоторые цензоры прочитали бывшую в обращении версию «Сонаты» и полностью исключили возможность ее публикации. Невзирая на многочисленные ходатайства друзей писателя, участь произведения кажется решенной, но когда рукопись попадает в руки царя, он неожиданно одобряет повесть. Поэтому жена Толстого решает обратиться непосредственно к царю, чтобы преодолеть вето цензуры. 13 апреля 1891 г. Софья Андреевна предстает перед государем и добивается разрешения на публикацию. Наконец, в июне 1891 г. (на титульном листе указан 1890 г.) в печати выходит 13-й том «Произведений» Толстого, содержащий «Крейцерову сонату» и «Послесловие» вместе с некоторыми другими произведениями. Том печатается весьма ограниченным тиражом в 3000 экземпляров, которые быстро раскупаются, и вскоре печатается дополнительный тираж в 20 000 экземпляров с некоторыми изменениями,

---

¹⁰³ Эта фигура является весьма таинственной и вызывает много споров (см.: De Giorgi 2012).

внесенными только в остальные тексты (ср.: Гудзий 1936; Møller 1988: 39–91).

«Крейцера соната» представляет собой воспитательную повесть, плод религиозного обращения Толстого¹⁰⁴, но вместе с тем это и социальное произведение, живое свидетельство перемен, происходящих в русском обществе в конце столетия в области любви и брака. Это лаборатория, где испытываются на прочность новые семейные и социальные связи, а также площадка для дискуссий на темы чувств и сексуальных отношений. Если в «Анне Карениной» показан кризис брака по расчету, то «Крейцера соната» является свидетельством зарождения буржуазного брака, в котором «выражение чувств, а не их отрицание, завоевывало сферу супружеских взаимоотношений. Для великих жизненных событий: любви, брака, материнства и отцовства – теперь годился и язык эмоций» (Lombardi 2008: 177)¹⁰⁵.

Исходя из всего вышесказанного, в нашем исследовании мы попытаемся подробно проанализировать высказывания Позднышева и других персонажей на тему супружеских отношений, «выслушать их голоса», чтобы установить, какие именно особенности новой модели брака отражаются в этих высказываниях.

Революция в общественных настроениях, подспудно подготовленная Анной, супружеская измена которой незаметно оказала огромное влияние на ментальность читателей второй половины XIX в., раздражается, подобно грому, с публикацией «Крейцеровой сонаты». «Это было настоящее землетрясение в читающем мире – выход “Крейцеровой сонаты” в конце 1889 года», утверждает критика (13-й том: 125). Доказательством тому служит и активный диалог, завязывающийся между автором и его читателями; Толстой получает от многих из них такое количество писем, что даже отмечает в своем дневнике: «[15 марта 1890] Пропасть писем о “Крейцеровой сонате”. Всё недоумения и вопросы» (Толстой 1952а: 27). В обществе меняются структурные ментальности

---

¹⁰⁴ Об этом пишет сам автор в своем эссе «Что такое искусство» (1897–1898), которое вынашивал еще в годы написания «Крейцеровой сонаты».

¹⁰⁵ О революции чувств в русской супружеской жизни ср.: Вишневский 2010: 139–149.

и формируется новое отношение к ранее скрываемым явлениям. Супружеские измены, разлучения, разводы, внебрачные дети, домашнее насилие, уход из-под супружеского крова становятся теперь дискурсивными практиками, которые ждут легализации.

Позднышев разоблачает невыносимую пустоту института брака, и пусть его высказывания полны противоречий, навязчивых идей¹⁰⁶ и крайностей, тем не менее он описывает все традиционные черты буржуазной семьи:

«Крейцера соната» изображает декадентское буржуазное общество. В социальном окружении Позднышева естественно превалирует *преступная* и дворянская идея плоти как места наслаждения (а не *простая* и *правильная* идея крестьянина, в которой плоть выступает как машина, предназначенная для работы) (Le Blanc 2009: 137–138).

Тотальный бунт главного героя выливается в отказ от полового акта как такового, воспринимаемого как животное поведение, как убийство души телом¹⁰⁷:

---

¹⁰⁶ Таннер утверждает, что эти навязчивые идеи приводят его к мечтам о братских отношениях в супружестве, за которыми кроется тайное стремление к инцесту (Tanner 1979: 75).

¹⁰⁷ Мотив убийства как реализации сексуальных отношений присутствует уже в «Анне Карениной» (ч. II, гл. 11). Психоаналитическую интерпретацию романа ср. в работе: Ранкур-Лаферьер 2004: 622–856. Что касается «Крейцеровой сонаты», Ранкур-Лаферьер считает, что повесть является плодом женоненавистничества Толстого и выражает «негативный полюс» двойственного отношения автора к женщинам. Его идеал воздержания проистекает, по мнению исследователя, из чувства вины, сопровождающего неконтролируемый гнев против матери, которая умерла, покинув его в раннем детстве. Идеал полового воздержания Толстого является, таким образом, следствием инстинкта матереубийцы (Ранкур-Лаферьер 2002).

Интерес психиатров к личности Толстого весьма глубок; он возникает в 70-е годы XIX в. и обостряется после его религиозного обращения и отказа от своего прежнего творчества. Для русского психиатра Н.Е. Осипова Толстой и его литературные произведения становятся

– Естественном? – сказал он. – Естественном? Нет, я скажу вам напротив, что я пришел к убеждению, что это не... естественно. Да, совершенно не... естественно» (КС: 28).

Невозможность решить вопрос связи между любовью, браком и сексуальными отношениями доводит главного героя до сумасшествия и убийства, которое становится для него единственным способом переменить мучительное положение, выйдя за пределы этих институций и заняв позицию, откуда можно посмотреть на них под новым углом зрения.

Этот обвинительный приговор браку в современном обществе вынесен человеком, который избавился от него путем насилия и безумия. Он находится в «послебрачном» пространстве, где его отношения со всеми людьми прерваны и разрушены... (Tanner 1979: 75).

Позднышев понимает брачный договор как тип «рынка», где товары выставляются на обозрение для выбора: «Девы сидят, а мужины, как на базар, ходят и выбирают» (КС: 24). В защиту противоположной точки зрения поднимаются голоса персонажей, сопровождающие его в этом долгом путешествии через безумие; в построении сюжета их полифония выполняет хоровую функцию пролога, прежде чем все огни рампы озарят героя и его монолог. Позднышев утверждает, что брак уже не считается таинством, а превратился в абсурдные отношения, не предполагающие даже «избирательного сродства» между супругами; для Позднышева речь идет о чисто плотском обмене: «Да брак-то в наше время один обман!» (КС: 14). Но именно полифония мнений других персонажей, антагонистов главного героя, доносит до нас голос эпохи, современности. В числе героев, представляющих различные

первостепенным объектом изучения; ученый утверждает, что «жизнь и произведения Льва Николаевича Толстого представляют собою неиссякаемый рог изобилия психологического и патопсихологического материала!» (Осипов 1913: 3; ср.: Осипов 1911; Осипов 2011; Gégy 2012; Сироткина 2002: 101–151; Заламбани, Лелли 2015). Об отношении Толстого к смерти ср.: Givens 2012: 3–6.

общественные классы, присутствуют женщина – носительница идей борьбы за женскую эмансипацию, адвокат, сообщающий остальным точку зрения закона, пожилой купец, воплощающий патриархальные идеалы, купеческий приказчик, нейтральный собеседник и, наконец, рассказчик.

В своем бреду Позднышев сообщает спутникам подробности собственной супружеской жизни, и, помимо личной трагедии, мы обнаруживаем в его речах описание признаков новой, буржуазной модели брака, недавно появившейся в российском обществе. Герой рассказывает об этом браке на всех его стадиях, вплоть до трагического конца: любовное и чувственное сближение, быт, воспитание детей, переживание ревности и страх измены.

В целом «Крейцера соната» вводит в литературный дискурс многие вопросы, стоящие на повестке дня в 90-е годы XIX в.: изменения в супружеских отношениях, воспитание детей, развод, женский вопрос. Все эти темы главенствуют в печати того времени, звучат в специализированных изданиях, журналах и газетах. Актуальность и сила выдвинутых аргументов делают из «Сонаты» одновременно литературное и общественное событие. Пощечина, нанесенная Толстым обществу, его полемика со всеми общепринятыми идеями вынуждают представителей общественного мнения занять ту или иную позицию по отношению к произведению и задаться вопросом о значении авторитетного слова писателя, который, в свою очередь, под давлением своего друга Черткова отвечает на вопросы послесловием, где разъясняет свои тезисы¹⁰⁸. В любом

---

¹⁰⁸ «Послесловие» было обязано своим появлением на свет многократным уговорам Черткова: последний хотел, чтобы оно было написано не столько ради разъяснения повести, сколько ради распространения философии толстовства и идеи целомудрия (Чертков 1889а; Чертков 1889б; Муратов 1934: 115–118; De Giorgi 2012: 28–29). 28 октября 1889 г. Чертков пишет Толстому: «Только люди, стремящиеся к истине, радуются всякому указанию, облегчающему их борьбу со злом в самих себе. И вот для таких-то читателей ваших очень важно, чтобы вы написали хотя бы коротенькое, но ясное послесловие, примиряющее и сводящее к единству все выраженные в разных местах отрывочные ваши мысли о брачной жизни» (Чертков 1889в: 286). Написание «Послесловия» далось Толстому с большим трудом, и, закончив его, он признал, что ему

случае его аргументы остаются непонятными для критиков, которые единодушно порицают произведение: народники, отдающие предпочтение отношениям, основанным на любви, взаимоуважении и равенстве полов, благосклонно относятся к осуждению брака, но отрицают половую мораль Толстого; консерваторы видят в «Крейцеровой сонате» защиту традиций и нравственности, но и выпад против института брака; наконец, приверженцы церкви рассматривают «Сонату» как покушение на таинство брака.

Самую яростную реакцию вызывают в публике те эпизоды повести, где осуждению подвергаются христианский брак и половые отношения, даже те, что практикуются в рамках супружеской жизни:

[Д]остижение цели соединения в браке или вне брака с предметом любви, как бы оно ни было опозитизировано, есть цель недостойная человека, так же как недостойна человека <...> цель приобретения себе сладкой и изобильной пищи (КС: 82).

Если до публикации «Послесловия» читательская аудитория еще пыталась как-то примириться с повестью, теща себя надеждой, что позиции автора не идентичны позициям главного героя, то с выходом «Послесловия» исчезает всякое сомнение по этому поводу, и в центре критических дискуссий оказываются концепции самого Толстого. «Послесловие» – это эссеистское толкование «Сонаты»; Толстой ведет два параллельных повествования: во втором, как утверждает сам автор, он лишь раскрывает идеи повести и повторяет их в форме эссе, пункт за пунктом излагая все затронутые в произведении темы, которые сам он резюмирует так:

Развратничать не надо до брака, не надо и после брака <...> не надо искусственно уничтожать деторождения <...> не надо из детей делать забавы и не надо ставить любовное соединение выше всего остального (КС: 83).

не удалось удовлетворить просьбы друга: «Вины мои вот какие... <...> То, что я не мог в послесловии сделать то, что вы хотите и на чем настаиваете, как бы реабилитацию честного брака. Нет такого брака» (Толстой 1937: 24).

Высказав эти соображения, он приходит к финальному заключению: следует стремиться к идеалу Христа посредством целомудрия и ради этого отвергать брак¹⁰⁹:

Идеал христианина есть любовь к Богу и ближнему, есть отречение от себя для служения Богу и ближнему; плотская же любовь, брак, есть служение себе и потому есть во всяком случае препятствие служению Богу и людям, а потому, с христианской точки зрения, падение, грех (КС: 87).

Те же аргументы выдвигаются и Позднышевым в его монологе, хотя и в более завуалированной форме по сравнению с «Послесловием»; эта позиция пугает современников, и Чертков в одном из писем даже просит Толстого быть менее суровым в своих утверждениях:

Поторопитесь же прислать мне хоть полстранички или несколько строк, принимающие во внимание законность *нравственного* брака для тех сотен миллионов современных людей, которые еще не поднялись до уровня возможно более целомудренного брака. Если вы этого не сделаете, и «Послесловие» разойдется по миру без этой прибавки, то миллионы *современных* людей, еще живых во плоти, будут оттолкнуты от жизни Христа, а не привлечены к ней (Чертков 1890: 25).

Но Толстой отказывается прислушаться к его совету, намеренно идя против общественного мнения. Бурная реакция

---

¹⁰⁹ Толстовская модель целомудрия описана в сборнике очерков под редакцией В.Г. Черткова: «О половом вопросе. Мысли графа Л.Н. Толстого, собранные В.Г. Чертковым» (Christ Church, Nants, England. Svobodnoe Slovo. 1901). В настоящей работе использовано русское издание 1906 г.: Толстой 1906. О психоаналитической интерпретации данной модели ср.: Ранкур-Лаферьер 2002; Ранкур-Лаферьер 2004: 950–1010. Среди последних работ следует упомянуть исследования Leblanc 2011 и Эткин 2013: 95–99, где предлагается новое прочтение повести «Холстомер, история лошади» как метафоры аскетического идеала Толстого.

читателей доказывает, что писатель задел больное место развивающегося общественного организма, который, находясь на стадии изменения, все еще сохраняет физиогномические признаки прошлого, но уже устремлен навстречу новому веку. Авторитет толстовского слова играет очень важную роль в этой эволюции, и влияние, оказанное им на публику, огромно, о чем свидетельствуют заявления современников:

Благодаря популярности, какую пользуется имя нашего гениального писателя, его «Крейцера соната» быстро распространилась по всему просвещенному миру и всюду начала производить различного рода брожения. <...> В громадном большинстве случаев влияние ее таково, что заставляет человека вдуматься, оглянуться на себя, посмотреть с птичьего полета на свою собственную жизнь. Чего еще больше можно требовать от литературного произведения? (Разумовский 1892: 5)

В очередной раз литература вторгается в область публицистики, и литературный дискурс смешивается и сливается с общественно-философским.

Буржуазная семья

Буржуазный брак, описываемый Толстым в «Крейцеровой сонате», в отличие от брака по расчету призван удовлетворить сферу чувств. Теперь будущие супруги сходятся друг с другом по собственному выбору, обусловленному исключительно личными эмоциями. Этот процесс предполагает совершенно новые способы построения семьи, к числу которых относится и определяемый Мишель Фуко «диспозитив сексуальности»:

Можно допустить, что сексуальные отношения во всяком обществе давали место некоему *диспозитиву супружеского союза*: системе брака, установления и расширения родственных связей, передачи имен и имущества. <...> Современные западные общества изобрели и пустили в ход, особенно начиная с XVIII века, некий новый диспозитив, который накладывается на первый и, не упразд-

няя его, способствует уменьшению его значения. Это – *диспозитив сексуальности* (Фуко 1996: 207).

Если основной целью «диспозитива супружеского союза» является воспроизведение игры отношений и поддержание управляющих ими законов, то для «диспозитива сексуальности» главными являются «телесные ощущения, качество удовольствий, природа впечатлений» (Там же: 208). И лишь начиная с этого момента чувства и желания наконец проникают в семью, которая, таким образом, превращается в арену для новых столкновений.

Это сцепление диспозитива супружества и диспозитива сексуальности в форме семьи позволяет понять ряд фактов: что семья становится, начиная с XVIII века, местом обязательного присутствия аффектов, чувств и любви (Там же: 210).

Это не значит, что новая эмоциональная и чувственная сторона супружеских отношений освободила членов такой семьи от всякой формы договора: она всего-навсего изменила его условия. К родственным отношениям прибавились чувства и телесные наслаждения, и всем этим руководит новая логика власти.

Семья – это пункт обмена между сексуальностью и супружеством: она переносит закон и измерение юридического в диспозитив сексуальности; и она же переносит экономику удовольствия и интенсивность ощущений в распорядок супружества (Там же).

Эмоциональная близость между членами семьи становится необходима для обеспечения сплоченности семейных ячеек, формирующих общество нового типа. Переход от «диспозитива супружеского союза» к «диспозитиву сексуальности» регулирует новый брачный договор и включает его в логику власти, согласно которой семья остается «дисциплинарным институтом», пространством, закаляющим тело и дух для того, чтобы приспособить их к требованиям общества (Там же: 201–212). Уже М.М. Ковалевский, историк того времени, понимает, какова новая функция семьи:

Потеряв свой прежний принудительный характер, семья стала лучшей школой для детей. <...> Я только что назвал семью детской школой. Я должен был бы просто сказать, что она школа, потому что в ней совершенствуются не одни дети, но и взрослые. Все мы, без различия пола и возраста, обязаны ей чувством бескорыстного стремления к добру, тем альтруизмом, семена которого запали в наши души. <...> Где же, как не в семье, приобрели мы эту способность к самопожертвованию? (Ковалевский 2007: 123)

В своем анализе семьи как одного из самых важных дисциплинарных институтов Западной Европы Мишель Фуко не касается России. И это неслучайно: ведь в России переход от первого ко второму диспозитиву происходит гораздо позже и по многим параметрам иначе, чем в Западной Европе, но в любом случае этот переход знаменует смену так называемого брака по расчету браком по любви (Lalo 2011; Engelstein 1994). Таким образом, буржуазная семья становится эксклюзивной сферой для проявления любви и страсти и для сексуальных отношений (санкционированных государством и церковью только в рамках семьи); в ней по-прежнему существует институт власти родителей над детьми и мужа над женой, пусть и в несколько видоизмененном варианте. Поэтому переход от архаичной модели к более современной не означает преодоления семьи как микрокосма, где кристаллизуется и осуществляется сильная дисциплинарная власть над ее членами, а, напротив, означает ее самоутверждение, пусть и в новых категориях.

В России переход от одной модели к другой происходит в последней четверти XIX в., когда в результате великих реформ формируется новый общественный класс – буржуазия. Он изображается во многих художественных произведениях, в том числе в «Крейцеровой сонате», где Позднышев символизирует приходящее в упадок дворянство, которое начинает менять свой образ жизни: «Я помещик и кандидат университета и был предводителем» (КС: 16). И говорит о жене так: «Многих я забраковывал именно потому, что они были недостаточно чисты для меня; наконец я нашел такую, которую счел достойной себя. Это была одна из двух дочерей когда-то очень богатого, но разорившегося пензенского помещика» (КС: 20). Персонажи, возвращающиеся

вокруг главного героя, представляют собой средний класс и воплощают новые профессиональные фигуры: адвокат, купеческий приказчик, эмансипированная дама, купец. Если первые являются носителями новых идей, то последний – это тень из прошлого, символ того, как традиционно патриархальная структура русского общества старается выжить даже с появлением новой реальности.

Наложение двух разных типов ментальности друг на друга на переходном историческом этапе – вполне естественное явление. В России конца столетия индустриальная модель накладывается на сельскохозяйственную, поддерживаемую прочной патриархальной культурой, которая яростно сопротивляется всему новому. В селах возникают многочисленные фабричные предприятия, особенно в текстильной промышленности, но даже в тех случаях, когда деревенское население переезжает из деревень в город, оно всегда сохраняет глубокие связи с родным краем, что позволяет историкам говорить о крестьянской ментальности в теле рабочего (Johnson 1978: 264; ср.: Engel 1994: 101–125). Признаки этого явления прослеживаются в словах купца:

– А в женщине первое дело страх должен быть. <...>

– Какой же страх? – сказала дама.

– А такой: да боится своего му-у-ужа! Вот какой страх.

– Ну, уж это, батюшка, время прошло, – даже с некоторой злобой сказала дама.

– Нет, сударыня, этому времени пройти нельзя. Как была она, Ева, женщина, из ребра мужнина сотворена, так и останется до скончания века, – сказал старик (КС: 10–11).

Наряду с подобной ментальностью в городах зарождается новый тип мышления, характерный для городской семьи. На новую ментальность значительно влияют теории женской эмансипации, которые начиная с 60-х годов ставят под вопрос зависимость женщины от отца семейства, ограничивавшую ее деятельность стенами дома. Уже в 70-е годы, когда женщины обретают доступ к высшему образованию, они покидают отчий дом не ради выгодного замужества, но ради того чтобы получить образование, часто в области медицины. Те из них, кто не может сделать этого на родине, выбирают вариант отъезда за границу.

С этой целью даже заключаются фиктивные браки – яркий пример подобного союза дается в романе Чернышевского «Что делать?» и определяется там как «культурно-значимое явление» (Паперно 1996: 116)¹¹⁰. Образы трудящихся женщин наводняют даже женские журналы. Так, на страницах семейного литературно-политического еженедельника «Нива» появляется образ женщины-работницы, который с 1880-х годов начинает пользоваться большей популярностью, чем фигура жены и матери. Даже женские журналы, например «Вестник моды», предлагают своим читательницам дискуссии по женскому вопросу, хотя и в более популярном изложении (Engel 2011: 136–137). Женская эмансипация приводит к тому, что в буржуазной семье возникает уважение между супругами и начинает уделяться особое внимание воспитанию детей: «Такая семья и становится колыбелью нового фундаментального принципа семейных отношений, прямо противоположного прежнему: не человек для семьи, а семья для человека» (Вишневский 2010: 134; ср.: Пономарева и др. 2009а: 139–179; Пономарева и др. 2009б: 99–112). Эта семейная ячейка, подрывающая отношения власти, посредством которых в патриархальной семье осуществлялся контроль по горизонтальной (муж–жена) и вертикальной (родители–дети) осям, становится центральной темой произведения Толстого, освещающего все ее проблемные аспекты. Так, рождение детей перестает быть источником радости и надежды на продолжение рода, а превращается в источник раздражения и усталости, подтачивающих домашний быт изнутри. И со временем семейные ссоры начинают разыгрываться именно на этой почве:

Вся жизнь с детьми и была для жены, а потому и для меня, не радость, а мука. Как же не мучаться? Она и мучалась постоянно. Бывало, только что успокоимся от какой-нибудь сцены ревности или просто ссоры и думаем пожить, почитать и подумать; только возьмешься за какое-нибудь дело, вдруг получается известие, что Васю рвет, или Маша сходила с кровью, или у Андрюши сыпь, ну и конечно, жизни уж нет. <...> Правильной, твердой семейной жизни не было. А было, как я вам говорил, постоянное спасение

---

¹¹⁰ О фиктивных браках ср.: Пономарева и др. 2009б: 206–295.

от воображаемых и действительных опасностей. Так ведь это теперь в большинстве семей. <...>

Так что присутствие детей не только не улучшало нашей жизни, но отравляло ее. Кроме того, дети – это был для нас новый повод к раздору. С тех пор как были дети и чем больше они росли, тем чаще именно сами дети были и средством и предметом раздора. Не только предметом раздора, но дети были орудием борьбы; мы как будто дрались друг с другом детьми (КС: 43).

Семейная модель, описываемая Толстым в его произведении, развивается в направлениях, совершенно отличных от прежней модели. Такая семья наделяется новыми производственными, демографическими и воспитательными функциями; если семья феодального типа сама организовывала и производство, и потребление, то новая ячейка выполняет только функции потребления и организации быта. Уменьшается и количество детей в семье, особенно в городских рабочих семьях¹¹¹, и повышается рождаемость во внебрачных связях¹¹².

Все эти явления предвосхищают перемены, которые наступят с приходом нового века, когда репродуктивное поведение окончательно будет отделено от сексуального и рождаемость будет контролироваться (хоть и нередко посредством нелегальной практики аборта¹¹³). Одновременно учащаются случаи раздельного проживания и разводов, а также возрастает число людей, не состоящих в браке:

Внезапно выросший в последнее время Петербург, с 980,000 почти до 1.300,000 жителей, постоянно привлекает в свои

---

¹¹¹ В европейской России этот показатель в 1881–1885 гг. снижается на 50,5% (ср.: Араловец 2003: 74).

¹¹² В Российской империи отказ родителей от незаконнорожденных детей (хотя бы по причине бедности) был очень распространенным явлением, и поэтому на протяжении всего XIX в., особенно в 90-е годы, предпринимались попытки отменить право матери на анонимность (Ransel 1978b: 192).

¹¹³ Ср.: Араловец 2003: 75; Гончаров 2001б: 25–39; Араловец 2001: 97–108; Гончаров 2002: 91.

стены массы одиноких интеллигентных людей, нуждающихся в скромной, но приличной и изящной домашней обстановке. Это в большинстве случаев художники, конторщики, студенты, врачи, чиновники, артисты, агенты, учителя, учительницы, курсистки, телеграфистки, фельдшерицы и проч., которых в Петербурге насчитывается несколько десятков тысяч и для которых здесь почти нет прилично обставленных общежитий (Каменцев 1897: 186).

Перепись 1897 г. свидетельствует о том, что демографическая ситуация кардинально изменилась по сравнению с прошлым: в городах число холостых и незамужних превышает число состоящих в браке (58,2% мужчин и 56% женщин) (Белякова 2001). Очевидно, что возникает много союзов нового типа: те, кто покинул семью в поисках работы в городе, нередко предпочитают простое сожителство. Даже для женщин супружеские узы не являются более приоритетом. Нравы меняются, и в 1897 г. современник Толстого Л.А. Золотарев выпускает небольшую брошюру о добрачных отношениях, которые распространяются среди молодых людей и которые автор брошюры называет «преступным легкомыслием». Золотарев ставит перед собой воспитательную задачу – разоблачить аморальность таких отношений, чтобы подтвердить святость таинства брака: цель предлагаемой брошюры, заявляет Золотарев, – «разъяснить значение правильных отношений между обоими полами и указать средства, при помощи которых можно урегулировать эти отношения» (Золотарев 1898: 3). В поддержку своей точки зрения автор цитирует выдержку из «Послесловия к “Крейцеровой сонате”», прибегая к авторитету Толстого:

[В]ступление в такое половое общение, при котором люди или освобождают себя от возможных последствий его – детей, или сваливают всю тяжесть этих последствий на женщину, или предупреждают возможность рождения детей... такое половое общение есть преступление самого простого требования нравственности, есть подлость (КС: 80) (Там же: 42).

В качестве альтернативы таким «преступным интимным связям» Золотарев предлагает брак, одобренный законом, как единственное условие, защищающее семью и честь женщины.

Действительно, общественное мнение всегда сурово судит женщин, поддерживающих интимные связи вне брака, но терпимо к мужчинам, извлекающим выгоду из этих ситуаций. Автор призывает общество и в первую очередь родителей положить конец таким «преступным отношениям» при помощи литературы и воспитания, особенно женского (Там же: 41–42, 52–64).

Вследствие изменений, которые приносит к концу столетия городская жизнь, возникает проблема мужского полового воспитания. Теперь молодые люди раньше достигают зрелости и жалуются на отсутствие подготовки в начале половой жизни. Посвящение мальчиков из среднего класса и из дворянства почти всегда происходит в домах терпимости, как описывает тот же Позднышев, и этим ограничивается «половое воспитание» того времени:

Но вот товарищ брата, студент, весельчак, так называемый добрый малый, т. е. самый большой негодяй, выучивший нас и пить и в карты играть, уговорил после попойки ехать туда. Мы поехали. Брат тоже еще был невинен и пал в эту же ночь. И я, пятнадцатилетний мальчишка, осквернил себя самого и содействовал осквернению женщины, вовсе не понимая того, что я делал (КС: 18).

Если патриархальная семья прошлого придерживалась исключительно религиозных предписаний, иногда обогащая их педагогическими наставлениями из «Эмиля» Руссо, то теперь в обществе возникает спрос на новые науки, которые давали бы надлежащую подготовку молодым людям, хотя на первых порах речь идет только о юношах. Женского полового воспитания просто не существует, и на протяжении XVIII и XIX вв. благородные девицы не получают перед замужеством никакой сексуальной подготовки (Кон 2010: 81–82). Лишь с приходом нового столетия врачи, педагоги и учителя обращают внимание на эту проблему. С 1907 по 1910 г. появляются книги и статьи, посвященные сексуальному здоровью, половому вопросу в семье и школе, сексуальной педагогике и т. д. Вскоре распространение венерических заболеваний привлекает внимание ученых, и в целях изучения полового поведения молодежи в школах начинают проводиться обследования и опросы, результаты которых составят богатый фонд сведений о половой жизни эпохи (Там же: 116–126).

Новая семья менее авторитарна и характеризуется большей внутренней сплоченностью, так как основана на принципе аффективного индивидуализма. Отношения между полами трансформируются также в результате появления нового женского «я»: доступ женщины к рынку труда, а также ее основная роль в воспитании детей, помимо функции домоправительницы, меняет ее положение в обществе и семье. Забота о потомстве приобретает первостепенное значение и выражается совершенно иными способами по сравнению с прошлым: теперь главными принципами воспитания становятся уважение к личности ребенка и стремление к его интеллектуальному и творческому развитию. М.М. Ковалевский определяет такую семью как ячейку, над которой более не довлеет безграничная и абсолютная власть отца, но которая зиждется на взаимных обязанностях и чувствах супругов:

Ограничение отцовского и супружеского произвола, расширение прав жены и охрана детских интересов, отнюдь не служа к гибели семьи, лишь возвысили ее нравственный уровень. Повсюду она или уже сделалась, или стремится сделаться поприщем для проявления наших наиболее благородных и возвышенных чувств (Ковалевский 2007: 123).

С ослаблением родственных связей укрепляются отношения между супругами и меняется их поведение с детьми.

С установлением индивидуальной семьи власть над детьми перестает быть привилегией отца и становится уделом обоих родителей. Изменяются и самые отношения между двумя поколениями: родительские права порождают теперь обязанности для самых родителей, неисполнение которых может возбудить против них преследование со стороны заинтересованных лиц и самого государства (Там же: 115–116).

В брачных переговорах чувства, пробуждающие надежды на счастье, теперь нередко берут верх над экономическими соображениями. Художественным примером этого нового явления становится героиня романа «Что делать?» Вера Павловна, отказывающаяся от свадебного предложения, которое ее родители приняли

бы с превеликим удовольствием, и выбирающая самостоятельную жизнь ради того, чтобы следовать своим идеалам:

– Вера, – начал Павел Константиныч, – Михаил Иванович делает нам честь, просит твоей руки. Мы отвечали, как любящие тебя родители, что принуждать тебя не будем, но что с одной стороны рады. Ты как добрая послушная дочь, какую мы тебя всегда видели, положишься на нашу опытность, что мы не смели от бога молить такого жениха. Согласна, Вера?

– Нет, – сказала Верочка.

– Что ты говоришь, Вера? – закричал Павел Константиныч; дело было так ясно, что и он мог кричать, не осведомившись у жены, как ему поступать.

– С ума ты сошла, дура? Смей повторить, мерзавка-ослушница! – закричала Марья Алексевна, подымаясь с кулаками на дочь.

– Позвольте, маменька, – сказала Вера, вставая. – Если вы до меня дотронетесь, я уйду из дому, запрете – брошусь из окна. Я знала, как вы примете мой отказ, и обдумала, что мне делать. Съядте и сидите, или я уйду (Чернышевский 1975).

Новая семья являет собой поле интимных отношений и личной жизни, где мужчина может укрыться от неприятностей на работе и проблем внешнего мира, а женщине принадлежит главная роль в создании атмосферы любви и нежности, поэтому она должна быть кладезем добродетелей, иметь образование и обладать безупречными моральными качествами, необходимыми для воспитания детей.

Новая модель брака

В «Крейцеровой сонате» тему буржуазного брака вводит собеседница пожилого купца:

– Да чем же худо образование? – чуть заметно улыбаясь, сказала дама. – Неужели же лучше так жениться, как в старину, когда жених и невеста и не видали даже друг друга? <...>

– Не знали, любят ли, могут ли любить, а выходили за кого попало, да всю жизнь и мучились; так, по-вашему, это лучше? <...>

– Женят таких, которые не любят друг друга, а потом удивляются, что несогласно живут, – торопилась говорить дама... – Ведь это только животных можно спаривать, как хозяин хочет, а люди имеют свои склонности, привязанности, – очевидно желая уязвить купца, говорила она. <...>

– Ну да как же жить с человеком, когда любви нет? – все торопилась дама высказывать свои суждения, которые, вероятно, ей казались очень новыми (КС: 9–10).

– Ведь главное то, чего не понимают такие люди, – сказала дама, – это то, что брак без любви не есть брак, что только любовь освящает брак, и что брак истинный только тот, который освящает любовь (КС: 12).

Дама описывает идеальный союз, основанный на любви – чувстве, подвергающемся переоценке и рассматриваемом в новом ключе. Пример практического осуществления такого союза со всеми его минусами дается в рассказе Позднышева, который сначала соглашается на этот тип брака, пусть и отступает от него в дальнейшем. Герой отвергает традицию договорного союза, предпочитая ей ритуал ухаживания и влюбленность, и с самого начала отказывается от брака по расчету, выбирая брак, основанный на любви и верности:

Я был то, что называется, влюблен. Я не только представлял себе себе верхом совершенства, я и себя за это время моего жениховства представлял тоже верхом совершенства. <...> [Я] женился не на деньгах – корысть была ни при чем, не так, как большинство моих знакомых женились из-за денег или связей, – я был богат, она бедна. Это одно. Другое, чем я гордился, было то, что другие женились с намерением вперед продолжать жить в таком же многоженстве, в каком они жили до брака; я же имел твердое намерение держаться после свадьбы единобрачия (КС: 27).

Женоубийца выполняет все ритуалы, необходимые для нового союза, и воспроизводит в своей жизни типы поведения,

характерные для конца XIX в.: он ухаживает за будущей женой, переживает этапы влюбленности и надеется на вечную любовь. Даже потеря им рассудка является острым симптомом социальных перемен. Действительно, в 90-е годы сильно возрастает число убийств в семье (и чаще всего это женоубийства) в отличие от того, что происходило до 1860 г. Такая ситуация, возможно, объясняется тем, что брак, основанный на любви, предполагает большие ожидания счастья со стороны супругов, а в случае разочарования подобные ожидания могут привести к весьма глубокому кризису. Все это, вместе с большей свободой поведения, порой вызывает ранее немислимые эксцессы:

Еще два вида преступлений – убийство супругов и родителей – также характеризуют напряженность межличностных отношений в семье. В 1835–1846 гг. за убийство супруга ежегодно осуждались и ссылались в Сибирь со всей России 21 мужчина и 35 женщин, за убийство родителей – соответственно 5 и 1. В 1874 г. было осуждено по 33 губерниям за убийство супруга 35 мужчин и 28 женщин, за убийство родителей – соответственно 10 и 0, в 1892 г. по 33 губерниям за убийство супруга – соответственно 86 и 51, за убийство родителей – 22 и 1 (Миронов 1999. I: 249–250)¹¹⁴.

Именно это происходит и с Позднышевым:

Я Позднышев, тот, с которым случился тот критический эпизод, на который вы намекаете, тот эпизод, что он жену убил, – сказал он, оглядывая быстро каждого из нас (КС: 15).

О семейном кризисе свидетельствует и социолог П.А. Сорокин. В одном из своих исследований 1916 г. он утверждает, что в последние десятилетия прежняя структура семьи начала ослабевать, теряя свою целостность: *«По мере приближения к нашему времени становится более слабым и союз мужа и жены и союз родителей и детей*, т. е. те две основы семьи, которыми исчерпывается

---

¹¹⁴ В сфере женской преступности с 1874 по 1894 г. значительно увеличивается количество семейных и половых преступлений (ср.: Engelstein 1994: 96–127).

ее содержание» (Сорокин 1916. № 2: 175). Сорокин иллюстрирует перемены последних лет следующим образом:

1) Все быстрее и быстрее растущий процент *разводов* и «разлучений от стола и ложа», 2) *уменьшение самого числа браков*, свидетельствующее о том, что все больше и больше становится лиц, не желающих связывать себя современными узами «законного брака», 3) рост «внебрачных» союзов мужчины и женщины, 4) рост проституции, 5) падение рождаемости детей, 6) освобождение женщины из-под опеки мужа и изменение их взаимных отношений, 7) уничтожение религиозной основы брака и 8) все более и более слабая охрана супружеской верности и самого брака государством (Там же).

По мнению Сорокина, одна из самых опасных угроз обществу состоит в требовании секуляризации института брака. Брак, заключавшийся в церкви, до недавних пор пользовался одобрением светской и церковной власти, но теперь этот союз начинает терять под собой почву:

Одной из главных основ семьи и брака была религия и ее покровительство браку и семье, как религиозному, священному установлению. На этом основании брак был объявлен «тайнством», семья – учреждением божества, охраняемым церковью и государством, посягательства против нее – грехом и великим преступлением (Сорокин 1916. № 2: 188).

В обоих своих видах семейная связь, и как половой союз мужа и жены, и как союз родителей и детей, все более и более слабеет и разлезаются. Семья теряет одну за другой из своих функций и превращается из цельного слитка в все более худеющую, уменьшающуюся и разваливающуюся семейную храмину (Сорокин 1916. № 3: 165).

Кризис затрагивает брак, в первую очередь, как религиозный институт. В самом деле, церковь, называя супружеский союз тайнством, веками узурпировала у светской власти право на его заключение, и с самых древних времен вплоть до 1722 г. законное

бракосочетание могло совершаться только в церкви. Начиная же с 1722 г. и на протяжении почти двух веков (до 1917 г.) брак регулировался нормами как церковного, так и светского права. Однако к концу XIX столетия общество все активнее требовало его секуляризации, что весьма тревожило церковь и ее приверженцев, как утверждает Н.Н. Страхов-младший¹¹⁵:

Одним из предметов, возбуждающих в наше время ожесточенные нападки и возражения, бесспорно, является институт церковно-христианского брака. <...> Христианская церковь, стремясь к тому, чтобы в жизни христианского общества брак имел наибольшее соответствие с христианским понятием о нем, издавна подчинила брак своей дисциплине и неуклонно заботилась о поддержании этой дисциплины. Таким образом в христианстве брак изначала сделался церковным институтом. Но это провозглашенное христианством высокое понятие о браке все чаще и чаще в последнее время стали называть устарелым <...> и всю церковную дисциплину стали считать только вредным насилием над естественной и нравственной свободой человеческой личности. Словом, институт церковно-христианского брака в последнее время стали отвергать, как уже отжившее учреждение (Страхов 1893: I–II).

Эти новые веяния отражаются в дискуссии, которую поднимают юристы, желающие пересмотреть Семейный кодекс. Прогрессивное крыло – сторонники брака по любви и защитники индивидуальных прав – бросает вызов самодержавию, выдвигая настойчивые требования секуляризации закона; мишенью этого вызова являются власти и религиозные предписания православной

---

¹¹⁵ Речь идет о Николае Николаевиче Страхове-младшем, авторе работ по богословию, среди которых есть также несколько академических учебников. Страхов-младший – это не философ и друг Толстого, а лишь однофамилец Страхова-старшего и его современник. Многие ученые, занимавшиеся философией Страхова-старшего, были введены в заблуждение этим совпадением фамилии двух мыслителей и рассматривали в своих трудах произведения Страхова-младшего, тем самым искажая представление об учении философа (ср.: Лыкова 2001). Чтобы избежать путаницы, здесь и далее мы обозначаем богослова как Страхов-младший.

церкви (Wagner 1994: 101). Из изучения этой дискуссии следует, что переход от патриархального брака к браку по любви не есть показатель упадка этого института. Напротив, рвение, с каким юристы всех направлений общественной мысли принимаются за работу над реформой Гражданского кодекса в части, касающейся семьи, и стремятся зафиксировать ее в контексте новой динамики власти, доказывает, что все осознают значение института брака и это осознание проявляется еще сильнее в момент социального перехода огромного масштаба, каковым является конец XIX в. В юридической сфере возникает бурная дискуссия, в которой весьма активно участвует православная церковь. Последняя упорно пытается сохранить статус-кво, но не может воспрепятствовать введению некоторых инноваций, среди которых и узаконивание детей, рожденных вне супружеских отношений. С 1891 г. дети, рожденные до брака, признаются автоматически, а с 1902 г. рожденные вне брака более не считаются незаконными и получают право носить фамилию отца и наследовать имущество (Саатчян 1911). Кроме того, в 1912 г. (впервые после принятия кодекса 1649 г.) Государственная дума утверждает закон, смягчающий неравенство прав полов в случае наследования (Ворошилова 2010: 153–190).

Все эти перемены протекают очень медленно по сравнению с тем, как это происходит на Западе, так как им препятствует незыблемый в России старый режим; лишь после Октябрьской революции в стране будет признан гражданский брак и принят окончательный закон о секуляризации развода. Только декретом от 18 декабря 1917 г. будет утверждена легитимность гражданского брака как единственно действительного в глазах закона, а религиозная церемония будет объявлена необязательным ритуалом. Аналогичным образом декретом от 19 декабря 1917 г. будет постановлено, что заявления о расторжении брака следует подавать в гражданские суды¹¹⁶.

---

¹¹⁶ Декрет от 18 декабря 1917 г. о гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния. [Электронный ресурс] URL: <http://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex17493.htm> (дата обращения: 28.02.2014); Декрет от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака». [Электронный ресурс] URL: <http://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/tex17488.htm> (дата обращения: 29.02.2014).

Пережитки старорежимной юридической системы проявляются и в приговоре, вынесенном судом по делу Позднышева: основываясь на патриархальном понятии ‘мужской чести’ (якобы отличной от женской (Пушкарева 2002: 203–204)¹¹⁷), суд оправдывает подсудимого, поскольку тот убил, защищая собственное ‘достоинство’:

На суде так и решено было, что я обманутый муж и что я убил, защищая свою поруганную честь (так ведь это называется по-ихнему). И от этого меня оправдали (КС: 49).

Любовь и сексуальные отношения в рамках договора

Тема сексуальных отношений, которую Толстой затрагивает в «Анне Карениной», скрывая начало любовной связи Анны и Вронского за многоточием (ч. II, гл. X), открыто рассматривается в «Крейцеровой сонате», что шокирует и возмущает публику.

В 1990-е годы контроль цензуры и государства ослабевает по сравнению с тем, что был установлен после убийства царя в 1881 г., и на поверхность выходят ранее подавляемые настроения, которые противоречат как строгой церковной морали, так и принципам демократов-народников. Философия индивидуализма рассматривает человека и его чувства в новом свете; меняется идеал семьи, любовь и сексуальные отношения призваны играть совершенно беспрецедентную роль: возникает «аффективный индивидуализм» (Stone 1983: 6), и половая жизнь перестает восприниматься исключительно как грех, допустимый лишь ради продолжения рода. Патриархальная семья считала любовь «союзом между супругами», преследующим цель сохранения семьи и ее защиты от внешнего мира, подобно тому, как это представляет себе пожилой купец из повести. Он утверждает, что люди на протяжении столетий не думали о любви в браке и что только в последнее время появилась необходимость говорить о таком чувстве применительно к брачному союзу: «Прежде этого не раз-

---

¹¹⁷ О наказаниях за супружескую измену ср. тж.: Кон 2010: 191.

бирали, – внушительным тоном сказал старик, – нынче только завелось это» (КС: 10). Позднышев также убежден, что в эксцессах общества прежде всего виновато новое понимание любви: «Да все про то же: про эту любовь ихнюю и про то, что это такое. <...> Так хотите, я вам расскажу, как я этой любовью самой был приведен к тому, что со мной было?» (КС: 16)¹¹⁸.

Какой же вид любви призван главенствовать в брачном договоре буржуазного типа? Один из авторов того времени полагает, что это должен быть плод добродетельной и чистой любви, идеал которой рождается в западном Просвещении, посредством романтизма распространяется в России и вдохновляет русских писателей на создание новых героинь в отечественной литературе: от бедной Лизы Карамзина до Татьяны Лариной Пушкина.

Известно, какое глубокое действие произвела на наше общество Карамзинская «Бедная Лиза», содержание которой вызывало подражание в жизни и породило такие же идиллические увлечения в действительности. Эта идеализация женщины оказала влияние на изменение любви, которая получила другое содержание и другие формы выражения (Орвич 1900: 83).

Чувство любви подвергается переоценке не только в литературе, в образах романтических героинь Гёте и Шиллера, но и в немецком идеализме и французском утопическом социализме, под влиянием которых русская культура находится начиная с 1830–1840-х годов. В 60-е годы любовный идеал выходит за пределы романтизма и оформляется в русле нарождающегося позитивизма и материализма. В философии Фейербаха переоцениваются психика и тело, и на смену возрождению чувств приходит возрождение тела и телесности, открывая путь сенсуализму. Позитивизм со своим физиологическим подходом доводит до завершения этот процесс, создавая такие художественные образы, как Базаров и Кирсанов. Таким образом, конфликт поколений, отражающийся в таких произведениях, как «Отцы и дети» и «Что

---

¹¹⁸ Чехов в рассказе «Ариадна» (1895) также описывает разочарование, принесенное новым браком. Рассказ содержит скрытую полемику с «Крейцеровой сонатой» (ср.: Семанова 1980).

делать?», означает открытое противодействие новых поколений жесткой и деспотичной российской самодержавной системе. Если для романтической дворянской модели брака была характерна любовь платоническая, то буржуазно-реалистическая модель окрашивается в цвета страсти. Женским идеалом в литературе первой половины XIX в. была невинная девушка или заботливая мать, тогда как фигура любовницы напрочь отсутствовала. Женский образ должен был сохранять чистоту, незапятнанную блудом; женщина становилась символом добродетели и олицетворяла собой лишненное сексуальности существо, как Памела у Ричардсона или Татьяна у Пушкина. Однако со временем идея любовницы незаметно проникает в русскую культуру и воплощается в образе Анне Карениной. Тем не менее чувственность и новые любовные практики прививаются в России медленнее, чем на Западе, в силу особенностей отечественной традиции; в местной культуре сохраняются случаи любви, пока еще лишённой чувственности, как, например, любовь, царящая в супружеской паре Китти и Левина. Этот идеал восходит к византийскому христианству, которое в Древней Руси преобразуется в православную веру и которое изначально лишено чувственности, о чем свидетельствуют изображения ликов и фигур на иконах. Еще одна особенность темы сексуальности в России заключается в том, что православная церковь, в отличие от католической, никогда не уделяла особого внимания сексуальному поведению своей паствы и сексуальность всегда оставалась запретной темой. Православная церковь никогда не развивала никаких практик, подобных практике исповеди католической церкви¹¹⁹, которая играет важную роль, так как благодаря ей «конституируется обширный архив сексуальных удовольствий» (Фуко 1996: 161). Что касается социального аспекта, в частности психиатрической медицины, то эта традиция также сильно отличается от западной. Если в Европе врачи тщательно собирают данные, свидетельства о заболеваниях и описания «патологических случаев», чтобы затем распределять

---

¹¹⁹ Фуко прослеживает зарождение и трансформацию феномена «признания», начиная с исповеди и покаяния в христианстве и кончая развитыми формами признания, которые сложились в рамках судебной, психиатрической, медицинской, педагогической и других практик.

в слоях общества сведения о сексуальных отношениях, то в России эти науки зарождаются сверху, регулируются государством и не оказывают большого влияния на общество. Это способствует увековечению культуры, игнорирующей все, что связано с плотью и половыми отношениями, и превозносящей только духовную любовь. По этой причине сексуальный аспект любви почти всегда выглядит преступлением, как в «Анне Карениной», где чувственная любовь между Анной и Вронским приравнивается к убийству или краже (Lalo 2011: 59–118).

Однако в конце XIX в. в России любовный дискурс также приобретает эмоциональные и чувственные тона, как это явствует из «Крейцеровой сонаты». Важность чувственного аспекта при выборе супруга утверждается даже в учебнике 1889 г., определяющем нормы поведения и этикета в семье и в обществе:

Свадьба.

§ 1. Выбор жениха и невесты.

Честность, взаимное влечение друг к другу и достаточная доза благоразумия с той и другой стороны – вот основные условия для жениха и невесты при выборе друг друга. <...>

[Н]икогда не следует придавать слишком много значения одной только материальной стороне дела. Приносить в жертву Ваалу искреннее влечение двух юных сердец – это жестокость, недостойная родительского чувства. Основываться на шаблонном правиле «стерпится – слюбится», это значит ставить на карту не только счастье, но часто даже и самую жизнь родного сына или родной дочери.

Без взаимной любви и вполне искренних и честных отношений брак будет не что иное, как злополучная сделка, вечный источник горестей, бедствий, раздоров, беспорядков в семье и скандалов (Юрьев, Владимирский 1889: 99–100).

Именно о понятии любви идет самый жаркий спор между дамой и Позднышевым, который отказался от патриархальной модели, но не может найти решения проблемы и в модели буржуазной:

– Какая же это любовь... любовь... любовь... освящает брак? – сказал он, запинаясь. <...>

– Истинная любовь... Есть эта любовь между мужчиной и женщиной, возможен и брак, – сказала дама.

– Да-с, но что разуметь под любовью истинной? – неловко улыбаясь и робея, сказал господин с блестящими глазами.

– Всякий знает, что такое любовь, – сказала дама, очевидно желая прекратить с ним разговор.

– А я не знаю, – сказал господин. – Надо определить, что вы разумеете...

– Как? очень просто, – сказала дама, но задумалась. – Любовь? Любовь есть исключительное предпочтение одного или одной перед всеми остальными¹²⁰, – сказала она.

– Предпочтение на сколько времени? На месяц? На два дни, на полчаса? – проговорил седой господин и засмеялся.

– Нет, позвольте, вы, очевидно, не про то говорите.

– Нет-с, я про то самое.

– Они говорят, – вступился адвокат, указывая на даму, – что брак должен вытекать, во-первых, из привязанности, любви, если хотите, и что если налицо есть таковая, то только в этом случае брак представляет из себя нечто, так сказать, священное. Затем, что всякий брак, в основе которого не заложены естественные привязанности – любовь, если хотите, не имеет в себе ничего нравственно-обязательного (КС: 12–13).

Таким образом, Позднышев отрицает понятие любви в современном обществе и утверждает, что союз между супругами держится только на сексуальных отношениях; единственный истинный брак – христианский; это «тайнство, которое обязывает перед Богом», но такого института уже не существует, он подменен сущим обманом:

– То вы говорите, что брак основывается на любви, когда же я выражаю сомнение в существовании любви, кроме чувственной,

---

¹²⁰ В философском эссе «О жизни» Толстой формулирует следующую мысль: «То, что люди, не понимающие жизни, называют любовью, это только известные предпочтения одних условий блага своей личности другим» (Толстой 1936г: 388).

вы мне доказываете существование любви тем, что существуют браки. Да брак-то в наше время один обман!

– Нет-с, позвольте, – сказал адвокат, – я говорю только, что существовали и существуют браки.

– Существуют. Да только отчего они существуют? Они существовали и существуют у тех людей, которые в браке видят нечто таинственное, таинство, которое обязывает перед Богом. У тех они существуют, а у нас их нет. У нас люди женятся, не видя в браке ничего, кроме совокупления, и выходит или обман, или насилие (КС: 12–13).

Если для Позднышева любовь имеет чисто сексуальную природу, то его собеседница считает, что плотские отношения и любовь дополняют друг друга:

– Да-с, я знаю, – перекрикивал нас седой господин, – вы говорите про то, что считается существующим, а я говорю про то, что есть. Всякий мужчина испытывает то, что вы называете любовью, к каждой красивой женщине. <...>

– Но вы все говорите про плотскую любовь. Разве вы не допускаете любви, основанной на единстве идеалов, на духовном родстве? – сказала дама.

– Духовное сродство! Единство идеалов! – повторил он, издавая свой звук. – Но в таком случае незачем спать вместе (простите за грубость). А то вследствие единства идеалов люди ложатся спать вместе, – сказал он и нервно засмеялся (КС: 14).

– Ведь что, главное, погано, – начал он, – предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь ведь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно (КС: 34).

<...> Из страстей самая сильная, и злая, и упорная – половая, плотская любовь (КС: 30)¹²¹.

---

¹²¹ Это «скотское» чувство, согласно Позднышеву, сочетается с «бесовской силой» музыки. В «Крейцеровой сонате» как будто воспроизводится сравнение сексуальности с музыкой, которое было предложено еще Платоном в его «Республике». Демонизируя сексуальные отношения устами своего героя, Толстой сопоставляет их с музыкой, описанной

Если Позднышев провозглашает аскетический идеал¹²², то дама воспеваает романтическую любовь в рамках буржуазного идеала, легитимирующего проникновение сексуальности в домашнюю жизнь; однако дама не подозревает, что «семья – это кристалл в диспозитиве сексуальности: кажется, что распространяет сексуальность, которую на самом деле отражает и преломляет»

в повести как гипнотическое средство, вводящее во грех. Музыка становится неким катализатором, что приводит в движение цепочку реакций, свидетельствующих о том, какую власть художник имеет над читателем и над публикой вообще. Подобно «Сонате» Бетховена, которая представляет собой опасность, поскольку стимулирует неконтролируемые эмоции и губительно действует на человека, искусство в целом тоже как будто имеет способность влиять на людей. Вот что говорит об этом Позднышев: «И вообще страшная вещь музыка! <...> Говорят, музыка действует возвышающим душу образом – вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим, ни принижающим душу образом, а раздражающим душу образом» (КС: 61).

О важности музыки в жизни и мировоззрении Толстого и о влиянии, которое она оказала на написание «Крейцеровой сонаты», существует множество литературы. Новейшую библиографию по этой теме можно найти в: Исаева 2013. Из западных источников следует упомянуть: Rischin 1989; Møller 1988: 16–18; Knapp 1991; Sémon 19926; Ранкур-Лаферьер 2004: 711–719; Emerson 2010.

¹²² Иногда, как не раз подчеркивалось исследователями, позиции Позднышева противоречивы. Если, с одной стороны, он защищает идею целомудрия, то с другой – утверждает: «Мужику, работнику, дети нужны, хотя и трудно ему выкормить, но они ему нужны, и потому его супружеские отношения имеют оправдание» (КС: 46). По этому вопросу мы отсылаем к ответу Толстого на вопрос Черткова по поводу брака, который писатель то горячо рекомендует, то резко осуждает. Вот слова Толстого: «И то и другое справедливо: все зависит от той ступени, на которой находится человек. Если он охвачен непреодолимой потребностью супружеской жизни, то, вместо того, чтобы жить распутно или предаваться неестественным порокам, ему, разумеется, лучше вступить в брак для совместного с своим супругом исполнения своего семейного и общественного назначения. Если же он в состоянии весь отдаться служению Богу и людям, забывая

(Фуко 1996: 213)¹²³. Это приводит к изменениям в формах и методах общественного контроля над сексуальными отношениями; в то время как в эпоху феодализма они обеспечивали продолжение рода и утверждение патриархальной семьи, то сейчас они окрашиваются чувствами и проникают в семейную жизнь, способствуя внутрисемейному счастью и... запуская новые механизмы власти. Когда диспозитив сексуальности, который вначале развивался за пределами семейных институтов, начинает проникать в семью, родители становятся его главными носителями, и извне их поддерживают врачи, педагоги, психиатры. Распространяются медицинские науки, и специалисты собирают неслыханные доселе признания пациентов; в результате накапливается богатый архив знаний, ранее скрывааемых и неизвестных. Выработывая новую сексуальность, семейная ячейка раскрывает свои тайны и обретает новые механизмы современной буржуазной семьи.

Тогда со стороны семьи рождается настойчивая просьба – просьба помочь в разрешении этих злосчастных игр между сексуальностью и супружеством; и попав в ловушку этого диспозитива сексуальности, который сделал в нее вклады извне, который способствовал ее укреплению в ее современной форме, семья обращает к врачам, к педагогам, к психиатрам, равно как и к священникам и пасторам, – ко всем этим возможным «экспертам» протяжную жалобу о своем сексуальном страдании (Фуко 1996: 99).

Весьма вероятно, что Толстой был знаком с книгой «Половая психопатия» (1886) немецкого психиатра и невролога Рихарда фон Краффт-Эбинга (Краффт-Эбинг 1996). Эта книга представляет собой первую попытку дать почти «энциклопедическую» картину отклоняющихся от нормы типов сексуального поведения: в рамках одной книги автор анализирует около 500 клинических случаев. В тексте, который при жизни автора подвергается много-

---

себя в этом служении, то для такого человека брак несомненно был бы падением и помехою, точно так же, как связаться веревками попарно было бы помехою для полевых работников, дотоле свободно располагавших всеми своими членами» (Толстой 1906: 4).

¹²³ О половом вопросе в России конца XIX в. ср.: Кон 2010: 100–126.

численным переизданиям и переводится на разные языки, впервые рассматриваются понятия садизма, мазохизма, педофилии, гомосексуализма и пр. Психопатологическое поведение Позднышева в «Крейцеровой сонате» и признание главного героя напрямую отсылают к некоторым страницам «Половой психопатии»¹²⁴. Толстой был хорошо знаком с психопатологической литературой: в апреле 1884 г. он записывает в своем дневнике, что прочитал «Архив судебной психиатрии, неврологии и психопатологии», изданный в Харькове известным русским психиатром П.И. Ковалевским, с которым он даже состоял в переписке (Толстой 1952б: 77; Matich 2005: 52–54).

Это можно считать еще одним подтверждением нашего предположения о том, что вся история русской сексуальности XX в. предвосхищается на страницах «Крейцеровой сонаты». Повесть обнажает больной нерв общества и побуждает все его слои к размышлению об особенностях современной семьи. Новый сексуальный порядок получает поддержку всех общественных направлений: радикалы, консерваторы и даже церковь едины в том, что сексуальная жизнь должна протекать внутри брака. Первые придерживаются этой позиции, руководствуясь идеалами уважения и взаимной любви, вторые – чтобы вдохнуть новую жизненную силу в традиционную мораль, которая должна предохранить молодых людей от легкомысленной жизни, а взрослых от бесчестных и часто насильственных супружеских отношений; наконец, церковь пользуется этим принципом, чтобы отстаивать свои предписания и освящать соблюдающие их союзы. Так зарождается буржуазная моногамная семья, подчиненная уже широко распространившемуся диспозитиву сексуальности. В сфере изучения и регламентации сексуального поведения возникают новые дисциплины; демография анализирует миграцию населения и изменения его численности, а медицина

---

¹²⁴ Так утверждает в своей книге Ольга Матич, хотя приводимые ею сведения о том, что первый русский перевод «Psychopathiasexualis» вышел в 1887 г. (Matich 2005: 43), неточны, поскольку, как указывает в предисловии к изданию 1996 г. проф. Г.С. Васильченко, «первый русский перевод был сделан с тринадцатого дополненного издания» от 1907 г. (Крафт-Эбинг 1996: 5).

рекомендует избегать аборт, применяя контрацепцию, и изучает венерические болезни, как явствует и из слов Позднышева:

Опасность болезней? Но и та ведь предвидена. Попечительное правительство заботится об этом. Оно следит за правильной деятельностью домов терпимости и обеспечивает разврат для гимназистов. И доктора за жалованье следят за этим. Так и следует. Они утверждают, что разврат бывает полезен для здоровья, они же и учреждают правильный, аккуратный разврат. Я знаю матерей, которые заботятся в этом смысле о здоровье сыновей. И наука посылает их в дома терпимости.

– Отчего же наука? – сказал я.

– Да кто же доктора? Жрецы науки. Кто развращает юношей, утверждая, что это нужно для здоровья? Они. А потом с ужасной важностью лечат сифилис (КС: 18)¹²⁵.

К вопросу контроля над рождаемостью Толстой возвращается в «Послесловии» (КС: 81), затрагивая тему, важную для России конца столетия. Повышенная социальная мобильность и изменения в структуре семьи, характеризующие вторую половину XIX в., требуют большего контроля над рождаемостью. Самым распространенным способом контроля является аборт; народная медицина всегда располагала множеством «натуральных» средств, используемых для этой цели, тогда как в более состоятельных слоях общества прибегали к более изысканным методам, требовавшим врачебного вмешательства. Несмотря на то что данная практика была наказуема Уголовным кодексом, в период с 1897 по 1912 г. в Санкт-Петербурге число аборт возрастает в десять раз, так что врачи во избежание опасностей для женского здоровья требуют большей либерализации законодательства о разводе. В 1893 г. в медицинских журналах начинают говорить о новых контрацептивных средствах – презервативах, хотя лишь на заре нового столетия врачи предложат государству декрими-

---

¹²⁵ О недоверии Толстого к врачам ср.: Сироткина 2002: 109–119. По теме отношения Толстого к медицине существует обширная литература, с подробным списком которой можно ознакомиться в вышеуказанном произведении.

нализацию аборта и распространение новых методов контрацепции для «контролируемого и рационального воспроизводства» (Engelstein 1994: 334–358).

Глубокие изменения претерпевает и дискурс на тему проституции (Кон 2010: 109–116). После 1860-х годов она объясняется с двух противоположных точек зрения: для консерваторов это результат падения нравов, вызванного урбанизацией и европеизацией, а для прогрессистов – плод бедности и плохих социальных условий: «Женщину ввергают в проституцию прежде всего нужда, голод, затем само общество, из среды которого выделяются проститутки. Общество создало проституцию» (Кузнецов 2004: 550–551). Таким образом, если народники пытаются спасти некоторых проституток, предлагая им возможность начать жизнь заново (ср.: Паперно 1996: 90–92), государство и консерваторы стремятся контролировать и регламентировать их поведение и обычаи. Со второй половины XIX в. государство, которое до Николая I официально игнорировало данное явление, начинает вплотную заниматься этой проблемой, и дома терпимости становятся идеальным местом для «лечения» проституток и для надзора над этим уклоняющимся от закона и слабо поддающимся контролю слоем населения¹²⁶.

В 1843 г. при Медицинском департаменте Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге, а год спустя и в Москве учреждается особый «Врачебно-полицейский комитет» по надзору над проститутками и лечению венерических болезней: «Цель учреждения – искоренение лобострастной болезни» (Пушкарева, Бессмертных 2004. III: 603). За постановлением, учреждающим этот орган, следует ряд предписаний, устанавливающих критерии, руководствуясь которыми, врачи и полиция должны контролировать жизнь и гигиенические нормы домов терпимости, их владельцев и самих проституток (Там же: 603–676). В 1861 г., когда сифилис широко распространяется в обществе, Министерство внутренних дел утверждает документ, которым поручает Врачебно-полицейскому комитету предупреждать распространение болезни (Там же: 614–632). В нем даются весьма детальные предписания, устанавливающие настоящий полицейский режим и создающие

---

¹²⁶ О жизни в домах терпимости ср.: Кузнецов 2004: 564–571.

разветвленную сеть контроля над жизнью проституток и над домами терпимости, которые с самого своего возникновения должны находиться под непосредственным контролем полиции. Особо тщательный надзор осуществляется над проститутками без постоянного места жительства, так называемыми «бродячими женщинами развратного поведения», составляющими один из наименее стабильных и наименее поддающихся контролю пластов населения. В 1845 г. министр внутренних дел констатирует, что если до введения норм считалось, что в Петербурге жило 400 проституток, то в действительности, по данным комитета, их число достигает 2000 человек (Покровская 1902: 689). Врач-гигиенист того времени М.И. Покровская в своем трактате о проституции объясняет это явление ненадежными условиями жизни семей: «Надо стремиться изменить общественные формы жизни таким образом, чтобы брачная жизнь была возможна для всех, а не искать компромисса в проституции» (Покровская 1900: 3)¹²⁷. В целях борьбы с проституцией Покровская предлагает закрыть дома терпимости и по примеру Франции и Англии учредить институты социальной реабилитации проституток (Там же: 31–33).

Монолог Позднышева не исчерпывается критикой покрываемого государством разврата: он открывает атаку по всем фронтам, задевая и другие жизненные нервы семьи: отношения матерей с детьми, а также воспитание и здоровье потомства, находящиеся теперь в центре семейного и женского внимания. Ставя заботы о здоровье и воспитании детей во главу угла, государство посредством семьи пытается полностью реализовать инновационный воспитательный проект, пользуясь инструментарием недавно изобретенной науки – педагогики. Координируя усилия двух больших дисциплинарных институтов – семьи и школы – так, чтобы они действовали в синергии, государство воплощает на практике иную воспитательную модель, которая, по словам социолога П.А. Сорокина, предполагает не утрату власти семейной ячейкой, а использование этой власти самим государством:

---

¹²⁷ Покровская приводит также данные о количестве проституток в России в 1899 г., об их возрасте, образовании и пр. (Там же: 9).

Происходящий в наше время перелом отношений родителей и детей означает падение родительской опеки и замену ее опекой общества и государства, постепенную утрату семьей ее учительски-воспитательной роли и приобретение этой роли обществом и государством (Сорокин 1916. № 3: 162).

Поэтому в эти годы начинают широко распространяться педагогические тексты, в том числе работы В.Н. Жука и Е.И. Конради, а также произведения Толстого-педагога¹²⁸. Задача воспитания в семье возлагается на женщину, которой отводится роль жены – матери – воспитательницы – хранительницы семьи, передающей потомкам ее ценности и отвечающей за становление новых поколений. Это предвосхищал еще воспитательный проект Руссо, проникший в Россию в том числе и через книгу Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека. Наставление юноше» (1834). Она получила здесь широкое распространение и, весьма вероятно, была известна Толстому, который высоко ценил «Мои темницы» (Пеллико 1836)¹²⁹.

Примером роли педиатрии в обществе того времени является деятельность известного московского педиатра Е.А. Покровского, знакомого Толстого. В атмосфере живого интереса к медицинским наукам, возникшего в России после 1860 г., в 1883 г. создается «Московско-Петербургское медицинское общество», переименованное в 1886 г. в «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова». Оно учреждает комиссию по поощрению программы профилактики и санитарного воспитания населения, страдающего от глубокой отсталости, множества предрассудков и повсеместной безграмотности¹³⁰. При поддержке медиков, старающихся познакомить широкие слои общества с санитарными нормами, появляется богатая научно-популярная литература. В 1889 г. по совету Толстого Покровский публикует книгу под названием «Об уходе за малыми детьми», в которой

---

¹²⁸ Жук 1911 (эта книга, опубликованная в 1880 г., до 1906 г. выходит в восьми изданиях); Конради 1876; Конради 1883; Толстой 2010.

¹²⁹ О мнении Толстого по данному вопросу ср.: Опульская 1979: 90.

¹³⁰ Об Обществе русских врачей ср.: Becker 2011: 247–249; Frieden 1978: 240–242.

не только дает женщинам советы по воспитанию потомства, но и обсуждает темы брака, лечения и здоровья матери. В этой работе мы находим многие из тем, поднимаемых Толстым в «Крейцеровой сонате», но уже в форме популярно-медицинского трактата¹³¹. Речь идет о дискурсе, активно распространяющемся в обществе и содержащем в научной форме ту же идею, которую Толстой выразил в художественном виде. В брошюре утверждается, что предпосылкой к детскому здоровью является прочный брак между супругами, пребывающими в хорошем здоровье и добрых взаимоотношениях:

По вступлении в брак муж и жена прежде всего должны заботиться о том, чтобы поддерживать между собою взаимное согласие. Мир между супругами есть первое условие для успешного воспитания детей. Ссоры между родителями, происходящие от самодурства мужа или от сварливости жены, суть главные препятствия для правильного воспитания (Покровский: 1910: 9).

Кроме того, необходимо избегать венерических болезней и придерживаться «корректного» сексуального поведения: «Кроме возраста и здоровья при вступлении в брак не следует забывать о своих болезнях. Многие болезни родителей нередко целиком переходят к детям» (Там же).

Следующие пункты работы Покровского повторяют те же идеи, на которых настаивал Толстой в «Послесловии»:

Третье то, что в нашем обществе, вследствие опять того же ложного значения, которое придано плотской любви, рождение детей потеряло свой смысл и, вместо того, чтобы быть целью и оправданием супружеских отношений, стало помехой для приятного продолжения любовных отношений, и что потому и вне брака и в браке, по совету служителей врачебной науки, стало распространяться употребление средств, лишаящих женщину возможности деторождения, или стало входить в обычай и привычку то, чего не было прежде и теперь еще нет в патриархальных крестьянских семьях: продолжение супружеских отношений при беременности и кормлении (КС: 81).

---

¹³¹ С 1889 по 1912 г. книга Покровского издается девять раз.

Также педиатр подтверждает, что ключ к детскому здоровью – грудное вскармливание: «Первою пищею только что родившегося ребенка должно быть грудное молоко матери» (Покровский 1910: 15–16)¹³².

Сам Толстой во время написания «Сонаты» знакомится с рядом американских медицинских источников, среди которых – «Токология, или Наука о деторождении» врача-гинеколога из Чикаго Алисы Стокгем (Стокгем 1892). Писателя глубоко впечатляет этот текст, призывающий к борьбе с проституцией, большей гигиене, половому воспитанию и к более духовной любви в семье (следует отметить, однако, что замысел автора состоял в том, чтобы научить женщин предохраняться от слишком частых беременностей). Толстой остается под таким впечатлением от книги Стокгем, что обращается к ней самой с предложением заказать перевод ее произведения на русский язык по своей личной рекомендации и сам берется написать к нему введение. В частности, восторг у Толстого вызывает глава, посвященная целомудрию в супружеских отношениях, которую он восхваляет в письме, адресованном автору:

Без работы в этом направлении человечество не может идти вперед; и мне кажется, что мы очень отстали, особенно в вопросе, разбираемом в XI главе вашей книги. <...> Половые отношения без желания и возможности иметь детей хуже проституции и онанизма и фактически являются и тем и другим (Толстой 1953e: 202; ср.: Edwards 1993).

Тем не менее, несмотря на то что у Стокгем много общих взглядов с Толстым, первая допускает сексуальные отношения в браке – правда, при условии, что они будут подчинены высокой духовности, какая должна царить в брачном союзе (Stockham 1896). Новизна книги американского врача заключается в создании научно-популярного медицинского дискурса на ранее замалчиваемые темы, что способствует распространению среди широкой аудитории жизненно важной информации о воспроиз-

---

¹³² Позднышев также заявляет: «...когда женщина не урод, то есть сама кормит» (КС: 38).

водстве, физиологических аспектах беременности, болезнях, гигиене и т. д. Эти дискурсы, существующие как в литературной, так и в научной форме, уже свободно распространяются в обществе. Чехов, олицетворяющий собой слияние обеих профессий – врача и писателя, обращает особое внимание на «Крейцерову сонату» и наряду с хвалебными отзывами пишет в 1890 г.:

Так, его суждения о сифилисе, воспитательных домах, об отвращении женщин к совокуплению и проч. не только могут быть оспариваемы, но и прямо изобличают человека невежественного, не потрудившегося в продолжение своей долгой жизни прочесть двести книжки, написанные специалистами (Чехов 1890: 367–368).

После прочтения «Послесловия» реакция ученого окончательно побеждает реакцию писателя, и Чехов утверждает:

Я третьего дня читал его «Послесловие». Убейте меня, но это глупее и душнее, чем «Письма к губернаторше», которые я презираю. Черт бы побрал философию великих мира сего! Все великие мудрецы деспотичны, как генералы, и невежливы и неделикатны, как генералы, потому что уверены в безнаказанности. Диоген плевал в бороды, зная, что ему за это ничего не будет; Толстой ругает докторов мерзавцами и невежничает с великими вопросами, потому что он тот же Диоген, которого в участок не поведешь и в газетах не выругаешь. Итак, к черту философию великих мира сего (Чехов 1891: 231–232; ср.: Lazarus 1992).

В дискуссии по семейному вопросу звучит и криминологический дискурс, в рамках которого начинает подвергаться анализу социальное поведение женщин. В основе этого подхода лежит убеждение, доминирующее в интеллектуальной среде конца XIX в., согласно которому в мужчине превалирует интеллект, тогда как в женщине эмоции берут верх над рациональным началом. Так, физиологические циклы женщин (половая зрелость, материнство, менструации и пр.) якобы обуславливают их сексуальность, социальную роль, а также умственное и физическое здоровье (Kowalsky 2009: 81–82). Их общественная и семейная жизнь также влияет на сексуальность, которая будто бы коренится

в основе многих преступных действий, совершаемых женщинами. Итак, женская сексуальность, понимаемая как «репродуктивная способность», является по этой теории одновременно источником нравственности и причиной женской преступности. Русские юристы, идя по стопам Ломброзо, видят в женщине воспитательницу и мать, оплот семейного уклада, но именно в кругу семьи созревает и ее преступное поведение. Так, известный юрист и криминолог И.Я. Фойницкий в 1893 г. пишет статью под названием «Женщина-преступница», где отстаивает следующие идеи:

[С]амую высшую преступность проявляет у нас женщина проститутка, а непосредственно за нею стоит женщина «неопределенных занятий», а именно отнесенная к этой группе женщина, занимающая домашним хозяйством; напротив, женщины всякого правильного честного труда, не исключая женщин фабричных, о которых сложились нелестные для них отзывы, отличаются замечательно низкой относительно преступностью. Домашний очаг, таким образом, отнюдь не ограждает женщину от преступлений, лучшим средством против которых, по крайней мере при современных условиях нашей жизни, оказывается для нее именно труд (Фойницкий 1893. № 2: 142; Фойницкий 1893. № 3: 118).

Врачи и ученые приходят к заключению, что практика принуждения к нежеланному браку часто вызывает жесткую реакцию со стороны молодых женщин по отношению к членам семьи и потому является стимулом для женской преступности. Кроме того, их изоляция в домашних стенах и сосредоточенность на жизни в семейном кругу часто приводят к совершению преступных действий, вызванных отклонениями от нормы в половой жизни. В 1898 г. врач-криминалист и антрополог П.Н. Тарновская приходит к выводу, что причиной многих убийств, совершаемых женщинами, может быть преждевременная сексуальная активность как следствие ранних браков.

[У]головная преступность женщин характеризуется также двумя видными преступлениями, не свойственными мужчинам, – это 1-е мужеубийство вследствие полового отвращения, и 2-е детоубийство, обыкновенно совершаемое девушками-матерями.

Преступления первой категории чаще всего встречаются среди сельского населения, где девушек выдают замуж в очень юном возрасте, на шестнадцатом, семнадцатом году, нередко еще *до наступления у них менструации* (Тарновская 1902: 95).

Исследовательница также добавляет, что во время нескольких посещений одной из московских тюрем, куда попадали при пересылке женщины-заклученные, отправляемые в Сибирь или на Сахалин, ее поразил юный возраст многих женщин, осужденных за мужеубийство. В ходе многочисленных расспросов выяснилось, что причиной убийства мужа было либо глубокое отвращение к нему, либо крайние извращения в половых отношениях (Там же: 345)¹³³.

Эти положения отстаивает и юрист И.Х. Озеров. Он призывает к проведению социальных реформ, направленных на улучшение положения женщины в семье ради того, чтобы устранить большинство факторов, приводящих ее к насилию. Действительно, если домашние стены защищают женщину от внешней агрессии, то они же нередко и побуждают ее к семейным преступлениям. Следовательно, необходимо осуществить перемены, которые изменили бы в лучшую сторону роль женщины в супружеских отношениях, сделав их более «созвучными ее природе» и нейтрализовав таким образом ее «опасность». Озеров утверждает:

Сильное участие женщины в супругоубийстве и убийстве родственников рисует довольно печально положение семьи, где женщина для разрешения жизненных коллизий должна прибегать к убийству. <...> Интересно также сильное участие женщины в преступлениях против половой нравственности. Может быть, это находит свое объяснение в том, что женщина вследствие неучастия в общественной жизни более сосредоточивает свою деятельность в сфере интимных отношений (Озеров 1896: 59)¹³⁴.

---

¹³³ Это утверждение поддерживает также Н. Зеланд (Зеланд 1899: 14).

¹³⁴ Склонность женщин к совершению преимущественно семейных преступлений, таких как мужеубийство, убийство родственника и детоубийство, касается, впрочем, всей Европы, а не только России (Зеланд 1899: 5).

Супружеская измена как угроза обществу

Супружеская измена – пугало для института брака (и в то же время, по мнению Тони Теннера, источник жизненного сока для художественной литературы) – становится объектом ожесточенных нападок Толстого:

[В] нашем обществе, вследствие взгляда на любовное общение не только как на необходимое условие здоровья и на удовольствие, но и как на поэтическое, возвышенное благо жизни, супружеская неверность сделалась во всех слоях общества <...> самым обычным явлением. И я полагаю, что это нехорошо. Вывод же, который вытекает из этого, тот, что этого не надо делать. Для того же, чтобы не делать этого, надо, чтобы изменился взгляд на плотскую любовь, чтобы мужчины и женщины воспитывались бы в семьях и общественным мнением так, чтобы они и до и после женитьбы не смотрели на влюбление и связанную с ним плотскую любовь как на поэтическое и возвышенное состояние, как на это смотрят теперь, а как на унижительное для человека животное состояние, и чтобы нарушение обещания верности, даваемого в браке, казнилось бы общественным мнением по крайней мере так же, как казнятся им нарушения денежных обязательств и торговые обманы, а не воспевалось бы, как это делается теперь, в романах, стихах, песнях, операх и т. д. (КС: 80–81).

В поддержку своего тезиса автор, как и в эпитафии к «Анне Карениной», обращается к Священному Писанию: сначала устами Позднышева, а затем и от своего лица в «Послесловии»:

Половая страсть, как бы она ни была обставлена, есть зло, страшное зло, с которым надо бороться, а не поощрять, как у нас. Слова Евангелия о том, что смотрящий на женщину с воделением уже прелюбодействовал с нею, относятся не к одним чужим женам, а именно – и главное – к своей жене (КС: 31).

В Евангелии ведь сказано ясно и без возможности какого-либо перетолкования <...> во-вторых, то, что человеку вообще, и, следовательно, как женатому, так и неженатому, грешно смотреть

на женщину как на предмет наслаждения (Мф. V, 28–29), и, в-третьих, то, что неженатому лучше не жениться вовсе, то есть быть вполне целомудренным (Мф. XIX, 10–12) (КС: 88)¹³⁵.

«Грех», о котором рассуждает Толстой, касается всех, но гораздо тяжелее отражается на судьбе женщин. Общественное мнение в России всегда было безжалостно по отношению к совершавшим прелюбодеяние, особенно если это были женщины. Напомним, что наряду с официальным кодексом существовали и прочно устоявшиеся народные традиции, распространенные по всей России, в рамках которых этот «грех» считался одним из самых тяжких оскорблений общественной морали, особенно если его совершала замужняя женщина. Даже потеря девственности до брака не вызывала у общественности такой резкой реакции, как прелюбодеяние. Кроме того, в этом случае женская честь значила меньше, чем мужская, так что в народной среде женщина подвергалась позорящим публичным наказаниям за оскорбление добрых нравов и за посягательство на устои:

Заковывали в железо и «вязали столбу (sic!) на несколько дней», водили обнаженных «с музыкой», с венками из «будяков» (репьев) на головах, по пути избивая, засыпая глаза придорожным песком, заставляя танцевать или целовать измазанные дегтем ворота, только тех, кто был бесправен, беспомощен и бессловесен. Причем «особо отличались» во время ритуала опозорения – гиканьем, криками, оскорблениями, бросанием камней в падшую женщину, – дети, подростки, но главным образом женщины-соседки (Пушкарева 2002: 203–204)¹³⁶.

Дворянское общество не прибегало к телесным наказаниям, но придерживалось тех же принципов. О половом неравенстве в оценке адюльтера говорит и Песцов в «Анне Карениной», когда беседа заходит о правах женщин в браке. Обмен мнениями – прерогатива мужского общества, и начинается только после ухода

---

¹³⁵ «А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф 5: 28).

¹³⁶ О наказаниях за супружескую измену ср.: Кон 2010: 104–105.

дам: «Неравенство супругов, по его мнению, состояло в том, что неверность жены и мужская неверность наказывались по-разному, как законом, так и общественным мнением» (АК XVIII: 412). Адюльтер со стороны мужчины считается возможным и приемлемым действием, как явствует из завязки романа, где описывается измена Степана Аркадьевича Облонского жене. Согласно действующим общественным нормам, муж не испытывает никакого раскаяния, разве что из-за того, что не сумел скрыть своего проступка:

Все смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме француженкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме (АК XVIII: 3).

Он [Облонский] раскаивался только в том, что не умел лучше скрыть от жены. Но он чувствовал всю тяжесть своего положения и жалел жену, детей и себя. Может быть, он сумел бы лучше скрыть свои грехи от жены, если б ожидал, что это известие так на нее подействует (АК XIII: 5).

Даже вести себя потерпевшим супругам положено по-разному, в зависимости от пола: женщина должна прощать, а мужчина может дойти до ненависти, как следует из диалога между Долли и Карениным:

– Я простила, и вы должны простить! <...>

– Простить я не могу, и не хочу, и считаю несправедливым.

Я для этой женщины сделал все, и она затоптала все в грязь, которая ей свойственная. Я не злой человек, и никогда никого не ненавидел, но я ее ненавижу всеми силами души и не могу даже простить ее потому, что слишком ненавижу за все то зло, которое она сделала мне (АК XVIII: 415–416).

Женская измена может быть приемлема только в том случае, когда не выносится на обозрение общества; как только она становится явной, как в случае с Анной, то тотчас же делается нестерпимой. Именно это показывает нам Толстой в известной сцене унижения Карениной, осмелившейся явиться в театр в статусе

«падшей женщины» (АК XXXIII); это событие – лишь прелюдия к жесткому остракизму, которому героиня будет подвергаться на протяжении всего романа. Осуждение общества выражается в словах Бетси Тверской, приводимых самой Анной:

Ты знаешь, единственная женщина, которая приехала ко мне в Петербурге, это была Бетси Тверская? Ты ведь ее знаешь? Au fond c'est la femme la plus dépravée qui existe. Она была в связи с Тушкевичем, самым гадким образом обманывая мужа. И она мне сказала, что она меня знать не хочет, пока мое положение будет неправильно (АК XIX: 212–213).

Для мужчины, напротив, удачная попытка соблазнить женщину из высшего света является поводом для хвастовства. Вот размышления Вронского по этому поводу:

Он знал очень хорошо, что в глазах Бетси и всех светских людей он не рисковал быть смешным. Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки и вообще свободной женщины может быть смешна; но роль человека, приставшего к замужней женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеянье, что роль эта имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна (АК XVIII: 136).

Даже мать гордится авантюрой сына с такой высокопоставленной женщиной:

Мать Вронского, узнав о его связи, сначала была довольна – и потому, что ничто, по ее понятиям, не давало последней отделки блестящему молодому человеку, как связь в высшем свете, и потому, что столь понравившаяся ей Каренина, так много говорившая о своем сыне, была все-таки такая же, как и все красивые и порядочные женщины, по понятиям графини Вронской (АК XVIII: 183).

С юридической точки зрения нарушение таинства брака является преступлением и как таковое описывается Толстым

в «Анне Карениной», где женская измена подается как вина, как преступление, подобное убийству. После соития с Вронским Анна чувствовала себя «преступною и виноватою»; «он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни» (АК XVIII: 157–158).

Этот мотив прослеживается и в «Крейцеровой сонате». В период вынашивания замысла повести в обществе велась ожесточенная юридическая дискуссия по поводу супружеской измены. Со времен Петра I дела по адюльтеру находились в юрисдикции то светской власти, то церковной, но в результате реформы 1864 г. их компетенции были разграничены. Начиная с этого времени оскорбленная сторона могла обратиться в уголовный суд при условии отказа от права на развод или же ходатайствовать о предоставлении этого права в церковном суде на основании супружеской измены. В 1885 г. вспыхивает новая дискуссия, приводящая к реформе 1903 г.: участники этой дискуссии призывают к тому, чтобы адюльтер рассматривался не как личное оскорбление, а как преступление общественного порядка. Но суд, оправдывая Позднышева, пока еще действует в защиту оскорбления индивидуальной чести. В этом приговоре проявляется наследие патриархальной ментальности, в рамках которой изменившая женщина представляется столь непотребным созданием, что убийство ее оскорбленным мужем выглядит оправданным даже в глазах закона. Несмотря на живучесть этих пережитков прошлого, государство выдвигает свои требования по контролю над преступлением измены. Как утверждает юрист Франц Риттер фон Лист, власти обязаны защищаться от супружеской измены, чтобы сохранить чистоту государственного правового института брака (Цит. по: Абрашкевич 1904: 600). Дискуссия заканчивается тем, что прелюбодеяние окончательно переходит в компетенцию Семейного кодекса, хотя продолжает считаться уголовным преступлением:

Порядок в семье, составляющий условия порядка в обществе, по мнению *большинства членов* Особого Присутствия, несомненно предполагает уголовную наказуемость деяния, последствием которого в большинстве случаев является распадение и даже расторжение самой семьи (Там же: 606–607).

По мнению юриста М.М. Абрашкевича, современника Толстого, если супружеская измена, представляющая угрозу для института брака (в качестве тайнства и в качестве государственного учреждения), ранее скрывалась и замалчивалась, то в конце века она выставляется напоказ и в жизни, и в литературе; отсюда необходимость навести порядок в законах, которые ее касаются. Это еще одно свидетельство медленного, но неумолимого движения истории ментальностей.

В наши дни адюльтер приобретает права гражданства. Чистота семейных нравов отступает пред ним все далее и далее. Верность супружескому долгу рисуется особенной заслугой, из простой естественной обязанности в подвиг. <...> В современной литературе, отражающей так печально сложившуюся жизнь, трудно отыскать произведение, которое бы не затрагивало так или иначе вопроса о нарушении супружеской верности (Там же: 614–615).

Если неписанный кодекс брака по расчету предусматривает практику адюльтера при условии, что его не выносят на обозрение общества, то для буржуазного брака, основанного на субъективном выборе, любви и взаимопонимании, отклонения в сексуальном поведении одного из супругов являются серьезной угрозой, поскольку влекут за собой целую лавину побочных эффектов. Измена как нарушение брачного договора означает отрицание самих основ брака и, следовательно, приводит к его разрушению. И если считать, что брак лежит в основе существования общества, то измена представляет непосредственную опасность для самой структуры социума. В этом и заключается обвинение, скрыто присутствующее в словах Позднышева и напрямую высказанное социологом Сорокиным:

А все сказанное о росте внебрачных детей, аборта и протитуции достаточно убедительно доказывает факт роста внебрачных связей и тем самым ослабления супружеской связи, иначе говоря, увеличивающееся разложение брака и семьи (Сорокин 1916. № 2: 180).

Прежде виновного в супружеской измене сурово наказывала церковь при содействии государства. Сам факт признания супружеских уз таинством означал, что прелюбодей осквернял себя тяжким грехом:

Человек, собиравшийся посягнуть на семейный союз, должен был считаться не только с вопросом удобства и счастья, как теперь, но должен был пойти на великий грех, посягнуть на догматы и авторитет церкви, потерять душу, предать ее дьяволу и, сверх того, считаться с немалыми карами, налагавшимися государством. <...> Этой религиозной основой брака и объясняется факт беспощадных наказаний за прелюбодейние, налагавшихся государством на прелюбодеев (Там же: 188).

Теперь покушение на супружеский союз не обязательно влечет за собой «потерю души», но означает угрозу общественным ценностям; из религиозной и индивидуальной сферы адюльтер переходит в сферу светскую и публичную. И эта «скандальная» социальная ситуация отражается в литературе, которая ее преломляет и распространяет, как утверждает юрист Б.Н. Чичерин: «Современный роман представляет нам картину этого хаотического брожения, в котором господствует всеобщий разлад» (Цит. по: Абрашкевич 1904: 615). В обществе становятся популярны произведения Жорж Санд; ее кредо – «свобода сердца» – воплощается в романе «Жак» (1834), в котором революционные круги находят для себя руководство к действию в случае измены. В романе обманутый муж оставляет жену, и, таким образом, оба любовника получают возможность жить вместе. «Жак» становится предметом для дискуссии у поколения 1840-х годов; Чернышевский предлагает жене прочитать его и планирует свое будущее существование на основании этого нового поведенческого кодекса (Паперно 1996: 103–104). Возникает целое литературное направление (от «Полиньки Сакс» Дружинина до «Кто виноват?» Герцена), центральными темами которого являются измена и уход от супруга. Антитезой именно такому типу литературы становится «Крейцера соната».

Развод в конце столетия

В годы, когда Толстой пишет «Крейцерову сонату», тема развода выходит в обществе на первый план, о чем свидетельствует следующий отрывок:

Адвокат говорил о том, как вопрос о разводе занимал теперь общественное мнение в Европе и как у нас все чаще и чаще являлись такие же случаи. Заметив, что его голос один слышен, адвокат прекратил свою речь и обратился к старику.

– В старину этого не было, не правда ли? – сказал он, приятно улыбаясь. <...>

[С]тарик надел прямо и глубоко свой картуз, поправился на месте и начал говорить.

– Бывало, сударь, и прежде, только меньше, – сказал он. – По нынешнему времени нельзя этому не быть. Уж очень образцованные стали (КС: 9).

Действительно, в отличие от брака по расчету буржуазный брак допускает расторжение супружеских уз: если первый исключал его априори, видя в нем отрицание брачного договора, то для второго развод становится единственным средством исправления ситуации в случае измены. Когда «преступление» уже совершено, существует лишь один способ спасти брачное соглашение – позволить расторгнуть один договор ради возможности заключить другой. Поэтому в конце столетия растет количество разводов и все настойчивее делается выдвигаемое реформистским обществом требование секуляризации, которому активно сопротивляется церковь (Wagner 1994: 101–205). Таким образом, возникает противостояние между светской и церковной властью, как явствует из слов С.П. Григоровского, начальника Канцелярии Святейшего Синода и члена бракоразводного отделения Канцелярии:

Следственная часть по делам брачным и в частности по делам о расторжении браков по прелюбодеянию одного из супругов нередко приводится среди других оснований для передачи брачных дел в суд светский; говорят, что в духовном суде следствие по этим делам производится не обстоятельно, что духовный суд не

имеет в своем распоряжении для правильного и скорого производства следствия тех средств, которыми располагают преобразованные суды светские (Григоровский 1911: 40–41).

Как мы видели, церковь упорно противится легализации раздельного жительства и вовлечению светских судов в бракоразводный процесс. Несмотря на это, число фактических случаев раздельного проживания возрастает, и если раньше расторжение брака допускалось почти исключительно в случае длительного отсутствия супруга или лишения его гражданских и политических прав, то теперь совершается все больше разводов из-за супружеской измены. В самом деле, в 1867 г. они составляют 2%, в 1886 г. их количество увеличивается до 12,7%, а в период с 1905 по 1913 г. оно уже достигает 97,4% (Верременко 2009: 63).

Как сообщает юрист прогрессивных взглядов И.В. Гессен, в конце столетия ситуация с разводом и с раздельным жильем супругов в России выглядит весьма отсталой по сравнению с остальной Европой, поскольку развод чрезвычайно трудно получить, а раздельного жительства вообще не существует как правового института. На протяжении почти 100 лет предпринимались попытки исправить эту, по выражению Гессена, «ненормальность существующего положения», но окончательные результаты достигнуты не были (Гессен 1914: 1; ср.: Wagner 1994: 138–223). Такую же картину описывает и Григоровский, реконструируя в своем трактате 1911 г. историю законодательства о разводах за последние 25 лет. В первой части своего труда автор перепечатывает брошюру, написанную им самим по этому вопросу в 1898 г., чтобы сравнить правовую ситуацию того времени с действующей в 1910 г. Действующая ситуация рассматривается во второй части и сопровождается проектами Гражданского кодекса 1905, 1906 и 1907–1909 гг. по тому же вопросу (Григоровский 1911). Из его исторического экскурса явствует, что, несмотря на то что на протяжении последних 25 лет данный вопрос находился в поле зрения прессы, государственных органов и Святейшего синода, окончательное законодательное решение по нему так и не было принято (Там же: 4). Но автор признает необходимость такого решения, обусловленную тем, что существующие законы уже устарели и не отвечают полностью изменившимся требованиям жизни (Там же: 7). Тем не менее в последнюю четверть

века в законодательство все же были внесены некоторые поправки; интересно отметить, что наиболее важные из них касаются вопросов прелюбодеяния (Там же: 21–49).

В 1884 г. Государственный совет поручает Министерству юстиции пересмотреть закон о раздельном проживании супругов, и в 1897 г. комиссия по реформе Гражданского кодекса представляет проект, который, хоть и не устраняя до конца остатки института патриархата, укоренившегося в системе за века своего существования, все же подрывает абсолютную власть главы семьи. В проекте затрагиваются вопросы развода и раздельного проживания, но пока не решается проблема их секуляризации (ср.: Добровольский 1903: 232–238). Действительно, еще в 1909 г. юрист В.Я. Максимов утверждает:

Представители самых разнообразных партий и направлений сходятся во мнениях, что безусловно необходимо изъять бракоразводный процесс из ведения духовных судов и что предусмотренные в современном законодательстве поводы к разводу являются недостаточными и не отвечают жизненным требованиям (Максимов 1909: 9)¹³⁷.

Того же мнения придерживается и юрист В.И. Добровольский: он приходит к выводу, что представленный проект реформы далек от того, чтобы облегчить процедуру развода, а напротив, даже пытается сделать ее еще менее осуществимой:

Если кто ожидал, что проектируемая реформа облегчит развод, тот будет горько разочарован: напротив, как видно, составители проекта не только не облегчают возможности развода, но стараются сделать его недостижимым (Добровольский 1903: 242)¹³⁸.

Согласно свидетельству Григоровского,

Особенное же внимание Святейшего Синода было обращено на упорядочение самого производства дел о расторжении

---

¹³⁷ Подробное описание развития проекта в: Гессен 1914: 1–14.

¹³⁸ То же мнение выражает Максимов (Максимов 1909: 13).

браков по прелюбодеянию; в этом направлении Святейшим Синодом издано было не мало разъяснительных циркулярных указов, касающихся, например, определения подсудности дел этого рода, вызова сторон к суду (на судоворение) <...> и т. п. (Григоровский 1911: 6–7)

Таким образом, вокруг темы прелюбодеяния идет горячая дискуссия, но церковь по-прежнему противится использованию измены как доказательства для получения развода, и, невзирая на сильное давление, оказываемое прогрессивными юристами, прессой и обществом, даже проект, представленный комиссией по реформе Гражданского кодекса в 1897 г., не решает проблему. Только в 1904 г. закон позволит тем, кто получил развод из-за супружеской измены, заключить новый брак¹³⁹. Проект 1897 г. не содержит особых новаций, а систематизирует и легализует практику, уже применявшуюся для решения вопроса о раздельном проживании; но в любом случае его так и не пропускает К.П. Победоносцев, обер-прокурор Святейшего синода.

С приходом XX в. наступает новый политический этап, сопровождаемый возрождением культурной жизни, особенно благодаря упразднению цензуры (1906 г.), в результате которого культурные элиты начинают испытывать давление снизу, подталкивающее к осуществлению социальных перемен. В 1905 г. Победоносцев сходит с политической арены, и в следующем году Синод одобряет проект реформы, проведению которой бывший обер-прокурор так активно противился (Полунов 2010: 322–338). В этом случае победа прогрессивного крыла также довольно умеренная, поскольку название окончательного текста закона от 12 марта 1914 г. еще не содержит термина «раздельное жительство или разлучение», но звучит как «закон о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных

---

¹³⁹ Закон гласит: «Ответчику по иску о нарушении святости брака прелюбодеянием, если он был в первом или втором браке, предоставляется право вступить в новый брак, причем прежде вступления в новое супружество он подвергается церковной епитимье по усмотрению духовного суда, согласно церковным правилам» (Высочайше утвержденное определение Св. Синода 28 мая 1904 г. // Тютрюмов 2004).

и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям» (Гессен 1914: 15). Как бы то ни было, отмена положения, по которому женщина не может иметь паспорт и потому не может получить вид на жительство без согласия мужа¹⁴⁰, делает допустимым раздельное проживание *de facto*, пусть и не *de jure* (Там же: 11, 50–53, 153–160)¹⁴¹. Такое проживание уже не контролируется судом, и решение о нем может быть принято по взаимному согласию супругов. Таким образом, Россия делает еще один шаг вперед на своем неспешном пути к модерности, но даже закон 1914 г. – это лишь частичная победа светского духа, поскольку семья по-прежнему рассматривается как институт, созданный на религиозной основе, а православная вера так и остается фундаментом светской власти (Wagner 1994: 138–205). В целом архаичный характер российской законодательной системы сохраняется до конца империи; напомним, что до 1917 г. действия, направленные против семьи, считаются уголовными преступлениями, т. е. преступлениями против государства и общественного порядка, а не частным делом.

Дискуссия вокруг «Крейцеровой сонаты»

Из всего слышанного мною из первых и вторых рук я вывел такое заключение: «Соната» чрезвычайно задела всех, как обухом по голове треснула.

Г.А. Русанов. Письмо. 1891

Повесть Толстого стоит у истоков дискуссии о браке и сексуальных отношениях, разгорающейся в России в 90-е годы XIX в., когда страна, движимая либеральными веяниями, начинает искать собственный путь к модерности. В частности, в эти годы тема сексуальности, которая прежде ограничивалась сферой

---

¹⁴⁰ Закон от 1914 г. гласит: «Замужние женщины, независимо от возраста их, имеют право получать отдельные виды на жительство, не спрашивая на то согласия своих мужей» (Там же: 153).

¹⁴¹ О правах замужних женщин см.: Женский вестник. 1914. 4. С. 116.

личных отношений, выходит за ее пределы и проникает в общественную жизнь, просачиваясь в философско-литературный дискурс. Ослабление государственной цензуры и религиозной морали, а также поиски новых поведенческих моделей, которые, основываясь на религиозно-философских теориях конца века, могли бы составить конкуренцию народническо-революционному проекту, приводят к тому, что тема половой жизни выносятся на открытое обсуждение. Произведение Толстого играет на этом переходном этапе важную роль и вносит огромный вклад в дискуссию, являясь одним из ее основных стимулов. Как утверждает Петер Мёллер, новые дискурсивные практики, касавшиеся тем межполовых отношений, проституции, венерических заболеваний, преступлений сексуального характера, разводов и т. д., ранее появились в Норвегии, а уже оттуда проникли и в русскую культуру. Произведение, положившее начало дискуссии, – «Перчатка» (1883) – принадлежало перу норвежского писателя и драматурга Бьёрнстjerne Бьёрнсона¹⁴².

Русская критика весьма интересуется «Крейцеровой сонатой» еще до ее официальной публикации. Мнения ее представителей расходятся между собой, но все они одинаково неодобрительные. Приблизительно критику можно разделить на три направления: религиозное, консервативное и радикальное. Один из первых вопросов, выносимых на обсуждение, заключается в том, является ли произведение публицистическим или художественным текстом; различие здесь существенно, поскольку в первом случае критика должна быть направлена на самого Толстого и его идеи, а во втором – на Позднышева, которого можно оценивать как положительного или отрицательного персонажа повести, не затрагивая ее автора. Однако вскоре публикация «Послесловия» разрешает это сомнение, и критика обрушивается на самого Толстого.

Самая яростная реакция поступает со стороны церкви, так как нападкам подвергается одно из основных ее таинств – таинство брака. Поэтому целью борьбы против «лживого про-

---

¹⁴² В настоящей работе рассматриваются только те стороны дискуссии, которые имеют отношение к нашему исследованию. Подробное описание всех ее аспектов можно найти в работе Мёллера: Møller 1988.

рока»¹⁴³ является защита собственных законов и установлений, в частности христианского брака. Консервативная партия в значительной степени разделяет моральные принципы Толстого, призывает к большей умеренности, упорядоченности в половых отношениях (начиная с молодежи), в общем, к более строгому соблюдению нравственных норм, но не приемлет самых крайних позиций автора – отрицания христианского брака и соблюдения целомудрия между супругами. Наконец, радикалы защищают супружеские отношения, основанные на общих интересах, идеалах и взаимоуважении, и, следовательно, критикуют презрительное отношение Позднышева к женщинам, считая особенно оскорбительными нападки на женское образование.

Все критические отзывы о «Сонате», какой бы направленно-сти они ни были, объединены одним общим опасением, что слово Толстого с его даром убеждения может оказать слишком сильное воздействие на общество. Критики начинают тщательно анализировать произведение, которое бы охотно проигнорировали, если бы его автором не был Толстой. «Крейцера соната» затрагивает слишком много больных мест, как в частной, так и в общественной сфере; она вскрывает социальный организм, подобно вивисектору, и реакция читателя настолько сильна, что ее предпочли бы избежать вовсе. Но «громкое имя автора и его литературные заслуги таковы, что с его влиянием, добрым или дурным, поневоле приходится считаться», утверждает критик, прячущийся под инициалами А.Н. (А.Н. 1891: 1).

Поэтому церковь задействует своих верховных представителей, а консервативная критика использует в качестве трибуны свое самое влиятельное издание – «Русский вестник», чтобы противодействовать этому вышедшему из берегов потоку, кото-

---

¹⁴³ Эпиграфом к одному из главных религиозных текстов, опубликованных в полемике с «Крейцеровой сонатой», является евангельское предостережение от лжепророков: «Внемлите же от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их. Еда обемлют от терния грозды, или от репия смоквы? Тако всяко древо доброе плоды добры творит; а злое древо плоды злы творит. Не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити» (Мф. 7: 15–18) (Никанор 1894: 3).

рый может накрыть с головой и перевернуть вверх дном все современное общество. Со своей стороны, прогрессивные критики пользуются случаем, чтобы вновь утвердить и усилить позицию поколения 60-х на страницах своих печатных изданий.

Свой вклад в дискуссию вносят и писатели: в качестве реакции на «Крейцерову сонату» появляется своего рода «антилитература». Лесков пишет от первого лица повесть, где рассказывается история прелюбодейки, которая признается в своем грехе повествователю и просит у него совета. Женщина, изменявшая мужу на протяжении многих лет, задает вопрос, следует ли признаться ему в этом, чтобы искупить свою вину. Неожиданный ответ писателя свидетельствует о могуществе общественных институтов:

- Вы мне советуете продолжать мою скрытность?
- Не советую, но думаю, что так будет лучше для вас, для него и для ваших детей, которые, во всяком случае, ваши дети.
- Но почему лучше? Значит, тянуть бесконечно.
- Лучше потому, что при откровенности все было бы хуже, и бесконечность, о которой вы говорите, оказалась бы еще печальнее того, о чем вы думаете (Лесков 1899: 562)¹⁴⁴.

Реакция возникает даже в семье самого Толстого. Его жена Софья Андреевна, разгадавшая автобиографические аллюзии, скрытые в повести, отвечает на нее рассказом под названием «Кто виноват? Рассказ женщины (По поводу “Крейцеровой сонаты”» (Толстая 1994)¹⁴⁵, где высказана точка зрения женщины, чувствующей себя жертвой сексуального желания мужа, который не ценит в ней интеллектуально-богатой личности. Сын Толстого Лев Львович пишет «Прелюдию Шопена», где оспаривает все воззрения отца на супружескую, эмоциональную и половую жизнь и утверждает необходимость ранних браков и активной сексуальной жизни (Толстой Л.Л. 1900; Katz 2014).

---

¹⁴⁴ По теме ср.: Proyart 1992; о реакции писателей ср.: Møller 1988: 208–234.

¹⁴⁵ Графиня так и не опубликовала свой рассказ при жизни, чтобы не подавать повода к семейному скандалу; произведение было отдано в печать только в 1994 г. (Katz 2014).

Все эти пародии, опровержения и подражания общим числом составляют более 20 работ, список которых мог бы занять отдельную страницу библиографии по «Крейцеровой сонате». Позже из литературной и публицистической области дискуссия переносится в религиозно-философскую сферу, и ее аргументы воплощаются в таких произведениях, как «Смысл любви» (1892) Владимира Соловьева, «Семейный вопрос в России» (1903) и «В мире неясного и нерешенного» (1904) Василия Розанова. В дискуссию вовлечен, в частности, санкт-петербургский религиозно-философский кружок, членами которого являются Розанов, Белый, Брюсов, Блок, Бердяев, Флоренский. Так рождается новый сексуальный дискурс, в рамках которого литература и философия соединяются друг с другом, что в начале XX в. отразится на поэтическом дискурсе символизма¹⁴⁶.

Критика со стороны церкви

Мощное вмешательство церкви является весьма любопытным фактором прений, поднявшихся вокруг «Крейцеровой сонаты». Очевидно, что распространение толстовства в России и за границей особенно беспокоит церковь, и потому ее служители с большим вниманием читают каждое произведение Толстого, опасаясь влияния слова великого «еретика». И, когда он покушается на генетическую ячейку христианской общины, на ее главное дисциплинарное ядро – семью, – церковь, расширяя свои возможности общения с паствой, бросает в бой все свои силы. Церковные власти словно бы находят в повести Толстого возможность с новой силой утвердить ценность христианского брака не только как религиозного таинства, но и как социального института, и полемизируют с суровыми словами писателя:

Но так как в истинном христианском учении нет никаких оснований для учреждения брака, то и вышло то, что люди нашего мира от одного берега отстали и к другому не пристали, т. е. не верят, в сущности, в церковные определения брака, чувствуя, что

---

¹⁴⁶ Эти споры описаны в: Шестаков 1991; ср.: Matich 2005.

это учреждение не имеет оснований в христианском учении, и вместе с тем не видят перед собой закрытого церковным учением идеала Христа, стремления к полному целомудрию и остаются по отношению брака без всякого руководства (КС: 86–87).

Церковь, к тому моменту уже пострадавшая от реформы и перемен, произошедших в обществе во второй половине XIX в., находит в «Крейцеровой сонате» повод для того, чтобы открыто участвовать в прениях по вопросу веры, семьи и сексуальности.

Первой попыткой помешать распространению произведения Толстого становятся цензурные ограничения. Победоносцев, в ведении которого находится церковная цензура, сразу замечает опасность «Сонаты» и опасается скандала, который мог бы возникнуть вокруг повести Толстого. Не соглашаясь с главным цензором России Е.М. Феоктистовым, который сразу же накладывает вето на публикацию повести, Победоносцев предпочитает более мягкое вмешательство и высказывается за то, чтобы напечатать ее, предварительно подвергнув, однако, многочисленным цензорским правкам. Эти осторожные шаги цензорская власть предпринимает начиная с середины 80-х годов, чтобы бдительно следить за литературным творчеством Толстого, который в те годы имел связи с американской сектой шейкеров, проповедовавших целомудрие. Кроме того, Толстой также поддерживал связи с некоторыми членами секты скопцов и состоял с ними в тесной переписке (ср.: Salomoni 1989: 99–116). Таким образом, беспокойство Победоносцева было более чем обосновано. Когда Александр III дает разрешение на публикацию «Крейцеровой сонаты» в 13-м томе «Полного собрания сочинений» Толстого, цензор выражает императору свое глубокое сожаление по поводу этого разрешения. Тринадцатый том, поступающий в продажу отдельным изданием, быстро раскупается; спрос на него растет и потому, что он входит в число произведений, которые Толстой разрешил публиковать без авторских прав. Победоносцев так описывает это событие: «Теперь эта книжка в руках и у гимназистов и у молодых девиц. По дороге от Севастополя я видел ее в продаже на станциях и в чтении в вагонах. Книжный рынок наполнен 13м томом Толстого». И, не скрывая своей досады, добавляет: «Толстой – фанатик своего безумия и, к несчастью,

увлекает и приводит в безумие тысячи легкомысленных людей» (Победоносцев 1993: 594).

В этом поединке с литературным гением, снискавшим уже международную славу, церковь выходит на поле боя, наточив меч для сражения в том числе и на литературном поприще. Еще до выхода 13-го тома «Произведений» Толстого, Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский, опубликовал книжку под заглавием «Беседа о христианском браке, против графа Л. Толстого» (Никанор 1894). Никанор, богослов и специалист по борьбе с религиозным сектантством, философ и проповедник с большим публицистическим талантом, сочиняет проповеди, которые отличаются особым стилем, чуждым схоластическому искусству, и выглядят скорее публицистическими статьями; будучи весьма пространными, они предназначаются не для церковного амвона, а для печати. Даже их содержание нетрадиционно: архиепископ рассматривает самые жгучие вопросы своего времени так, как это обычно делает только пресса. Язык и содержание работ Никанора изумляют всех его современников; они имеют большой эффект и завоевывают многих читателей, так как свидетельствуют о глубоком понимании автором событий своего времени. Безусловно художественным произведением архиепископа являются, в числе прочего, его мемуары.

В «Беседе» архиепископ обвиняет «Крейцерову сонату» в нарушении территории, принадлежащей исключительно церкви: «Но Толстой пишет не роман. <...> Его новое измышление скорее следует назвать рассуждением и проповедью. <...> Толстой поучает, проповедует, толкует в своем смысле евангелие, евангелизует» (Там же: 37). Поэтому Никанор решает следовать путем, противоположным толстовскому: если последний пользуется литературой, чтобы говорить о вере и излагать свои предписания «правильного» образа жизни, то архиепископ выбирает почти журналистский стиль для распространения религиозного дискурса. Цель «Беседы» – лишить силы и обезвредить авторитетное слово великого писателя; таким образом, на литературном поле разыгрывается большое сражение за современную семью. Никанор строит свою «Беседу» как разговор с прихожанами. Опасаясь прежде всего влияния «Крейцеровой сонаты» на читателей, автор первым делом пытается разоблачить сущность толстовства:

Но позволительно провидеть, что «Крейцера соната» повлияет на нашу легкую интеллигенцию не слабее, по меньшей мере, того, как в свою пору повлияло пресловутое «Что делать?» Хотя по духу и направлению эти два произведения только отчасти сходны, большую же частью противоположны. То и другое рассчитаны на овец. Куда одна овца потянет, туда шархнутся и все овцы (Там же: 8).

Никанор выражает опасения по поводу «ереси» толстовства и, в частности, отрицания им института христианского брака. Толстой, по его мнению, виновен в нарушении: 1) самых основ не только православной веры, но и всех религий; 2) «основ общественного и государственного порядка»; 3) «самых коренных начал общечеловеческого чувства, да и вкуса, да и смысла» (Там же: 3–8). И автор комментирует: «По нашему же суду, это новое евангелие – слово безумца, решительно выживающего из ума» (Там же: 8).

Но именно эти «умственное помешательство» и «сумасбродная галиматья» позволяют Никанору рассматривать в своих текстах такие вопросы, как любовь, брак и даже сексуальность, – последнюю тему никто не осмеливался затрагивать прежде, а теперь Толстой «назвал ее по имени вслух всего света» (Там же):

Не сдержанным, не взвешенным языком проповедника, оратора, философа, поэта, а бесцеремонно интимным языком врача самых сокровенных болезней человечества называет он по имени такие сокровенности, которые человечество привыкло таить в продолжении тысячелетий, как неназываемые, как *pudenda*. Мы все это, конечно, обойдем, назвав их настолько, сколько нужно, чтобы понять его (Там же: 9).

Прибегая к этой уловке, архиепископ формулирует дискурс на такие животрепещущие темы, как половые отношения, проституция и женское образование (Там же: 14–16). Естественно, Никанор отвергает тезисы Толстого и, приводя почти полностью шестую и седьмую главы «Первого послания св. апостола Павла к Коринфянам», где речь идет о прелюбодеянии, супружестве и девственности, напоминает: «“хорошо человеку не касаться женщины”. Но как, при таких условиях, предостережениях и ограничениях? “Но – отвечает богумудрый апостол – во избежание

блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа”» (Там же: 43; 1 Кор. 7: 2). Ссылаясь на апостола Павла, Никанор утверждает, что производить на свет детей (1 Тим. 2: 1–15) и питать друг к другу в браке не только духовную, но и плотскую любовь – вполне законно.

В человеке она [плотская любовь] никогда не может быть чисто животным чувством, без всякой примеси естественного или извращенного душевного влечения. Но христианство хочет возвысить ее так, чтобы она была нормальным сознательно душевным, или даже духовным, влечением, и в этих видах призывает на нее благословение Божие (Никанор 1894: 46).

Архиепископ оправдывает свои тезисы словами апостола, разъясняя их в очень простой и популярной манере, рассчитанной на широкую аудиторию. В результате его сочинение получает широкое распространение. «Беседу» сразу печатают очень большим тиражом, и спустя всего лишь месяц с момента публикации уже требуется новое издание, которое и выходит в дополненном варианте (Никанор 1894). Текст появляется в печати много раз: в отрывках, в разных журналах, а также в виде отдельной брошюры¹⁴⁷. Его широкое распространение провоцирует многочисленные отклики; на него возникают пародии. Как бы то ни было, «Беседа» Никанора открывает дорогу целому ряду популярных произведений, восхваляющих христианский брак. Среди них – работа богослова А.Ф. Гусева «О браке и безбрачии»¹⁴⁸, где рассматри-

---

¹⁴⁷ Новости и биржевая газета. 1890. № 215–219; Крымский вестник. 1890. № 172–175; Вольный. 1890. № 187, 189, 192, 198, 200, 201, 204; Православное обозрение. 1890. № 8; Воскресный день. 1890. С. 444, 460, 470, 484; Странник. 1890. № 9. С. 26–71. Нами использовано седьмое издание 1894 г.

¹⁴⁸ В октябре–ноябре 1890 г. Гусев читает в Казани цикл из пяти публичных лекций, посвященных анализу учения Толстого. В последних двух лекциях, по просьбе аудитории, Гусев разбирает «Крейцерову сонату» и «Послесловие». На этих двух встречах число слушателей столь велико, что лекция превращается в событие общественной жизни. Тексты обеих лекций сначала печатаются в журнале Казанской духовной академии,

вается «Крейцера соната». Гусев, профессор апологетики Казанской духовной академии, в 1890 г. читает ряд лекций, тексты которых впоследствии решает опубликовать, чтобы сокрушить «пантеистическосоциалистическую систему» Толстого: «Очевидно, о благотворном влиянии «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия» можно говорить лишь постольку, поскольку они дают повод посерьезнее подумать о тех или иных сторонах нашей половой и семейной жизни» (Гусев 1901: 7). Длинное введение, предпосланное богословом его работе, свидетельствует об опасении, что споры, ведущиеся вокруг толстовской повести в России и за границей, могут еще больше дестабилизировать институт брака. Причиной того, что произведения великого писателя вызывают столь громкий резонанс, является, по мнению Гусева, «не только громкое имя гр. Толстого, не духовное только блуждание современного культурного человека», но и важность тем, которые напрямую касаются каждого: «вопрос о половых отношениях, о браке, о семейной жизни» и, в частности, тема брака, затрагивающая «личную, церковную, государственную, общественную» сферы (Там же: 4). Толстой инициировал литературный дискурс, который захватил территорию, принадлежащую церкви и государству, и очарование его языка вкупе с даром убеждения стало реальной угрозой. Гусев приводит в пример случаи, когда в результате чтения «Крейцеровой сонаты» некоторые молодые люди, готовившиеся вступить в брак, отказывались от него. Согласно его свидетельству, один из последователей Толстого, собиравшийся жениться на любимой женщине, прочитав мрачное описание супружеской жизни у Толстого, будто бы впал в такую депрессию, что был близок к самоубийству (Там же: 10). Принимая вызов Толстого, Гусев, идя по стопам Никанора, решительно подтверждает духовную сущность брака и его ценность как христианского таинства:

Что же такое брак? С православно-христианской точки зрения «брак есть таинство, в котором, при свободном пред священником и церковью обещании женихом и невестою взаимной их супружеской верности, благословляется их супружеский союз,

---

а затем выходят отдельной брошюрой (Гусев 1891). Мы использовали второе, дополненное издание 1891 г. (Гусев 1901).

во образ духовного союза Христа с церковью, и испрашивается им благодать чистого единодушия к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей» (Там же: 88)¹⁴⁹.

Еще один священник, Ф.П. Преображенский, в апреле 1891 г. в ответ на «Сонат» публикует брошюру под названием «Христианский брак. Несколько слов о сущности и условиях христианского брака по поводу воззрений графа Л.Н. Толстого в сочинениях: “Крейцеров соната” и “Послесловие” к ней» (Преображенский 1891).

Как можно заключить из анализа церковной критики в адрес «Крейцеровой сонаты», схема, по которой строятся ее доводы, всегда одна и та же: сначала Толстого обвиняют в ереси, так как из писателя он сделался проповедником и пользуется своей славой и своим художественным талантом, чтобы влиять на души читателей (Там же: 5–11); затем приводят отдельные эпизоды «Евангелия» и «Посланий» святых апостолов и, ссылаясь на них, подтверждают ценность брака как святого таинства (Там же: 12–38). Так, Преображенский в третьей части своей работы рассматривает основы и сущность христианского брака. Опровергая «эротико-животную» схему, предложенную Позднышевым, священник говорит о браке как о союзе, основанном на духовной и душевной близости двух личностей (Там же: 40). Его брошюра написана крайне простым, ненаучным языком, годится для легкого чтения, доступна для широкой публики и предназначена для массового распространения; словом, выполнена в том стиле, первооткрывателем которого был Никанор.

Таким образом, церковь с самого начала участвует в формировании нового дискурса сексуальности, предчувствуя угрозу того, что либеральные идеи, вкупе с требованиями социальных перемен и преобразований, могут укорениться в сознании читателей. Церковь упраздняет табу, которое с незапамятных времен было наложено на разговоры на подобные темы, и способствует распространению критики, сохраняющей сильный религиозный привкус.

---

¹⁴⁹ Здесь Гусев цитирует слова Филарета (Митрополит Филарет 2011).

Протоиерей А.П. Разумовский в 1892 г. публикует небольшую книгу, где предлагает прочтение «Крейцеровой сонаты» на основании священных текстов (Разумовский 1892). Самая интересная часть этой работы заключается в исследовании автором сущности любви, включая плотскую любовь, которая, по его мнению, лежит в основе брака. Дав определение духовной любви согласно учению церкви, он описывает нам сущность любви страстной:

Истинная половая любовь способна направить человека на настоящую дорогу, способна смягчить нрав его и победить всякую злобу. Самое сильное из всех чувств человеческой природы, истинная половая любовь располагает человека к всевозможным жертвам, внушает ему самые гуманные мысли (Там же: 40).

В том же духе написана и брошюра, которую Разумовский публикует в 1892 г. под названием «“Крейцера соната” графа Л.Н. Толстого и ее выводы». Это настоящая диссертация о видах, качестве и формах любви, от духовной любви до плотской, где проводятся различия между страстью и любовью, увлечением и «влюблением»: «Мы под любовью разумеем непременный, обязательный закон природы. Истинная половая любовь, как требование закона природы, существует» (Там же: 45). Здесь речь идет о подлинной легитимации сексуальности, предвещающей идеи Розанова.

В поддержку работ Гусева и Никанора выступает и светская критика. За подписью «А. Л.» выходит работа, представляющая собой краткое изложение критических текстов предшественников анонимного автора, на которые последний открыто ссылается. Автор стремится воздействовать на широкую публику очень живым, ясным языком, чтобы противостоять «лживым поучениям» Толстого (А.Л. 1892: 26).

Такие проявления интереса к «Крейцеровой сонате» и глубокого беспокойства по ее поводу со стороны церкви позволяют предположить, что последняя осознает, на каком важном переходном этапе находится общество, и хотела бы играть в нем доминирующую, а не подчиненную роль.

Религиозные писатели и философы

Критика церкви сопровождается отзывами писателей и интеллектуалов религиозного толка, придерживающихся тех же позиций. В 1891 г. в печати выходит письмо писателя Ивана Романова, скрывающегося под псевдонимом «Рцы», который говорит о произведении Толстого в довольно полемическом тоне, сравнивая его идеи с учением секты скопцов¹⁵⁰. По мнению Романова, концепция любви Толстого, которую в повести отстаивает Позднышев, была сформулирована на основе текстов самого известного деятеля скопчества – Кондратия Селиванова. Последний утверждает, что «Протест человеческой природы против животного, которое его подавляет» – это и есть путь духоборчества, крайнее выражение которого есть скопчество» (Рцы 1891: 7)¹⁵¹. Кроме того, Рцы полагает, что трагедия главного героя происходит из триады «любовь–озлобление–брак». Романов осуждает Толстого сначала как писателя, отрицая художественную ценность его произведения, а затем как читателя Священного Писания, смысл которого Толстой якобы искажил, и завершает свой опус обвинением в ереси, из-за которой он окончательно ставит крест на «Крейцеровой сонате».

В январе 1891 г. богослов М. Мирянин выступает в печати со статьей, где яростно бичует произведение Толстого и, в частности, его интерпретацию брака. В своей статье автор отрицает

---

¹⁵⁰ Скопцы – мистическая секта, возникшая изнутри движения христовщины в конце 60-х годов XVIII в. Скопчество (секта евнухов) характеризовалось строгим аскетизмом, часто выражавшимся в том, что сектанты наносили увечья своим половым органам (ср.: Панченко 2002).

Несколько лет спустя, в 1896 г., Розанов также будет проводить аналогию между идеями «Крейцеровой сонаты» и «Страдами» – автобиографическим повествованием в форме евангелия о жизни до возвращения из Сибири Кондратия Селиванова, главы скопчества. По этой теме ср.: Эткин 2013: 96–99; Salomoni 1989.

¹⁵¹ Духоборы – мистическая секта, возникшая в конце XVIII в. Ее члены утверждали существование внутреннего откровения и отвергали православную церковь.

художественную ценность «Сонаты»: по его мнению, это симптом угасания таланта писателя. Мирянин оспаривает в основном три позиции: 1) утверждение, что музыка, балы, танцы и романы могут ввести в искушение; 2) мнение, что современное воспитание подталкивает к греху и разврату; 3) отсутствие веры в потусторонний мир, в результате чего возникает необходимость в земном наказании для грешника (на примере «Анны Карениной»). Нападки на Толстого-еретика, отвергающего церковные догмы, дополняются защитой таинства брака:

[В]се заблуждение Льва Толстого заключается в его полнейшем индифферентизме к Церкви, как к учреждению, освящающему брачный союз и без посредства коего союз лиц двух полов теряет значение Таинства в духовном смысле и значение *брака* в смысле государственном (Мирянин 1891: 36).

Борясь с распространением «ересей», направленных на отрицание христианского брака, в 1893 г. Н.Н. Страхов-младший публикует длинное и подробное исследование под названием «Брак, рассматриваемый в своей природе и со стороны формы его заключения». Как утверждает автор, «представить посильную апологию этого института [брака] и составляет задачу настоящего труда» (Страхов 1893: II). Текст, таким образом, написан в популярной форме и имеет своей целью дать подробное определение религиозной сущности супружеских отношений, потребность в которых якобы вытекает из самой природы человека. В этой работе предпринята попытка вернуть легитимность институту, который «в последнее время стали отвергать как отжившее учреждение» (Там же).

В феврале 1891 г. журналист И.С. Листовский выступает в защиту священного таинства брака в произведении под названием «Заметки на “Крейцерову сонату” графа Л.Н. Толстого» (Листовский 1891). Автор опасается, что наставления Толстого могут оказать отрицательное воздействие на читателей, которые уже считают его пророком. «Искаженная» мысль Толстого о значении брака и об отношениях между полами подрывает церковь в ее основах: «Муж с женою, живя в благословенном браке, составляют церковь. Рождая детей и приводя их к Христу, они

расширяют эту церковь. Без христианской семьи немислимо христианское общество» (Там же: 20). Кроме того, сознательное утверждение Позднышева о том, что целомудрие в итоге должно привести к прекращению человеческого рода, идет вразрез с предписанием церкви: «...раститесь, и множитесь, и населяйте землю» (Быт. 1: 28; ср.: Листовский 1891: 39). Опровергая пункт за пунктом тезисы Толстого, Листовский утверждает, что автор сосредоточил свой выбор на крайнем случае («он вывел на сцену сумасшедшего, эгоиста, развратника и неверующего» (Там же: 45)), и этот случай не может быть показательным. Цитируя притчу о талантах (Мф. 25: 14–30), Листовский завершает свою брошюру обвинением писателя в том, что он использует свой талант, дар Божий, чтобы распространять лживые и вредные поучения (Листовский 1891: 66).

Споры о сексуальности и браке продолжают в течение целого десятилетия и даже приобретают форму публичных встреч, проникая в более широкие общественные слои. В 1901 г. выходит книжка под названием «О христианской семье и связанных с нею вопросах», написанная профессором А.А. Бронзовым и представляющая собой материалы публичной конференции на темы института семьи и брака (Бронзов 1901). Работа открывается опровержением тезисов Толстого – «самозванного учителя», оспаривающего значение семьи. Обоснования приводятся те же, что и во всех трудах религиозного толка того времени, но особый акцент автор делает на порицании движения женской эмансипации. Это движение будто бы отвращает женщин от брака, побуждая их гнаться за «иллюзией» свободных союзов, отвергаемых церковью. И, даже если в некоторых случаях женское образование может быть допустимо, все-таки «истинная сфера деятельности женщины – семья» (Там же: 37).

Писатель М.И. Струженцов читает публичную лекцию по богословию, текст которой затем будет переработан в статью под названием «Христианско-православное учение о браке: по поводу воззрений на брак графа Л.Н. Толстого и некоторых современных публицистов» (Струженцов 1902). Статья подается как тщательный поэтапный анализ религиозной сущности брака во всех его аспектах, включая сексуальный, который не должен считаться позором, падением или грехом, а напротив, явлением естественным

и освященным церковью. Все это – при соблюдении наложенных ею ограничений:

[Ш.]лотские отношения допускаются и благословляются в христианском браке, лишь поскольку они не препятствуют, не причиняют ущерба духовно-нравственному усовершенствованию супругов, как первой цели их брачного союза (Там же: 419).

Струженцов приводит живые примеры глубокого воздействия, которое «Крейцера соната» оказывает на публику, рассказывая историю девушки, которая по прочтении этого произведения начала презирать весь мужской пол, тогда как один интеллигентный молодой человек, помолвленный с другой девушкой, был настолько угнетен чтением «Крейцеровой сонаты», что будто бы сошел с ума непосредственно перед свадьбой; наконец, один муж, находясь под впечатлением от этого произведения, будто бы решительно предложил жене превратить их прежние отношения в братскую связь, и супруга, страстно желавшая иметь детей, была вынуждена обратиться к Толстому, чтобы попросить его убедить мужа восстановить мир и счастье в семье (Там же: 388–389).

Масла в огонь подливает Розанов, религиозный и антиклерикальный философ, внесший большой вклад в дело реабилитации сексуальности¹⁵². Примечательно, что два «еретика» – Толстой и Розанов – стимулируют спор, главной участницей которого очень скоро становится церковь. Первый своим призывом к целомудрию открывает дискуссию, которая продлится все 90-е годы; второй, напротив, стремится целиком и полностью легитимировать сексуальность, понимаемую как дополнение к браку и священному союзу обоих супругов.

Философ овладевает толстовской тематикой и постепенно смещает ось дискуссии из литературной плоскости в философскую. Именно это утверждает он сам в работе «Семейный вопрос в России»: по мнению автора, описание семейной жизни слишком

---

¹⁵² Розанов посвящает Толстому множество статей и встречается с ним во время посещения Ясной Поляны (Розанов 1908). Обзор публикаций и библиографию этих работ можно найти в: Mondry 2010: 115–130.

долго оставалось прерогативой литературы, настало время перенести его в философскую и религиозную сферы, чтобы выработать теорию, которая основывалась бы на фактах и документах. Розанов утверждает, что на заре нового века литература поставила ребром ряд вопросов (семья, брак, супружеская измена, развод), которые теперь должны быть рассмотрены на публицистическом уровне, чтобы затем им можно было найти юридическое решение. Неоднозначная роль литературы, которая, с одной стороны, предоставляет материал для исследования, а с другой – сама выступает в исследовательском амплуа, становится серьезным поводом для дискуссии:

Семья никогда не делалась у нас предметом философского исследования, оставаясь темой богатого художественного (беллетристического) воспроизведения, поэтического восхищения, наконец – шутки, пародий, и чем дальше тем больше переходя в пищу последних (Розанов 1903а: I).

Именно с тем чтобы удовлетворить «потребность в анализе и документах», Розанов готовится к написанию книги, в которой планирует собрать материалы для документального и доказательного аспектов семейного вопроса (Там же: III–IV). Начиная с 1893 г. большая часть произведений Розанова посвящена этой теме, а также вопросам, связанным с проблемами сексуальности, брака и развода; чтение «Крейцеровой сонаты» вполне могло послужить первоначальным стимулом к его участию в общественных дебатах, ведущихся в журналах того времени (ср.: Møller 1988: 306–308). Действительно, книги, опубликованные Розановым на рубеже веков («Религия и культура», «В мире неясного и нерешенного», «Семейный вопрос в России»), являются сборниками опубликованных ранее работ на эти темы¹⁵³. Так, в первом из них

---

¹⁵³ Розанов 1899; Розанов 1901 (статьи этой книги относятся к 1898 и 1899 гг., и как заключение к своим трудам Розанов публикует в рубрике «Полемические материалы» то, что он сам определяет как «очень ценные мне возражения или разъяснения, или продолжения моей мысли», – статьи разных авторов, изданные в различных журналах); Розанов 1903а.

присутствует статья с комментарием на «Крейцерову сонату». Розанов, в отличие от других читателей, подчеркивает преемственность между этим произведением, романами «Война и мир» и «Анна Каренина» и определяет тему семьи как постоянную составляющую толстовского творчества.

«Вся литературная деятельность Толстого вытянулась в тонкую и осторожную педагогику около «семьи», “яслей”, “Вифлеемской” стороны нашего бытия» (Розанов 1901: 56). Это, по мнению философа, составляет «центр его дум», то, что позволяет ему дать «в тихих и прекрасных картинах поэзию и почти начало религии семьи» (Там же: 54). Противопоставление двух женских образов – Анны и Долли – являет нам два разных типа семейной жизни: первый – отрицательный, несущий только смерть, второй, напротив, – озаренный тихим светом «вифлеемского шалаша». Второй тип, олицетворяемый Долли, находится в основе «религии семьи», центром которой является деторождение, – некое подобие культа плодородия, составляющего, по Розанову, самую сущность проблемы сексуальных отношений.

Сложное учение Розанова, где современные позиции соединяются с философией явно консервативного толка, предусматривает практику развода. Он детально рассматривает эту тему в многочисленных статьях, многие из которых опубликованы в книге «Семейный вопрос в России» (Розанов 1903а)¹⁵⁴. Розанов считает, что в случае измены брак как таинство умирает и только «развод есть постоянный канал, через который совершается очищение главного социального института» (Розанов 1903б: 82). Для Розанова семья – это прототип религии, и ее сакрализация происходит через половые отношения: без них она является чисто экономическим и социальным институтом: «В сущности, при отрицании пола мы имеем экономическую и юридическую, но не религиозную семью» (Розанов 1901: 60). В рамках этой перспективы «заслуга и новизна “Сонаты” и лежит в том, что она поставила углом вопрос о реализме брака и спрашивает, а частью и отвергает (недоумения Толстого) возможность целомудренной реализации его» (Там же).

---

¹⁵⁴ Этот вопрос тяжело отразился и на личной жизни самого автора: не имея возможности развестись с женой, он имел четверых внебрачных детей от женщины, на которой хотел бы жениться вторым браком.

Таким образом, в результате анализа философ приходит к парадоксальному выводу о том, что повесть Толстого имеет как бы два смысла: один явный, а другой тайный. Если первый вроде бы заключается в отрицании брака, то второй состоит в его утверждении: «Мы переходим теперь к тайной мысли “Сонаты”. Она вся состоит в утверждении брака» (Там же: 54). По мнению Розанова, безумное убийство, совершенное Позднышевым, в символическом плане является крайним следствием самоубийства Анны. Антитезой Анна – Долли писатель будто бы намеревался показать религиозность брака в образе Долли, а крик отчаяния Анны должен был стать обвинением в грехе. К сожалению, этот смысл не дошел до публики, которая так и не поняла наставления Толстого. Поэтому, по мысли Розанова, повесть – это послесловие к «Анне Карениной»; она раскрывает недосказанное, сообщает нам содержание диалога, произошедшего между двумя женщинами во время визита Долли в имение Вронского, когда при помощи многоточий в романе было соблюдено и в то же время раскрыто табу сексуальной жизни, то есть святая святых брака¹⁵⁵.

Розанов, подвергаясь нападкам как церкви, так и прогрессистов, обретает сторонников среди интеллигенции и в Санкт-Петербурге окружает себя писателями, среди которых – Николай Аксаков, Иван Романов (Рцы), Сергей Шарапов и Афанасий Васильев, почти все вовлеченные в полемику вокруг «Крейцеровой сонаты». В 1901 г. Шарапов собирает труды двух священников – М. Спасского и Александра У-ского – и писателей религиозного направления – Мирянина, Романова, Розанова, Аксакова – и публикует сборник статей (Шарапов 1901)¹⁵⁶, озаглавленный «Сущность брака». Как заявляет сам редактор, все включенные в него работы дополняют и разъясняют то, что утверждали такие великие писатели и мыслители, как Толстой, Достоевский и Владимир Соловьев. Принимая во внимание большой интерес,

---

¹⁵⁵ Статья Розанова вызывает много полемических откликов, большей частью опубликованных в книге «В мире неясного и нерешенного» в разделе «Полемические материалы» (Розанов 1901: 69–96).

¹⁵⁶ Часть этих материалов появляется также в: Розанов 1901.

вызванный темами брака, физической любви и отношений между полами в христианской семье, Шарапов решает внести ясность в дискуссию, протекающую внутри православной церкви. Главная причина этой дискуссии, по его мнению, состоит в том, что «в учении Церкви об этом предмете существует как бы некоторая недоговоренность» (Шарапов 1901: I). Повод к спору вновь подает «Крейцерова соната»:

Русская общественная мысль по вопросу о браке и половой жизни была резко разбужена появлением «Крейцерой сонаты» гр. Толстого. В сущности, это произведение не было ни уяснением вопроса, ни даже его серьезной философской постановкой. Великий художник силою своего гения зажег и не перед Россией только, а перед целым миром гигантский транспарант, на котором было изображено «мене текел фарес»¹⁵⁷ современной цивилизации в самом центральном и вместе с тем самым уязвимом ее пункте – в семье. Толстой бросил миру вызов: «ваша семья ложь, мерзость, обман и притворство» (Там же: 1).

Поэтому «Сущность брака» открывается двумя репликами на произведение Толстого: первая – это уже упоминавшаяся статья Рцы «Тексты перепутал», за которой следует статья священника Спасского «Лев Толстой и христианский брак» (Спасский 1898), вновь подтверждающая позиции, провозглашенные церковью.

Консервативная и народническая критика

Критика консервативного направления обрушивается на Толстого со страниц журнала, напечатавшего «Анну Каренину» и всегда бывшего его любимой трибуной, – «Русского вестника». В начале 1891 г., еще до официальной публикации «Крейцеровой сонаты», в нем выходит статья Ю.Н. Говорухи-Отрока, осуждающего повесть за ее грубый реализм и оплакивающего произведения Толстого, написанные до «Исповеди». В отличие от современников критик признает в Позднышеве типичную

---

¹⁵⁷ Дан 5: 25–28.

фигуру своей эпохи; если в большинстве опубликованных критических отзывов этот герой рассматривается как крайний случай, исключение из правила, то Говоруха-Отрок восклицает:

Кто такой Позднышев, герой «Крейцеровой сонаты»? Да это все мы. <...> Он обыкновенный человек, без особенных задатков, но и без особенных уродств. Он рос, воспитывался, учился, как все мы, в той же, так называемой «интеллигентной» среде (Елагин 1891: 336).

Герой рассказывает «обыденную историю» (единственно необычным в которой является финал), высказывая слишком долго замалчиваемую, но всем известную истину: «Брак, семейное начало в нашем обществе пошатнулись. Язва есть, надо исследовать ее» (Там же: 337). Этой язвой и является супружеская измена, два примера которой дает Толстой: измена Анны Карениной и предполагаемая измена жены Позднышева. Таким образом, критик осознает, что Толстой описывает текущие перемены в семейном и супружеском укладе, но суть проблемы ускользает от его анализа. Схема Говорухи-Отрока обусловлена религиозными ценностями, характерными для консервативной критики, и потому он делает вывод, что по вине «трагического рока» Толстой отходит все «дальше и дальше от источника любви и мира, от Христа и Его вечной правды» (Там же: 341).

Газета «Русское обозрение», придерживающаяся умеренно консервативных позиций, отвечает на повесть Толстого статьей виконта Эжена Мельхиора де Вогюэ, который видит в этом произведении победу проповедника над художником. Как и Романов, де Вогюэ находит в идейном содержании «Крейцеровой сонаты» сходство с доктриной скопцов, из которой, по его мнению, следует то же заключение, что и из учения Толстого: «Это заключение состоит в том, что мир должен кончиться, потому что он не хорош, и идеал состоит в том, чтоб он окончился как можно скорее посредством всеобщего безбрачия» (Вогюэ 1890: 518). Виконт де Вогюэ восхваляет дворянскую модель брака, уже отходящую в прошлое, глубоко сожалеет о закате дворянства и выражает абсолютное неприятие не только крайних позиций Толстого, но и новой социальной реальности. Он рассуждает о проституции, о медицинской

науке, а также о том, что для нынешнего поколения забота о теле стала важнее заботы о духе (Там же: 517). Перед лицом этой новой жестокой, по мнению виконта, реальности, он поет оду прошлому.

В январе 1891 г. за подписью А.Н. выходит небольшая брошюра, также посвященная проблеме брака. Оставим в стороне ту часть брошюры, где повторяются положения, в один голос отстаиваемые всеми консерваторами (критика религиозного учения Толстого, осуждение полного целомудрия, которое могло бы привести к вымиранию человечества, рассуждения о падении морали и нравов и о необходимости улучшить воспитание молодежи) и проследим центральную для А.Н. тему: нападки на институт брака в «Крейцеровой сонате». Критик обнаруживает в повести «отрицание брака, и не только отрицание, но осмеяние, оплевание его» (А.Н. 1891: 2). Считая толстовское учение лишенным идеалов и настолько материалистическим, что его даже можно назвать нигилистским, А.Н. с негодованием восклицает:

Брак не хорош, так как супруги часто дурно живут между собою: уничтожить брак! По этой нигилистической логике все надо уничтожить, уничтожить самую жизнь, потому что она тоже не хороша, убить себя! (Там же: 9)

Главная ошибка графа Толстого, по мнению критика, состоит в его непреложной вере в необходимость целомудрия – вере, которая будто бы принуждает его отказаться от любой возможности жизни вдвоем. А.Н. утверждает, что половое воздержание следовало бы заменить христианской любовью и господством духа над плотью, и тогда брак действительно стал бы таинством, дающим жизнь новым творениям: «Тайна рождения, это таинство брака, признается всем человечеством» (Там же: 13). Руководствуясь религиозными принципами, автор стремится переоценить «супружеское сожитие», фигуру женщины-матери и воспитание детей. Призыв А.Н. держаться подальше от произведения Толстого звучит как настоящая общественная агитация.

Литература сняла покров молчания с реальных событий, и критик считает необходимым помешать распространению опасного влияния писательского слова (а значит, и самой реальности). Как заявляет А.Н., Толстой в истории Позднышева «изобразил

нам известное общественное явление», с которым следует бороться (Там же: 14).

Нетрудно представить себе, какое возмущение повесть Толстого вызвала в народнической печати: его взгляды на женщину, на женское образование, на отношения между полами стали объектом самых острых нападков со стороны прогрессивных критиков. Не имея возможности рассмотреть здесь все аспекты дискуссии, возникшей в их кругу, ограничимся, как обычно, полемикой вокруг института брака. Главным рупором прогрессивистских идей в то время является журнал «Русская мысль»; крупнейшие его авторы – Н.К. Михайловский и М.А. Протопопов, публицисты народнического толка. Первый ведет в этом журнале рубрику «Литература и жизнь», где начиная с марта 1891 г. появляются его замечания по поводу «Крейцеровой сонаты»¹⁵⁸. Критик, который еще в годы публикации «Анны Карениной» разработал свою теорию о почти шизофреническом разделении творчества Толстого на полезное и сознательное (десница) и бесполезное и бесталанное (шуйца), относит его последние произведения ко второй категории. Эта «двойственность» Толстого, по мнению Михайловского, проявляется особенно ярко в его взглядах на брак:

Рассказывают, наприм., о таких, которые торопятся разжениться, следуя «Крейцеровой сонате», точно так же, как недавно еще торопились жениться и выходить замуж, следуя предписанию того же гр. Толстого, ныне им взятому назад. Можно себе представить, какие драмы разыгрываются на этой почве (Михайловский 1892а).

В качестве альтернативы толстовской схеме Михайловский предлагает модель семейного союза, опровергающую идею духовной и плотской любви по Толстому и созвучную теориям радикалов 60-х годов. Согласно критику, отрицать любовь (в том числе плотскую) означает идти против разума. И в этом толстов-

---

¹⁵⁸ Эти статьи в дальнейшем публикуются в следующих изданиях: Михайловский 1892б; Михайловский 1900. Мы используем здесь последнее из указанных изданий.

ском отрицании также будто бы отражается закон «десницы» и «шуйцы» писателя:

Но дело в том, что категории *рационального* и *нравственно-*
го поведения у гр. Толстого не совпадают, не обнимаются единым принципом. Правила рационального поведения он строит <...> на естественно-историческом принципе, а правила нравственного поведения – любовь к ближнему, непротивление злу и проч. – стоят особо и покоятся на совершенно иных основаниях. Отсюда ряд недоразумений (Там же).

В той же «Русской мысли» выходит статья Протопопова «Психологический вопрос. По поводу последней повести Льва Толстого “Крейцера соната”». Критик обвиняет Толстого в том, что тот воспользовался своим влиянием на публику, чтобы из писателя сделаться проповедником и распространить свои извращенные идеи устами Позднышева: «Позднышев не человек, не личность, не тип, а просто авторская марионетка» (Протопопов 1891: 125). Эта марионетка нужна автору для того, чтобы ответить на возражения дамы, которая отстаивает идеалы самого Протопопова:

Пусть взгляды «дамы» или, что то же, наши взгляды на любовь, на брак, на взаимные права и отношения мужа и жены «очень не новы», как язвительно подчеркивает Толстой: надо доказать, что они неверны. <...> [Л]юбовь и освящающий ее брак есть дело свободного выбора, и «спаривать людей» не следует; да, семья, основанная на чувстве страха к своему главе, есть семья уродливая и несчастная (Там же: 130–131).

Протопопов настаивает именно на качестве чувств и, в частности, на различиях между любовью и страстью, пытаясь развенчать идею Позднышева, что нет никакой разницы между чувством и чувственностью. Протопопов заново оценивает и легитимирует сексуальность, которая является возвышенным чувством в том случае, если порождена встречей двух родных душ и их любовью друг к другу. Критик яростно возражает против толстовского описания любовных и половых отношений как животного чувства. Отсюда – похвала в адрес буржуазного брака:

Там, где супругов связывает настоящая, не позднышевская любовь, где брак является не светским, приличным сожительством и не имущественную ассоциацией, а именно «союзом душ», там не опасны никакие «сонаты», никакие музыканты и музыкантики, и там нет места для хронической подозрительности и ревности (Там же: 141).

В.В. Чуйко публикует свой отзыв в прогрессивном журнале «Наблюдатель». Критик утверждает, что в «Крейцеровой сонате» Толстой показал себя как великий писатель, но слабый моралист. Толстой-художник преподносит нам глубоко правдивую картину нравов, ментальности и образа жизни русского общества, тогда как Толстой-моралист проповедует целомудрие, не только лишнее, но и вредное: «...закрывая путь законной любви, гр. Толстой, в конце концов, только увеличивает то ненормальное и действительно звериное состояние общества, в котором оно несомненно обретается» (Чуйко 1892: 136). Целиком отвергая толстовское учение, Чуйко возлагает надежды на реформы – медленный, но возможный путь решения социальных проблем. Этот путь, по его мнению, означает «облегчение развода, в лучшем и более рациональном воспитании, в образовании не только ума, но и сердца людей, в последовательной, постепенной реформе нравов, в медленном, но возможном насаждении в обществе высоких идеалов добра, истины, красоты» (Там же: 135–136).

Реакция простых читателей

Если легко узнать мнения критиков, располагающих печатными изданиями для распространения своих идей, то намного труднее собрать представления простых читателей, следы которых теряются в устных дискуссиях. В нашем случае эти свидетельства еще более значимы, поскольку шумиха, возникшая вокруг повести, и незаконное распространение последней приводят к тому, что широкая публика знакомится с текстом даже раньше, чем печать получает возможность говорить о нем, влияя на восприятие читателей. Из анализа частных писем, мемуаров и полицейских рапортов явствует, что смятение, вызванное повестью Толстого,

не ограничивается одним Петербургом, а достигает самых крайних пределов России и даже выходит за ее границы. Среди всех изученных нами документов ярче всего читательская рецепция выражается в многочисленных письмах, полученных Толстым: авторы этих писем часто доверяют им свои самые глубокие мысли, обращаясь к писателю-пророку, чтобы попросить совета, облегчить свою душу, попытаться решить семейные вопросы (Жданов 1939а). Литературоцентричность русской культуры является еще одной причиной того, что произведения Толстого становятся катализаторами скрытых проблем; выводя эти проблемы на поверхность, толстовские тексты легитимируют их огласку и влияют на ментальность людей.

Письма, направляемые писателю, являются подлинными документами повседневного быта русского народа, неисчерпаемыми источниками информации для историка культуры. Письмо – это то место, куда не может проникнуть ни один посторонний взгляд, кроме взгляда получателя; письма нередко содержат откровенные картины частной жизни своих авторов, и именно поэтому многие из них анонимны. То, что открывается глазам Толстого и требует его ответа, – это настоящий внутренний мир, полный конфликтов и страданий. Простой читатель не задается вопросом о художественных качествах произведения, но использует текст как повод заговорить о сексуальности, веками находившейся под покровом молчания. Большая часть этих посланий написана женщинами, не осмелившимися подписаться, но выражающими благодарность Толстому за то, что он описал мучения, которые вынуждены терпеть жены в супружеской жизни. Для многих из них идеал целомудрия представляет собой бегство из-под гнета унижительной половой жизни или бесчисленных беременностей. Одна читательница, признаваясь в своем страдании, умоляет прислать ей копию «Сонаты», чтобы по ней, как по Евангелию, воспитывать детей (Там же: 383). Если общественная дискуссия в печати ведется исключительно лицами мужского пола, то в письмах, наконец-то, голос обретают женщины. В качестве примера приведем здесь одно из этих писем полностью:

Несколько раз я перечитывала вашу «Крейцерову сонату», и она всегда на меня производила такое тяжелое чувство, хотя

я и не считаю себя в числе слабонервных барышень, что я не могла иногда заснуть по несколько ночей подряд. Это было еще года два тому назад. Долго она не попадалась мне в руки, но вот как раз я полюбила, – я буду откровенна, позвольте, – стала его невестой, и я напала на нее. Что он высоконравственный и хороший человек, знаю и я и мои родители. Знаю его и его семью с девяти лет. Но, когда опять я прочла «Сонату», подумала о том, что́ может быть после, – наша свадьба отсрочена на год, когда он будет совершеннолетним, – то мне стало невыразимо тяжело. Неужели это правда, неужели нет чистой любви, неужели нет? Что же это? Неужели все, все так? Он прекрасно пишет, массу читал серьезных хороших книг; я сама, как говорят, не по летам много читала. Хотя и у него и у меня хорошие средства, мы хотели трудиться: он писать, – за ним все признают бесспорный талант (он не печатает еще и ни за что не хочет), я хотела всеми силами помогать ему, и потом, – не смейтесь, я говорю правду, – я хотела сделать для театра все лучшее: помогать и артистам в их нуждах, выдвигать таланты, возобновлять хороший, классический репертуар, вообще я страстно люблю театр, хотя и не профессиональная актриса. И что же? Если нет чистой, хотя и супружеской, любви, если мужу нужна не помощница, – мы вместе хотели добиться цели по мере сил, – а только женщина, самка, тогда выйти замуж нелепо, а не любить, вы поймите, в восемнадцать лет нельзя. Все, о чем мы мечтали, все наши планы, мысли, все сводится на то, что это чувственность. Тогда не стоит жить, ведь сколько придется вынести столкновений, сколько жажды жизни. Нет, не от малодушия хотела бы я умереть, а потому, что все, что кажется хорошим, чистым, все это только декорация для чувственности, все гадко и дурно. Ради бога, Лев Николаевич, объясните, неужели это все правда? Знаете, я так дорожу этой любовью и так боюсь разбить и волину жизнь и свою! Я целые ночи не сплю, думаю над каждым словом, все думаю, что я понимаю не так. Но я говорила со многими людьми, за которыми упрочилась репутация хороших и, главное, умных, и ни от кого ни толку, ничего. Кто говорит: рано знать. Да как же рано, когда я объявлена невестой? Я с ума схожу, я не знаю, что и думать. Ради бога, помогите мне разобраться, я совсем запуталась. Простите, ради бога, что я вас беспокою, но *только вы* и никто другой не сможет меня спасти, именно спасти, потому что раз ничего хорошего нет,

все гадко и грязно, – жить нельзя женщине. Еще простите грязное и бестолковое письмо, – от волнения руки дрожат. Ваш ответ, если вы только захотите меня спасти, решит мою жизнь.

4 сентября 1891 г. (Жданов 1939а: 383–384)

Среди корреспонденции встречаются письма жен, описывающих ужас первой брачной ночи; притеснения, пережитые в семье; физическое насилие, совершаемое отцами и свекрами над дочерьми и невестками. Разумеется, среди множества писем есть и такие, что содержат порицания и обвинения в адрес Толстого:

Что вы и писатели другие делаете с нашими девушками? <...> За что же отняли у девушек все в жизни радостное, ожидание счастья? Отчего им жизнь так скучна? Кто же виноват, что нет теперь семьи? Сами вы ее разрушаете, развращая девушек раньше времени. Есть еще и теперь порядочные мужчины, которые и рады бы взять жену, но тоже ведь, почитавши вас, страшно станет... Вот и остаются бедные девушки в девках старых. Учат науки, музыки и бухгалтерии и уверяют себя, что они выше нас, наседок. Пустяки! (Там же: 386)

Количество писем, присланных мужчинами, заметно меньше, хотя многие молодые люди и обращаются с вопросами к «великому учителю мудрости» (Там же: 380). Так, православный юноша из купеческой семьи, соблаздивший молодую девушку, которая родила от него двух детей, спрашивает, как «рассчитаться с ней», и задает Толстому вопрос, нужно ли на ней жениться. Другой читатель, обнаруживший несколько пятен на прошлом своей невесты, спрашивает, покинуть ее или же простить. Но, так или иначе, в большинстве мужских писем «Крейцеровой сонате» дается отрицательная оценка:

Нет, граф Толстой, вы говорите неправду, и если вы это говорите, то потому, что сами не любили никогда. <...> Если бы вы знали, как трунят над вами, например, за границей, видя в вас не только чудака, но отчасти и порнографа, на манер Золя, писания которого не берут в руки не только порядочные женщины, но и многие мужчины (Там же: 386).

Помимо этих посланий, существуют и письма читателей, заинтересованных религиозным аспектом данной темы; авторы других задаются вопросом об осуществимости и о смысле целомудрия в браке; сторонники Толстого обсуждают возможность выполнения его предписаний.

Формирование новых сексуальных дискурсов

Дискуссия на эротико-сексуальную тему, разгоревшаяся сначала в Европе, начинает свое шествие по России одновременно с произведением Толстого. Благодаря писателю, половой вопрос обретает художественную форму, оказывается в центре общественного внимания и способствует формированию новых дискурсов: кроме темы половых отношений, начинают обсуждаться и темы рождаемости, брака, медицины, воспитания, преступности и др.

В художественной форме этот дискурс вводит в русскую культуру Позднышев, делая ряд скандальных утверждений, которые вызывают бурную реакцию со всех сторон. Его неприкрытые упоминания о половых отношениях провоцируют как отечественную, так и зарубежную цензуру, а его аскетическая модель вызывает замешательство во всех слоях интеллигенции. Американская переводчица Толстого Изабель Флоренс Хэпгуд отказывается переводить произведение, находя его неприличным, а генеральный директор американской почты, считая повесть непристойной, запрещает пересылать ее по почте; «Сонатy» даже рассматривают в судах Нью-Йорка и Филадельфии. Во всей Европе вокруг этого произведения разгораются яростные прения: во Франции Толстого сурово критикует Золя, называя его в своей статье, опубликованной в «Нью-Йорк Геральд», смесью «средневекового монаха и современного раба» (Zola 1890), а немецкий психиатр доктор Г. Бек считает, что повесть является плодом религиозного и сексуального безумия некоего психопата с недюжинным умом¹⁵⁹. В Германии ведутся бурные споры в

---

¹⁵⁹ Beck H. Des Grafen Leo Tolstoi Kreutzer sonate vom Standpunkte des Irrenarztes. Leipzig, 1890; цит. по: Möller 1988: 115.

печати¹⁶⁰ и, как в других европейских странах, публикуются художественные произведения (романы и повести), задуманные то как продолжение «Крейцеровой сонаты», то как ее альтернатива, то как пародия на нее. Многие из них в дальнейшем переводятся на русский¹⁶¹. Совокупность всех этих реакций порождает новые дискурсы и новые знания, которые, как отмечает И.С. Кон, находятся у истоков современной истории русской сексуальности¹⁶². Недавно ученый А. Лало опубликовал биоисторию сексуальности, где под влиянием философии Фуко рассматривается русское явление в его самобытности и отличии от западной традиции. В этой работе Толстому отводится существенное место. Писатель, утверждает Лало, вводит в свое произведение незнакомый, сектантский язык, чтобы затронуть дискурсивные практики, которых русская культура долгое время избегала, придерживаясь «стратегии молчания». Отечественная культура в отличие от западной была лишена литературного языка, способного формулировать дискурс сексуальности; до Толстого к темам плоти и чувственности существовало лишь два подхода: 1) традиция молчания, невысказанного; 2) бурлеск, представлявший эротизм в шуточном виде (Lalo 2011: 23–57). По этой причине интеллигенция конца столетия вынуждена прибегать к языку сектантов, чтобы вести дискурс о чувственности, плотских отношениях и эротике. Отсутствие художественного языка для этих тем имеет очень древнее происхождение и восходит к древнерусской литературе, отвергавшей тело в пользу духа. Эта традиция впервые прерывается на заре Серебряного века, когда формируются новые дискурсы, в дальнейшем подхваченные и развитые поэтикой символизма. С этой точки зрения, Толстой

---

¹⁶⁰ Ср.: Заграничные исторические новости. Послесловие в «Крейцеровой сонате» в оценке немецкой критики // Ист. вестн. 1890. № 12. С. 835–841); Рейнгольд 1891. Из-за проблем с цензурой «Крейцерова соната» выходит в немецком и французском переводе раньше, чем в России.

¹⁶¹ Одно из самых известных таких произведений: Аминтор 1893; из переводов следует упомянуть: Позднышева 1896 (пер. с немецкого); Крест 1894; Фон Хейденфельдт 1897.

¹⁶² О Толстом и сексологии в «Крейцеровой сонате» ср.: «Споры о “Крейцеровой сонате”» в: Кон 2010: 127–132, а также в: Edwards 1993.

относится к тем классикам, которые касаются темы половых отношений, но еще не в состоянии описывать их современным языком: «Он обсуждает эти темы [плотские отношения и сексуальность] в дискурсе, являющем собой смесь языка народных масс с молчанием, которым средние и высшие слои общества окутывали половые отношения и эротику» (Ibid.: 82). Так или иначе, Толстой иницирует новые дискурсивные практики по этим темам: если в «Войне и мире» и «Анне Карениной» он придерживается традиционной стратегии невысказанного, то в «Крейцеровой сонате» он открывает новые подходы. В первом романе автор прибегает к народным образам при описании семейной жизни Наташи и Пьера, которая, впрочем, отвечает его идеалу патриархальной семьи крестьянского типа:

Наташа вышла замуж ранней весной 1813 года, и у ней в 1820 году было уже три дочери и один сын, которого она страстно желала и теперь сама кормила. Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодovitая самка (Толстой 1937–1940. XII: 265–266).

В «Анне Карениной» автор использует стратегию молчания, как это доказывает многоточие, скрывающее сцену плотской любви Анны и Вронского. Но элемент повествования, обойденный молчанием, наравне с тем, что было высказано, образует такие стратегии, которые пронизывают собой дискурсы, ибо существует «не одно, но множество разных молчаний, и они являются составной частью стратегий, которые стягивают и пересекают дискурсы» (Фуко 1996: 123). Молчание Толстого оглушительно для его эпохи, и спустя несколько лет его взорвет «Крейцера соната»: «Из страстей самая сильная, и злая, и упорная – половая, плотская любовь», – говорит Позднышев (КС: 30).

Молчание Анны перерастает в речь Позднышева, провоцируя размножение дискурсов, которые обретут более четкую

форму в поэтике Серебряного века¹⁶³. Кроме того, в новом столетии рождается психоаналитический дискурс, нередко заимствующий образы из произведений Толстого для иллюстрации некоторых патологий, как свидетельствуют о том тексты психоаналитика Н.Е. Осипова, посвятившего большую часть своих исследований произведениям писателя:

Тема «Толстой и медицина» крайне обширна. Как самая жизнь великого русского художника-моралиста, так и его многочисленные беллетристические и философские произведения дают обильный материал, который может принести и нам, врачам, как теоритическую, так и практическую пользу. Главным образом, конечно, врачам *невропатологам* и *психиатрам* (Осипов 1911: 1)¹⁶⁴.

---

¹⁶³ Существует множество произведений Серебряного века по темам эротики и сексуальности. Их подробная библиография приводится в: Кон 2010: 564–602; обновленный список можно найти в: Lalo 2011: 277–285.

¹⁶⁴ Среди прочего, Осипов анализирует сексуальность Позднышева в сопоставлении с личностью самого Толстого (Осипов 2011: 112–118).

Вместо заключения

Эволюция института брака в русском обществе XIX в. находит свое литературное отражение в произведениях Толстого. Плодотворный обмен между художественным словом и обществом первой половины XIX в., ярким свидетельством которого является творчество Пушкина и его современников (Todd 1986), продолжается и во второй половине столетия. Проза Толстого, основанная, по определению Ю.М. Лотмана, на «тернарной системе», внутренне противоречива и впускает в себя огромный пласт жизненной реальности. Такая модель представляет собой преодоление и обогащение бинарной системы, основанной на оппозициях «добро–зло», «естественный–искусственный», «грешный–святой», дошедших от Лермонтова через Гоголя до Достоевского; новая модель включает в себя предыдущую и дополняет ее третьим элементом – жизненной реальностью, свободной от всякого суждения: «реальностью действительности» (Лотман 1997в). Наполовину сотканная из фрагментов реальности, проза Толстого имеет еще одну важную особенность: она не только является отражением общества, но и сама стимулирует события общественной жизни и рефлексию вокруг них. Герои Толстого словно сходят со страниц художественных произведений, чтобы участвовать в реальной жизни и обсуждать с читателями проблемы эпохи, сея в умах своих собеседников сомнения и задавая им провокационные вопросы. Повествуя об эволюции типов семьи и об изменениях в супружеской жизни, романы Толстого воздействуют на ментальность публики и создают новые поведенческие модели. Восхваление идеала семьи, сближающее Толстого с викторианскими прозаиками, сочетается в нем с безжалостной критикой современной семьи.

Вопрос, оставленный открытым в романе 1859 г.: «Что такое семейное счастье?», – тщетно ждет ответа в «Анне Карениной», которая завершается криком отчаяния из-за невозможности предложить удовлетворительное решение данной задачи. Проблемы, поставленные Анной, пробивают брешь в восприятии читателей, и история героини дает русскому обществу повод к переосмыслению старых истин¹⁶⁵. Ее самоубийство оставляет глубокий след в сознании аудитории не только как нравственная проблема, но и как предвестие нового типа брачного союза, который десятилетие спустя Толстой опишет в «Крейцеровой сонате». В этом произведении, где рассказывается о попытке создания супружеского союза по любви, по-видимому, окончательно отвергается возможность существования «семейного счастья». Действительно, даже буржуазный брак подстерегают многие угрозы, среди которых самая опасная – это даже не безумие Позднышева: его бред – только мотивировка интриги. На самом деле, брак по любви, при всей своей соблазнительности, разваливается тогда, когда за видимостью чувств проступают коварные ловушки, кроющиеся внутри института брака. Переход от дворянского брака к буржуазному не разрушает семью как дисциплинарный институт: она остается местом проявления власти; в результате она лишь консолидируется в новом облике, и брак окончательно утверждает ее силу.

Толстовская «трилогия» стоит у истоков новых дискурсивных практик, предвосхищающих переход России к современности. Русская сексуальная культура в своих основных чертах развивается по западным схемам, но существенно отличается от них в том, что касается скорости, средств и форм развития. Требования отечественной традиции смешиваются в этом процессе с западноевропейскими веяниями, и в результате Россия вступает на собственный, глубоко самобытный путь. Великие реформы и урбанизация оказывают огромное влияние на семейную и сексуальную жизнь, вследствие чего в России происходит «куль-

---

¹⁶⁵ Джули Баклер считает, что «Анна Каренина» – один из лучших примеров того, как искусство структурирует жизнь. В частности, автор показывает, как Толстой с этой целью использует такие театральные категории, как опера, трагедия, фарс и мелодрама (Buckler 2003: 130–136).

турная революция», пусть и осуществившаяся до конца только в Серебряном веке. Именно в эпоху Серебряного века наносится смертельный удар по традиционным формам общественного контроля, сексуальности и эротической символики, принятой в кругах интеллигенции. Эксперименты по альтернативной семейной жизни в XIX в. (супруги Чернышевские, Бакунины, Шелгуновы) продолжаются и в начале нового столетия (Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, Андрей Белый и Ася Тургенева, Александр Блок и Любовь Менделеева-Блок (Кон 2010: 137)). Речь все еще идет о телесности, которая с трудом пытается освободиться от оков духовности; о любви, которая в поэтике символизма часто существует вне плоти и физической природы: все это является типично русским явлением. В тот же период формируются научные дискурсы, в рамках которых изучаются различные типы сексуального поведения и социальных отклонений. Гуманистический дискурс уступает место научному; гипотеза, высказанная в форме романа, становится поведением нового типа, и теперь наука исследует его при помощи усовершенствованных инструментов. «Крейцера соната» стимулирует зарождение новых научных дискурсов о безумии, сексуальных отношениях, детском и подростковом воспитании и т. д. В 1893 г. судебный психиатр Я.А. Боткин даже пишет статью, в которой пытается определить, убил ли Позднышев жену в здравом уме или в состоянии сумасшествия. Иными словами, врач ставит вопрос о виновности или невиновности персонажа художественного произведения и проводит психиатрическую экспертизу, чтобы найти ответ (Боткин 1893: 20–21)¹⁶⁶.

---

¹⁶⁶ Текст статьи воспроизводит лекцию, прочитанную Боткиным на факультете судебной психопатологии Московского университета в 1893 г., в которой психиатр заключал, что суд присяжных оправдал бы Позднышева, поскольку он пребывал в состоянии аффекта, которое влечет потерю самоконтроля. Пять лет спустя после лекции Боткина в журнале «Архив психиатрии» еще раз делается попытка поставить диагноз на основании «патологического» поведения Позднышева. В результате «Крейцера соната» становится пособием по изучению убийств, совершенных из ревности, связывая таким образом художественный вымысел и реальность (McReynolds 2013: 137).

Это применение практик судебной медицины к литературе свидетельствует о наличии тесных взаимоотношений между двумя областями и о силе и непосредственности эффекта, оказанного «Крейцеровой сонатой» на реальную жизнь. Такие науки, как медицина, психиатрия и педагогика, начинают активно изучать и диагностировать сумасшествие и общественные отклонения¹⁶⁷. Психоанализ также получает в России широкое распространение именно благодаря литературному дискурсу и, в особенности, дискурсу такого великого автора, как Толстой¹⁶⁸.

Творчество классика оставляет глубокий след на долгом и тернистом пути России к модерности. Толстой усваивает западное влияние, пропуская его через подлинно русский опыт. Его творческая сила создает персонажей, которые, с одной стороны, склонны к анархии, а с другой – к суровому аскетическому соблюдению норм. Их плоть стремится вырваться из клетки духа, что нередко приводит их к трагическому финалу. Благодаря своей художественной мощи романы Толстого стимулируют полемику в отечественном и зарубежном обществе, и в ходе этой полемики фокус постепенно смещается с художественной литературы на публицистику и науку. Философские дискурсы также попадают на орбиту споров о любви, браке и сексуальных отношениях, как это доказывает деятельность петербургского религиозно-философского кружка, где литература и философия сочетаются в едином течении, определяющем поэтику Серебряного века (ср.: Matich 2005: 212–235).

Несмотря на все это, революционный дух толстовской прозы остается непонятым современниками. На «Семейное

---

¹⁶⁷ Это началось после судебной реформы 1864 г., которая привела не только к появлению таких профессий, как адвокат защиты и судебный эксперт, но и к развитию некоторых новых дисциплин: судебная психиатрия, социология и антропология (Ibid.: 8).

¹⁶⁸ «Было бы трудно найти лучший способ для распространения психоанализа в России, чем сопоставить его с классиками литературы. Психоанализ, переведенный на язык русской культуры, приближается к философской этике Толстого, и именно это делает его популярным в России» (Сироткина 2002: 134).

счастье» критики почти не обращают внимания¹⁶⁹; «Анну Каренину» оценивают как произведение, не дотягивающее до уровня «Войны и мира»; наконец, «Крейцера соната» вызывает негодование и резко отрицательные отзывы в России и за рубежом. Читатели гадают о «противоречивом» отношении между Толстым-мыслителем и Толстым-художником; критики теряются в лабиринте нравственных оценок, согласно которым в прошлом Толстой-мыслитель был побежден Толстым-художником, якобы оправдавшим Анну, тогда как в дальнейшем, в «Крейцеровой сонате», Толстой-моралист взял верх и рукой Позднышева наказал грешницу (Райх 1910: 7)¹⁷⁰. Дуализму писателя как будто соответствует методологический дуализм его критиков.

Если критика рассуждает о Толстом-мыслителе и Толстом-писателе, то церковь и государство размышляют об опасности идей, вызванных к жизни авторитетным словом Толстого о браке и сексуальности. Между тем Россия вступает в важный переходный этап истории семейной и сексуальной культуры, что, похоже, остается незамеченным современниками.

В трилогии, повествующей о кризисе брака и межполовых отношений, обретают право голоса настроения, витавшие в воздухе еще с 60-х годов и заявляющие о себе в конце столетия. Ростки этих веяний всходят на почве, особенно благоприятной для изменения нравов: эпоха реформ, ослабление цензуры, закат позитивизма, зарождение индивидуалистской философии, формирование буржуазии – все эти факторы приводят к появлению новых поведенческих типов и новой морали. На этом переходном этапе зарождается буржуазная семья и то, чего не позволялось в браке по расчету, становится теперь возможным: брак по любви нельзя не расторгнуть, если он утратил свою основу – чувство, и потому неизбежно легитимируется развод. Растет число случаев раздельного проживания и расторжения брачных уз; женщины,

---

¹⁶⁹ Поэт и критик Аполлон Григорьев в обзоре «События современной литературы, игнорируемые нашей критикой» говорит о «молчании о Толстом и о его лучшем произведении: “Семейном счастье”» (Григорьев 1862).

¹⁷⁰ Ср.: Головин 1904: 456. Дихотомия была отмечена еще Скабичевским (Скабичевский 1880; Скабичевский 1887).

обретающие право голоса в обществе, требуют, чтобы им предоставили возможность освобождаться из-под власти мужа или семьи патриархального типа.

Все эти процессы, проходящие очень медленно и с опозданием по сравнению с остальной Европой, как будто бы увенчиваются признанием гражданского брака и женских прав в 1917 г.; в действительности после революции перемены всего лишь наталкиваются на новые механизмы власти. Советское государство, преодолев этап семьи-коммуны 20-х годов, возвращается к идеалам крепкой семейной ячейки, порождающей новые диспозитивы общественного контроля. Долгожданная и наконец-то реализованная модель гражданского брака большевистской эпохи становится главной точкой опоры советской семьи и советского государства. Брак и семья сохраняют свою роль главных дисциплинарных институтов на протяжении всей истории царской, а затем и советской России. Так движению к модерности, заря которого как будто забрезжила в эпоху интеллектуального расцвета Серебряного века, суждено было умереть, едва родившись на свет.

Библиография

Список сокращений

- АК: Анна Каренина (Толстой 1935–1939).
СС: Семейное счастье (Толстой 1935).
КС: Крейцера соната (Толстой 1936б).

Литература на русском языке

- А. Л. 1892 – *А.Л.* Крейцера соната и ее учение. Против графа Л.Н. Толстого. СПб., 1892.
- А. Н. 1891 – *А.Н.* В защиту брака. По поводу «Крейцеровой сонаты» гр. Льва Толстого. СПб., 1891.
- А. П-ва 1891 – *А. П-ва.* История «Крейцеровой сонаты»: Критический очерк // Книжки «Недели». 1891. № 6. С. 5–28.
- Абрашкевич 1904 – *Абрашкевич М.М.* Прелюбодеяние с точки зрения уголовного права: Историко-догматическое исследование. Одесса, 1904.
- Авсеенко 1875а – *А. [Авсеенко В.Г.]* По поводу нового романа графа Толстого // В.А. Зелинский (ред.). Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. М., 1912. С. 162–185. (1-е изд.: Русский вестник. 1875. № 1.)
- Авсеенко 1876 – *Авсеенко В.* Литературное обозрение // Там же. С. 206–213. (1-е изд.: Русский вестник. 1876. № 1.)
- Авсеенко 1875б – *А. [Авсеенко В.Г.]* Очерки текущей литературы // Там же. С. 39–47. (1-е изд.: Русский мир. 1875. № 69.)
- Аминтор 1893 – *Аминтор Г. фон [Gerhard von Amuntor, псевд. Dagobert von Gerhardt].* За правду и за честь женщины. Cis-moll-Sonate. СПб., 1893. (Ориг. изд.: Die Cis-moll-Sonate. Leipzig, 1891.)

- Андреева 2000 – *Андреева Е.* Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России, середина XIX – начало XX века. М., 2000.
- Анисимов 1961 – *Анисимов И.* (ред.). Лит. наследство. Т. 69: Лев Толстой. М., 1961. Кн. 1–2.
- Анненков 1894–1905 – *Анненков К.* Система русского гражданского права. СПб., 1894–1905. Т. 1–6.
- Араловец 2001 – *Араловец Н.* Семейные отношения городских жителей России в контексте повседневности (90-е гг. XIX в. – 20-е XX в.) // Гончаров Ю. (ред.). Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 97–108.
- Араловец 2003 – *Араловец Н.* Городская семья в России 1897–1926 гг. М., 2003.
- Б.А. 1875 – *Б.А. [Борис Алмазов?]*. Библиография // Зелинский В.А. (ред.). Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. С. 33. (1-е изд.: Газета Гатцука. 1875. № 5.)
- Бабаев 1978 – *Бабаев Е.Г.* Анна Каренина Л.Н. Толстого. М., 1978.
- Бабаев 1978–1985 – *Бабаев Е.Г.* Комментарий // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978–1985. Т. 9. С. 417–448.
- Бабаев 1993 – *Бабаев Е.Г.* Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М., 1993.
- Безгин 2010 – *Безгин Б.Б.* Детоубийство и плодоизгнание в русской деревне (1880–1920-е гг.) // Право и политика. 2010. № 5. С. 972–977.
- Безобразов 1895 – *Безобразов П.В.* О правах женщины. М., 1895.
- Белякова 2001 – *Белякова Е.В.* Брак и развод в России XIX века // Первое сентября. 2001. № 15.
- Белякова 2002 – *Белякова Е.В.* Церковный брак и развод в России в XIX в. // Родина. 2002. № 7.
- Бем 1929 – *Бем А.Л.* Толстой в оценке Достоевского // Новиков М. (ред.). Научные труды русского народного университета в Праге. II. Прага, 1929. С. 118–140.
- Берг 2000 – *Берг М.Ю.* Литературократия. М., 2000.
- Бирюков 2000 – *Бирюков П.И.* Биография Л.Н. Толстого. М., 2000.
- Бобров 1885 – *Бобров Д.* По поводу бабьих стонов // Юрид. вестн. 1885. № 10. С. 318–322.
- Богданов 2006 – *Богданов К.* (ред.). Русская литература и медицина. Тело, предписания, социальная практика. М., 2006.

- Боткин 1893 – *Боткин Я.А.* Преступный аффект как условие невменяемости. (Анализ преступлений Отелло и Позднышева). М., 1893.
- Боткин 1949 – *Боткин В.П.* Письмо Л.Н. Толстому от 6 мая 1859 // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1949. Т. 60. С. 296–297.
- Боханов 1992 – *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России. Конец XIX в. – 1914 г. М., 1992.
- Бронзов 1901 – *Бронзов А.А.* О христианской семье и связанных с нею вопросах. СПб., 1901.
- Буайе 1978 – *Буайе П.* Три дня в Ясной Поляне // Макашин С. (ред.). Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 266–270.
- Булгаков 2011 – *Булгаков Ф.И.* Граф Л.Н. Толстой и критика его произведений, русская и иностранная. М., 2011. [Репринт. изд.: М.; СПб., 1886.]
- Бычков 1952 – *Бычков С.П.* Толстой в оценке русской критики // Бычков С.П. (ред.). Л.Н. Толстой в русской критике. М., 1952. С. 3–54.
- Вано 1879 – *Вано.* Анна Каренина Л. Толстого в социально-педагогическом отношении // Свет. 1879. № 10. С. 215–230; № 11. С. 353–361; № 12. С. 479–488.
- В-б-а 1876 – *В-б-а П. [П.И. Вейнберг].* Русская журналистика // Зелинский В.А. Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. М., 1912. С. 187–188. (1-е изд.: Пчела. 1876. № 1.)
- Веремченко 2009 – *Веремченко В.* Супружеские отношения в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX века: этапы эволюции // Пушкарева Н.Л. (ред.). Социальная история. Ежегодник (2008). СПб., 2009. С. 47–66.
- Вересаев 1978 – *Вересаев В.В.* Лев Толстой // Макашин С.А. (ред.). Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 284–294.
- Верещагин 1885 – *Верещагин О.* О бабьих столах // Юрид. вестн. 1885. № 4. С. 750–761.
- Вишневский 2010 – *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 2010.
- Вогюэ 1890 – *Вогюэ М. дё.* По поводу «Крейцеровой сонаты» // Рус. обозрение. 1890. № 6. С. 511–527.
- Вольперт 2004 – *Вольперт Л.И.* Лермонтов и французская литература. Тарту, 2004.

- Ворошилова 2010 – *Ворошилова С.В.* Гражданско-правовое положение женщин в России (XIX – начало XX века). Саратов, 2010.
- Герцен 1954–1965 – *Герцен А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954–1965.
- Герцен 1958 – *Герцен А.И.* Былое и думы. Ч. 4–5. М., 1958.
- Герцен 1960 – *Герцен А.И.* Еще раз Базаров // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 20. С. 335–350.
- Гессен 1914 – *Гессен И.В.* Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 года. СПб., 1914.
- Гинзбург 1971 – *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. Л., 1971.
- Головин 1904 – *Головин К.Ф.* Русский роман и русское общество [1897]. СПб., 1904.
- Гончаров 2001а – *Гончаров Ю.М.* (ред.). Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001.
- Гончаров 2001б – *Гончаров Ю.М.* Социальное развитие семьи в России в XVIII – начале XX века // Гончаров Ю.М. (ред.). Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 25–39.
- Гончаров 2002 – *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002.
- Григорович 1987 – *Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. Приложения из «Воспоминаний» В.А. Панаева. М., 1987.
- Григоровский 1911 – *Григоровский С.П.* О разводе: Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство: Ист.-юрид. очерки. СПб., 1911.
- Григорьев 1862 – *Григорьев А.А.* Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л.Н. Толстой и его сочинения. Ст. 1-я // *Время.* 1862. № 1.
- Громека 1914 – *Громека М.С.* О Л.Н. Толстом (Критический этюд по поводу романа «Анна Каренина») [1883]. М., 1914.
- Гудзий 1934 – *Гудзий Н.К.* Предисловие к восемнадцатому и девятнадцатому томам // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1934. Т. 18. С. 7–9.
- Гудзий 1936 – *Гудзий Н.К.* «Крейцера соната». История написания и печатания «Крейцеровой сонаты» // Там же. М., 1936. Т. 17. С. 563–646.
- Гудзий 1939 – *Гудзий Н.К.* История написания и печатания «Анны Карениной» // Там же. М., 1939. Т. 20. С. 577–643.
- Гудзий 1960 – *Гудзий Н.К.* Лев Толстой. М., 1960.

- Гусев 1891 – *Гусев А.Ф.* О браке и безбрачии. Против «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия» к ней гр. Л. Толстого // Православ. собеседник. 1891. № 3. С. 1–88.
- Гусев 1901 – *Гусев А.Ф.* О браке и безбрачии. Против «Крейцеровой сонаты» и «Послесловия» к ней гр. Л. Толстого. Казань, 1901.
- Гусев 1963 – *Гусев Н.* Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963.
- Даль 1980 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [1882]. М., 1980.
- Добровольский 1903 – *Добровольский В.* Брак и развод. СПб., 1903.
- Достоевский 1876 – *Достоевский Ф.М.* Два самоубийства [1876] // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. СПб., 1994. Т. 13. С. 318–321.
- Достоевский 1877 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 год // Там же. СПб., 1995. Т. 14. С. 227–263.
- Достоевский 1988–1996 – *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. СПб., 1988–1996.
- Достоевский, Достоевская 1979 – *Достоевский Ф.М., Достоевская А.* Переписка. М., 1979.
- Елагин 1891 – *Елагин Ю.* [Говоруха-Отрок Ю.Н.] Литературно-критические очерки. Крейцера соната // Рус. вестн. 1891. № 2. С. 324–341.
- Жданов 1939а – *Жданов В.А.* Из писем к Толстому: (По материалам толстовского архива) // Жданов В.А. (ред.). Лит. наследство. Т. 35–38: Л.Н. Толстой. М., 1939. Кн. 2. С. 381–386.
- Жданов 1939б – *Жданов В.А.* (ред.). Лит. наследство. Т. 35–38: Л.Н. Толстой. М., 1939.
- Жданов, Зайденшнур 1970 – *Жданов В.А., Зайденшнур Э.Е.* История создания романа «Анна Каренина» // Толстой Л.Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. М., 1970. С. 803–833.
- Женетт 1998 – *Женетт Ж.* Фигуры: В 2 т. М., 1998.
- Женское право 1873 – Женское право: Свод узаконений и постановлений, относящихся до жен. пола. СПб., 1873.
- Живов 2009 – *Живов В.М.* Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М., 2009.
- Жук 1911 – *Жук В.Н.* Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении [1880]. СПб., 1911.
- Загоровский 2003 – *Загоровский А.И.* Курс семейного права [1902]. М., 2003.

- Загоровский 2004 – *Загоровский А.И.* О разводе по русскому праву [1884] // Пушкирева Н.Л., Бессмертных Л.В. (ред.). «А се грехи злые, смертные...»: В 3 кн. М., 2004. Кн. 3. С. 7–330.
- Заламбани 2011 – *Заламбани М.* Институт брака в романе «Анна Каренина» // Нов. лит. обозрение. 2011. № 112. С. 157–177.
- Заламбани, Лелли 2015 – *Заламбани М., Лелли И.* Литература и психоанализ в России. Николай Осипов и «Записки сумасшедшего» Льва Толстого // Осипов-альманах. Вып. 1. Ижевск, 2015. С. 115–141.
- Зеланд 1899 – *Зеланд Н.Л.* Женская преступность. СПб., 1899.
- Зелинский 1912 – *Зелинский В.А.* Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. М., 1912.
- Золотарев 1898 – *Золотарев Л.А.* Мимолетные связи и брак. М., 1898.
- Иванова, Желтова 2009 – *Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословное общество Российской империи. М., 2009.
- Исаева 2013 – *Исаева Е.* Как граф Толстой слышал Бетховена, или Почему все-таки «Крейцера соната» // Израиль. XXI. Музык. журн. 2013. № 32.
- Кавелин 1900 – *Кавелин К.Д.* Собрание сочинений. СПб., 1900.
- Каменцев 1897 – *Каменцев М.* Потребность в устройстве меблированных домов // Домовладелец. 1897. № 10. С. 186–188.
- Катков 1877 – [*Катков М.*]. Что случилось по смерти Анны Карениной // Рус. вестн. 1877. № 7. С. 448–462.
- Кемский 1885 – *Князь Кемский* [псевд. В. Мещерского]. Анна Каренина под ножом критики (По поводу ст. Громеки). СПб., 1885.
- Кизеветтер 1902 – *Кизеветтер А.А.* Взгляды старой и новой России на общественное положение женщины // Журнал для всех. 1902. № 5. С. 587–600.
- Ковалевский 2007 – *Ковалевский М.М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. Лекции, читанные в Стокгольмском университете [1895]. М., 2007.
- Козлова 2010 – *Козлова О.А.* Личность и творчество Льва Толстого в оценке демократической журналистики 70–80-х годов XIX века: Дисс. Волгоград, 2010.
- Кольшко 1901 – *Кольшко И.И.* Брак – как религия и жизнь // Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. СПб., 1901. С. 69–93.
- Кон 1989 – *Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1989.
- Кон 2010 – *Кон И.С.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М., 2010.

- Конради 1876 – *Конради Е.И.* Исповедь матери. СПб., 1876.
- Конради 1883 – *Конради Е.И.* Общественные задачи домашнего воспитания. Книга для матерей. СПб., 1883.
- Краффт-Эбинг 1996 – *Краффт-Эбинг Р. фон.* Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства. М., 1996 (рус. пер. см.: *Kraft-Ebing R. von.* Psychopathia sexualis: eine klinisch-forensische Studie, Stuttgart, 1886).
- Крист 1894 – *Крист М.* Конец Крейцеровой сонаты Льва Толстого. СПб., 1894.
- Кузнецов 2004 – *Кузнецов М.Г.* Проституция и сифилис в России: Ист.-статист. исслед. СПб., 1871 // Пушкирева Н.Л., Бессмертных Л.В. (ред.). «А се грехи злые, смертные...». Кн. 3. С. 542–602.
- Кулишер 1896 – *Кулишер М.И.* Развод и положение женщины. СПб., 1896.
- Куницын 1844 – *Куницын А.В.* О правах наследства лиц женского пола. Харьков, 1844.
- Лазовский 1883 – *Лазовский Н.* Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юрид. вестн. 1883. № 6–7. С. 358–414.
- Лейбин 2002 – *Лейбин В.М.* (ред.). Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2002.
- Ленин 1967–1975 – *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 1–58. М., 1967–1975.
- Ленин 1968 – *Ленин В.И.* Лев Толстой как зеркало русской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1968. Т. 17. С. 206–213.
- Леонтьев 1888 – *Леонтьев К.Н.* Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой // Гражданин. 1888.
- Леонтьев 1911 – *Леонтьев К.Н.* О романах гр. Л.Н. Толстого [1890]. М., 1911.
- Лесков 1875а – *Лесков Н.С.* Письмо И.С. Аксакову 23 марта 1875 г. // Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 10. С. 387–391.
- Лесков 1875б – *Лесков Н.С.* Письмо И.С. Аксакову 6 апреля 1875 г. // Там же. С. 394–395.
- Лесков 1899 – *Лесков Н.С.* Рассказы кстати (По поводу «Крейцеровой сонаты») // Нива. 1899. № 30. С. 557–564.
- Лесков 1956–1958 – *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: В 11 т. М., 1956–1958.
- Листовский 1891 – *Листовский И.С.* Заметки на «Крейцерову сонату» графа Л.Н. Толстого. М., 1891.

- Литовская, Созина 2004 – *Литовская М., Созина Е.* От «семейного ковчега» к «красному треугольнику»: адюльтер в русской литературе // Ушакин С. (ред.). Семейные узы: модели для сборки: В 2 кн. М., 2004. Кн. 1. С. 248–291.
- Лихачева 1893 – *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России 1796–1828. СПб., 1893.
- Лихачева 1895 – *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России 1828–1856. СПб., 1895.
- Лотман 1992а – *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Tallin, 1992.
- Лотман 1992б – *Лотман Ю.М.* О Хлестакове // Лотман Ю.М. Избр. ст.: В 3 т. Т. 1. С. 337–364.
- Лотман 1992в – *Лотман Ю.М.* Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Там же. Т. 2. С. 40–99.
- Лотман 1992г – *Лотман Ю.М.* Слово и язык в культуре просвещения // Там же. Т. 1. С. 216–223.
- Лотман 1992д – *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Там же. Т. 1. С. 296–336.
- Лотман 1994а – *Лотман Ю.М.* Бал // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 90–102.
- Лотман 1994б – *Лотман Ю.М.* Сватовство. Брак. Развод // Там же. С. 103–122.
- Лотман 1994в – *Лотман Ю.М.* Женский мир // Там же. С. 46–74.
- Лотман 1997а – *Лотман Ю.М.* Литература в контексте русской культуры XVIII века // Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб., 1997. С. 118–167.
- Лотман 1997б – *Лотман Ю.М.* О русской литературе классического периода // Там же. С. 596–602.
- Лотман 1997в – *Лотман Ю.М.* Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // Там же. С. 548–593.
- Лотман 1997г – *Лотман Ю.М.* Основные этапы развития русского реализма // Там же. С. 530–547.
- Лотман 2000а – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2000.
- Лотман 2000б – *Лотман Ю.М.* О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 664–666.
- Лотман 2003а – *Лотман Ю.М.* Пушкин. СПб., 2003.

- Лотман 2003б – *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 2003. С. 472–762.
- Лудмер 1884 – *Лудмер Я.И.* Бабы стоны. Из заметок мирового судьи // Юрид. вестн. 1884. № 11. С. 446–447; № 12. С. 658–679.
- Лудмер 1885 – *Лудмер Я.И.* Бабы дела на мировом суде // Там же. 1885. № 11. С. 522–531.
- Лукач 1939 – *Лукач Г.* Толстой и развитие реализма // Жданов 1939б: 14–77.
- Лыкова 2001 – *Лыкова В.С.* Философские воззрения Н.Н. Стрехова: Дисс. М., 2001.
- М.В. 1875 – *М.В.* Новости русской литературы // Зелинский В. (ред.). Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. М., 1912. С. 51–62. (1-е изд.: Новости. 1875. № 134.)
- Макашин 1978 – *Макашин С.А.* (ред.). Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978.
- Максимов 1909 – *Максимов В.Я.* (ред.). Законы о разводе. М., 1909.
- Марков 1878а – *Марков В.В.* Навстречу. СПб., 1878.
- Марков 1878б – *Марков В.В.* Художественно-консервативный роман // Марков В.В. Навстречу. СПб., 1878. С. 404–449.
- Матич 2006 – *Матич О.* Поздний Толстой и Блок // Богданов К. (ред.). Русская литература и медицина. Тело, предписания, социальная практика. М., 2006. С. 193–207.
- Мейер 1861–1862 – *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: В 2-х т. СПб., 1861–1862.
- Мендельсон 1934 – *Мендельсон Н.М.* Герцен–Прудон–Толстой // Лит. наследство. М., 1934. Т. 15. С. 282–286.
- Мендельсон 1935 – *Мендельсон Н.М.* «Семейное счастье». История писания и печатания // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1935. Т. 5. С. 304–309.
- Мещерский 1876 – *Мещерский В.* Лорд-апостол в большом петербургском свете: Повесть: В 3 т. СПб., 1876.
- Миронов 1999 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 1999.
- Мирянин 1891 – *Мирянин М.* Старая песня на новый лад. По поводу «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого. Седец, 1891.
- Митрополит Филарет 2011 – *Митрополит Филарет.* Пространный Ка-техизис. М., 2011.

- Михайлов 1860 – *Михайлов М.Л.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Современник. 1860. № 4. С. 473–500; № 5. С. 89–106; № 8. С. 335–350.
- Михайлов 1903 – *Михайлов М.Л.* Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе; Женщины в университете; Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин; Уважение к женщинам. СПб., 1903.
- Михайловский 1875 – *Михайловский Н.К.* Записки профана. Десница и щуйца Льва Толстого // Отечеств. зап. 1875. № 5. С. 106–149; № 6. С. 300–334; № 7. С. 164–200.
- Михайловский 1892а – *Михайловский Н.К.* [1892]. В одной из толстовских колоний. Из прошлого и настоящего гр. Л.Н. Толстого. Poleмика с ним И.И. Мечникова // Михайловский Н.К. Литературные воспоминания и современная смута: В 2 т. СПб., 1900. Т. 1.
- Михайловский 1892б – *Михайловский Н.К.* Литература и жизнь. СПб., 1892.
- Михайловский 1900 – *Михайловский Н.К.* Литературные воспоминания и современная смута: В 2 т. СПб., 1900. Т. 1.
- Модзалевский 1914 – *Модзалевский Б.Л.* (ред.). Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым 1870–1894. СПб., 1914.
- Мордухай-Болтовский 1910 – *Мордухай-Болтовский И.Д.* Свод законов российской империи. СПб., 1910.
- Муравьева 2011 – *Муравьева М.Г.* (ред.). Вина и позор. СПб., 2011.
- Муратов 1934 – *Муратов М.В.* Толстой и В.Г. Чертков по их переписке. М., 1934.
- Мюллер-Кочеткова 1983 – *Мюллер-Кочеткова Т.В.* Стендаль. Встречи с прошлым и настоящим. Рига, 1983.
- Нардова 1994 – *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994.
- Никанор 1894 – *Никанор (Бровкович).* Беседа высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского о христианском супружестве, против графа Льва Толстого. Одесса, 1894.
- Никитин 1875 – *Никитин П. [Ткачев П.]*. Критический фельетон // Дело. 1875. № 5. С. 13–42.
- Никитин 1878 – *Никитин П. [Ткачев П.]*. Салонное искусство // Дело. 1878. № 2. С. 346–368; № 4. С. 283–326.
- Новиков 1929 – *Новиков М.М.* (ред.). Научные труды русского народного университета в Праге. Прага, 1929. Т. 2.

- Одесский 2011 – *Одесский М.П.* Четвертое измерение литературы: Статьи о поэтике. М., 2011.
- Озеров 1896 – *Озеров И.Х.* Сравнительная преступность полов в зависимости от некоторых факторов // Журн. юрид. о-ва. 1896. № 4. С. 45–83.
- Опульская 1979 – *Опульская Л.Д.* Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979.
- Опульская и др. 1980 – *Опульская Л.Д., Паперный З.С., Шталов С.Е.* (ред.). Чехов и Лев Толстой. М., 1980.
- Орович 1900 – *Орович Я. [Канторович Я.А.]* Женщина в праве. СПб., 1900.
- Осипов 1911 – *Осипов Н.Е.* Толстой и медицина. М., 1911.
- Осипов 1913 – *Осипов Н.Е.* «Записки сумасшедшего», незаконченное произведение Л.Н. Толстого. М., 1913.
- Осипов 2011 – *Осипов Н.Е.* Собрание трудов. Т. 3: Детские воспоминания Толстого. Вклад в теорию либидо Фрейда. Ижевск, 2011.
- Панченко 2002 – *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
- Паперно 1996 – *Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский, человек эпохи реализма. М., 1996.
- Паперно 1999 – *Паперно И.А.* Самоубийство как культурный институт. М., 1999.
- Пеллико 1836 – *Пеллико С.* Об обязанностях человека. Наставление юноше. СПб., 1836.
- Первушина 2013 – *Первушина Е.В.* Петербургские женщины XIX века. М.; СПб., 2013.
- Пирогов 1985 – *Пирогов Н.И.* Избранные педагогические произведения. М., 1985.
- Победоносцев 1868–1880 – *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права: В 3 т. СПб., 1868–1880.
- Победоносцев 1993 – *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993.
- Позднышева 1896 – Ее Крейцера соната. Из дневника г-жи Позднышевой. Киев, 1896.
- Покровская 1900 – *Покровская М.И.* Борьба с проституцией. СПб., 1900.
- Покровская 1902 – *Покровская М.И.* Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа [1902] // Пушкирева Н.Л., Бессмертных Л.В. (ред.). «А се грехи злые, смертные...». Кн. 3. С. 688–722.

- Покровский 1910 – *Покровский Е.А.* Об уходе за малыми детьми. М., 1910.
- Полосина 2008 – *Полосина А.Н.* Французские книги XVIII века яснополянской библиотеки – как источник творчества Л.Н. Толстого: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Полунов 2010 – *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической жизни России. М., 2010.
- Пономарева и др. 2009а – *Пономарева В.В., Хорошилова Л.В.* Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. М., 2009.
- Пономарева и др. 2009б – *Пономарева В.В., Хорошилова Л.В.* Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. М., 2009.
- Попова 2002 – *Попова А.Л.* Судебная реформа 1864 года и развитие гражданского общества во второй половине XIX века // *Общественные науки и современность.* 2002. № 3.
- Преображенский 1891 – *Преображенский Ф.П.* Христианский брак. Несколько слов о сущности и условиях христианского брака по поводу воззрений графа Л.Н. Толстого в сочинениях: «Крейцера соната» и «Послесловие» к ней. М., 1891.
- Протопопов 1891 – *Протопопов М.А.* Психологический вопрос (По поводу последней повести Льва Толстого в сочинениях: «Крейцера соната») // *Русская мысль.* 1891. № 8. С. 123–144.
- Путинцев 1959 – *Путинцев В.А.* Н.А. Тучкова и ее записки // *Тучкова-Огарева Н.А.* Воспоминания. М., 1959. С. 1–19.
- Пушкарева 1997а – *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М., 1997.
- Пушкарева 1997б – *Пушкарева Н.Л.* Женщина в русской семье: традиции и современность // *Тишков В.А.* (ред.). *Семья, гендер, культура.* М., 1997. С. 187–197.
- Пушкарева 2001 – *Пушкарева Н.Л.* Имущественные права женщин в XVIII – начале XIX в. // *Гончаров Ю.М.* (ред.). *Семья в ракурсе социального знания.* Барнаул, 2001. С. 188–203.
- Пушкарева 2002 – *Пушкарева Н.Л.* Русская женщина: история и современность. М., 2002.
- Пушкарева 2009 – *Пушкарева Н.Л.* (ред.). *Социальная история. Ежегодник (2008).* СПб., 2009.
- Пушкарева 2011 – *Пушкарева Н.Л.* Позорящие наказания для женщин в России XIX – начала XX в. // *Муравьева М.Г.* (ред.). *Вина и позор.* СПб., 2011. С. 203–204.

- Пушкарева, Бессмертных 2004 – *Пушкарева Н.Л., Бессмертных Л.В.* (ред.). «А се грехи злые, смертные...»: В 3 кн. М., 2004.
- Разумовский 1892 – *Разумовский А.П.* «Крейцера соната» графа Л.Н. Толстого и ее выводы. М., 1892.
- Райх 1910 – *Райх М.* Женщина в миросозерцании Толстого // Женское дело. 1910. № 29–30. С. 6–8.
- Ранкур-Лаферьер 2002 – *Ранкур-Лаферьер Д.* «Крейцера соната». Клейнианский анализ толстовского неприятия секса // Лейбин В.М. (ред.). Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2002. С. 141–162.
- Ранкур-Лаферьер 2004 – *Ранкур-Лаферьер Д.* Русская литература и психоанализ. М., 2004.
- Рачинский 1953 – *Рачинский С.А.* Письмо к Л.Н. Толстому от 5 февраля 1878 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1953. Т. 62. С. 378.
- Редакция 1877 – От редакции // Рус. вестн. 1877. № 5. С. 472.
- Рейнгольд 1891 – *Рейнгольд А.* Немецкие критики «Крейцеровой сонаты» // Книжки Неделю. 1891. № 1. С. 186–196.
- Ремнев 1997 – *Ремнев А.В.* Канцелярия прошений в самодержавной системе правления конца XIX столетия // Исторический ежегодник. 1997. С. 17–35.
- Розанов 1899 – *Розанов В.В.* Религия и культура. СПб., 1899.
- Розанов 1901 – *Розанов В.В.* В мире неясного и нерешенного. СПб., 1901.
- Розанов 1903а – *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России. СПб., 1903.
- Розанов 1903б – *Розанов В.В.* О непорочной семье и ее главном условии // Розанов В.В. Семейный вопрос в России. С. 78–84.
- Розанов 1908 – *Розанов В.В.* Поездка в Ясную Поляну // Рус. слово. 1908. № 236.
- Роллан 1992 – *Роллан Р.* Жизни великих людей. М., 1992.
- Рцы 1891 – *Рцы* (псевд. *Романова И.*). Из черновых набросков «Рцы». Тексты перепутал! По поводу «Крейцеровой сонаты» Л.Н. Толстого. СПб., 1891.
- Саатчиан 1911 – *Саатчиан А.Л.* (ред.). Свод законов гражданских по состоянию на 1911 г. СПб., 1911.
- Сабанеева 1914 – *Сабанеева Е.А.* Воспоминания о былом: из семейной хроники 1770–1838. СПб., 1914.
- Салтыков-Щедрин 1965–1977 – *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: В 20 т. М., 1965–1977.

- Салтыков-Щедрин 1975а – *Салтыков-Щедрин М.Е.* Письмо П.В. Анненкову 9 марта 1875 г. // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1975. Т. XVIII/2. С. 179–180.
- Салтыков-Щедрин 1975б – *Салтыков-Щедрин М.Е.* Письмо П.В. Анненкову 2 декабря 1875 г. // Там же. С. 232–234.
- Семанова 1980 – *Семанова М.Л.* «Крейцерова соната» Л.Н. Толстого и «Ариадна» А.П. Чехова // Опульская Л.Д., Паперный З.С., Шатанов С.Е. (ред.). Чехов и Лев Толстой. М., 1980. С. 225–253.
- Сироткина 2002 – *Сироткина И.Е.* Классики и психиатры. М., 2002.
- Скабичевский 1875 – [*Скабичевский А.М.*] Заурядный читатель. Мысли о текущей литературе // Зелинский В.А. (ред.). Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. М., 1912. С. 62–70 (1-е изд.: Биржевые ведомости. 1875. № 77).
- Скабичевский 1876 – [*Скабичевский А.М.*] Заурядный читатель // Там же. С. 222–230.
- Скабичевский 1880 – *Скабичевский А.М.* Разлад художника и мыслителя // Рус. богатство. 1880. № 1. 1880. С. 1–34.
- Скабичевский 1887 – *Скабичевский А.М.* Граф Лев Николаевич Толстой как художник и мыслитель (Критические очерки и заметки). СПб., 1887.
- Скафтымов 1930 – *Скафтымов А.П.* О психологизме в творчестве Стендала и Л. Толстого [1930] // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 165–181.
- Скафтымов 1972 – *Скафтымов А.П.* Нравственные искания русских писателей. М., 1972.
- Созерцатель 1890 – *Созерцатель [Оболенский Л.Е.]*. Вопросы в новейшей беллетристике // Рус. богатство. 1890. № 3. С. 188–200.
- Соловьев 1875а – [*Соловьев Вс.*] Sine Ira // Зелинский В.А. Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. М., 1912. С. 1–10. (1-е изд.: С.-Петербург. ведомости. 1875. № 39.)
- Соловьев 1875б – [*Соловьев Вс.*] Sine Ira // Там же. С. 84–93 (1-е изд.: С.-Петербург. ведомости. 1875. № 65).
- Соловьев 1875в – [*Соловьев Вс.*] Sine Ira // Там же. С. 113–116 (1-е изд.: С.-Петербург. ведомости. 1875. № 105).
- Соловьев 1876 – [*Соловьев Вс.*] Современная литература // Там же. С. 213–221. (1-е изд.: Рус. мир. 1876. № 46.)
- Сорокин 1916 – *Сорокин П.А.* Кризис современной семьи // Ежемесяч. журн. 1916. № 2. С. 174–186; № 3. С. 159–171.

- Спасский 1898 – *Спасский М.И.* Лев Толстой и христианский брак [1898] // Шарапов С.Ф. Сущность брака: обмен мыслей между Н.А. Аксаковым, Мирянином, В.В. Розановым, Рцы (И.Ф. Романовым), прот. Александром У-ским и С.Ф. Шараповым с прил. Ст. свящ. М.И. Спасского. М., 1901. С. 14–33.
- Способин 1881 – *Способин А.Д.* О разводе в России. М., 1881.
- Станкевич 1878 – *Станкевич А.В.* Каренина и Левин // Вестн. Европы. 1878. № 4. С. 784–820; № 5. С. 172–193.
- Стокгем 1892 – *Стокгем А.* Токология, или Наука о деторождении: (Гигиена беременных и новорожденных). Киев, 1892.
- Страхов 1869 – *Страхов Н.Н.* Война и мир. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Т. I, II, III, и IV [1869] // Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом (1862–1885). Киев, 1901.
- Страхов 1883 – *Страхов Н.Н.* Взгляд на текущую литературу // Русь. 1883. № 1. С. 52–60; № 2. С. 33–42.
- Страхов 1893 – *Страхов Н.Н.* Брак, рассматриваемый в своей природе и со стороны формы его заключения. Харьков, 1893.
- Страхов 1901 – *Страхов Н.Н.* Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. СПб., 1901.
- Струженцов 1902 – *Струженцов М.И.* Православно-христианское учение о браке: По поводу воззрений на брак гр. Л.Н. Толстого и некоторых современных публицистов // Богослов. вестн. 1902. № 7–8. С. 385–432.
- Суворин 1875 – *Суворин А.С.* Очерки и картинки. СПб., 1875. Кн. 1.
- Таганцев 1868 – *Таганцев Н.С.* О детоубийстве // Журнал министерства юстиции. Ежемесячное приложение к Судебному вестнику. 1868. № 9. С. 215–250; № 10. С. 341–380.
- Тарновская 1902 – *Тарновская П.Н.* Женщины-убийцы. СПб., 1902.
- Тишков 1997 – *Тишков В.А.* (ред.). Семья, гендер, культура. М., 1997.
- Толстая 1978а – *Толстая С.А.* Дневники: В 2 т. М., 1978.
- Толстая 1978б – *Толстая С.А.* Мои записи разные для справок // Толстая С.А. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 495–511.
- Толстая 1994 – *Толстая С.А.* Чья вина? Повесть женщины (По поводу Крейцеровой сонаты Льва Толстого) // Октябрь. 1994. № 10.
- Толстой 1906 – *Толстой Л.Н.* О половом вопросе. СПб., 1906.
- Толстой 1928–1958 – *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1928–1958. [Репринт, 1992.]
- Толстой 1934 – *Толстой Л.Н.* Письмо М.С. Громеке. Январь 1883 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1934. Т. 63. С. 129–131.

- Толстой 1935 – *Толстой Л.Н.* Семейное счастье // Там же. М., 1935. Т. 5. С. 67–144.
- Толстой 1935–1939 – *Толстой Л.Н.* Анна Каренина // Там же. М., 1935–1939. Т. 19–20.
- Толстой 1936а – *Толстой Л.Н.* [О браке и призвании женщины] // Там же. М., 1936. Т. 7. С. 133–135.
- Толстой 1936б – *Толстой Л.Н.* Крейцеровна соната // Там же. М., 1936. Т. 27. С. 5–92.
- Толстой 1936в – *Толстой Л.Н.* О самоубийстве // Там же. М., 1936. Т. 38. С. 391–411.
- Толстой 1936г – *Толстой Л.Н.* О жизни // Там же. М., 1936. Т. 26. С. 313–442.
- Толстой 1936д – *Толстой Л.Н.* Ясно-полянская школа за ноябрь и декабрь месяцы. Статья 3-я // Там же. М., 1936. Т. 8. С. 110–126.
- Толстой 1937 – *Толстой Л.Н.* Письмо к В.Г. Черткову от 24 апреля 1890 // Там же. М., 1937. Т. 87. С. 24.
- Толстой 1937–1940 – *Толстой Л.Н.* Война и мир // Там же. М., 1937–1940. Т. 9–12.
- Толстой 1949а – *Толстой Л.Н.* Письмо к С.А. Толстой от 19 апреля 1892 г. // Там же. М., 1949. Т. 84. С. 138–139.
- Толстой 1949б – *Толстой Л.Н.* Письмо В.П. Боткину от 3 мая 1859 г. // Там же. М., 1953. Т. 60. С. 296.
- Толстой 1949в – *Толстой Л.Н.* Варианты к тому первому «Войны и мира» // Там же. М., 1949. Т. 13. С. 198–540.
- Толстой 1952а – *Толстой Л.Н.* Дневник 1890 г. // Там же. М., 1952. Т. 51. С. 7–116.
- Толстой 1952б – *Толстой Л.Н.* Дневник 1884 г. // Там же. М., 1952. Т. 49. С. 61–121.
- Толстой 1953а – *Толстой Л.Н.* Письмо Н.Н. Страхову от 25 марта 1873 г. // Там же. М., 1953. Т. 62. С. 16–18.
- Толстой 1953б – *Толстой Л.Н.* В редакцию «Нового времени». 10 июня 1877 г. // Там же. С. 329–332.
- Толстой 1953в – *Толстой Л.Н.* Письмо А.А. Фету от 1–2 сентября 1877 г. // Там же. С. 340–341.
- Толстой 1953г – *Толстой Л.Н.* Письмо Н.Н. Страхову от 12–13 ноября 1876 г. // Там же. С. 290–291.
- Толстой 1953д – *Толстой Л.Н.* Письмо 8–12 марта 1876 г. // Там же. С. 256–257.

- Толстой 1953е – *Толстой Л.Н.* Письмо А. Стокгем от 30 ноября 1888 г. // Там же. М., 1953. Т. 64. С. 202–203.
- Толстой 1953ж – *Толстой Л.Н.* Письмо С.А. Рачинскому от 27 января 1878 г. // Там же. С. 376–377.
- Толстой 1953з – *Толстой Л.Н.* Письмо С.А. Рачинскому от 8(?) апреля 1878 г. // Там же. С. 517–518.
- Толстой 1970 – *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Роман в восьми частях. М., 1970.
- Толстой 1978–1985 – *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: В 22 т. М., 1978–1985.
- Толстой 2010 – *Толстой Л.Н.* Педагогические сочинения. М., 2010.
- Толстой Л.Л. 1900 – *Толстой Л.Л.* Прелюдия Шопена и другие рассказы. М., 1900.
- Толстой С. 1939 – *Толстой С.Л.* Об отражении жизни в «Анне Карениной»: Из воспоминаний // Жданов 1939б: 566–590.
- 13-й том – Тринадцатый том сочинений гр. Л.Н. Толстого // Книжки «Недели». № 9. С. 125.
- Трохина 2001 – *Трохина Т.Б.* «Пикантные ситуации»: некоторые размышления о разводе в России конца XIX в. // Гончаров Ю.М. (ред.). Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 82–96.
- Трубецкой 1975 – *Трубецкой Н.С.* Литературное развитие Льва Толстого // Jakobson R. (ed.). N.S. Trubetzkoy's letters and notes. P., 1975. P. 475–479.
- Тур 1859 – *Тур Е.* Женщина и любовь по понятиям Мишле // Рус. вестн. XXI. 1859. № 1. С. 461–500.
- Тургенев 1966а – *Тургенев И.С.* Письмо А.Ф. Онегину, 13 (15) февраля 1875 // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М., 1966. Т. 11. С. 24.
- Тургенев 1966б – *Тургенев И.С.* Письмо П.В. Анненкову 16 (18) марта 1876 г. // Там же. С. 233–234.
- Тургенев 1966в – *Тургенев И.С.* Письмо А.В. Плетневой 13 (15) февраля 1875 г. // Там же. С. 24–25.
- Тургенев 1966г – *Тургенев И.С.* Письмо П.В. Анненкову. Вторая половина февраля – 25 февраля (9 марта) 1875 г. // Там же. С. 34–35.
- Тургенев 1966д – *Тургенев И.С.* Письмо А.В. Топорову 20 марта (1 апреля) 1875 г. // Там же. С. 49–50.
- Тургенев 1966е – *Тургенев И.С.* Письмо Ю.П. Вревской 10 (22) марта 1876 г. // Там же. С. 229–230.

- Тучкова-Огарева 1959 – *Тучкова-Огарева Н.А.* Воспоминания. М., 1959.
- Тютрюмов 2004 – *Тютрюмов И.М.* Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. М., 2004.
- Ульянов 1911 – *Ульянов Н.А.* (ред.). Указатель журнальной литературы. М., 1911.
- Успенский 1957а – *Успенский Г.И.* Собрание сочинений: В 9 т. М., 1957.
- Успенский 1957б – *Успенский Г.И.* Письмо в редакцию газеты «Обзор» 22 октября 1878 г. // Успенский Г.И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1957. Т. 9.
- Ушакин 2004 – *Ушакин С.* (ред.). Семейные узы: модели для сборки: В 2 кн. М., 2004.
- Фет 1877 – *Фет А.А.* Что случилось по см[ерти] Анны Кар[ениной] в Русск[ом] В[естнике] // Литературное наследство. Т. 37–38: Л.Н. Толстой. М., 1939. Кн. 2. С. 231–238.
- Филиппов 1861 – *Филиппов М.А.* Взгляд на русские гражданские законы // Современник. 1861. № 2. С. 523–562; № 3. С. 217–266.
- Филиппов 1871–1875 – *Филиппов М.А.* Судебная реформа в России: В 2 т. СПб., 1871–1875.
- Фойницкий 1893 – *Фойницкий И.Я.* Женщина-преступница // Север. вестн. 1893. № 2. С. 123–144; № 3. С. 111–140.
- Фон Хейденфельдт 1897 – *Фон Хейденфельдт Х.* Из женской жизни по поводу «Крейцеровой сонаты». М., 1897.
- Фраде 2001 – *Фраде В.* История коллективного разочарования: дружба, нравственность и религиозность в дружеском кругу А.И. Герцена – Н.П. Огарева 1830–1840-х // Нов. лит. обозрение. 2001. № 49.
- Фуко 1996 – *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
- Чернуха 2007 – *Чернуха Б.Г.* Паспорт в России 1719–1917. СПб., 2007.
- Чернышевский 1975 – *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Л., 1975.
- Чертков 1889а – *Чертков В.Г.* Письмо В.Г. Черткова Л.Н. Толстому от 27 октября 1889 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1937. Т. 86. С. 272–273.
- Чертков 1889б – *Чертков В.Г.* Письмо В.Г. Черткова Л.Н. Толстому от 28 октября 1889 г. // Там же. С. 273–274.
- Чертков 1889в – *Чертков В.Г.* Письмо В.Г. Черткова Л.Н. Толстому от 28 октября 1889 г. // Там же. С. 285–286.

- Чертков 1890 – *Чертков В.Г.* Письмо В.Г. Черткова к Л.Н. Толстому 1890 г. // Там же. М., 1937. С. 87.
- Чехов 1890 – *Чехов А.П.* Письмо А.Н. Плещееву. 15 февраля 1890 г. // Чехов А.П. Переписка А.П. Чехова: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 367–368.
- Чехов 1891 – *Чехов А.П.* Письмо А.С. Суворину. 8 сентября 1891 г. // Там же. С. 231–232.
- Чехов 1984 – *Чехов А.П.* Переписка А.П. Чехова: В 2 т. М., 1984.
- Чуйко 1878 – *Чуйко В.В.* Литературное обозрение // Пчела. 1878. № 3. С. 43–47.
- Чуйко 1892 – *Чуйко В.В.* Последние произведения графа Л.Н. Толстого (по поводу тринадцатого тома) // Наблюдатель. 1892. № 1. С. 118–136.
- Шарапов 1901 – *Шарапов С.Ф.* Сущность брака: обмен мыслей между Н.А. Аксаковым, Мирянином, В.В. Розановым, Рцы (И.Ф. Романовым), прот. Александром У-ским и С.Ф. Шараповым с прил. Ст. свящ. М.И. Спасского. М., 1901.
- Шатин 2002 – *Шатин Ю.В.* Три Анны. Нарратология русского адюльтера. Екатеринбург, 2002.
- Шашков 1871 – *Шашков С.С.* Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. СПб., 1871.
- Шашков 1872 – *Шашков С.С.* Очерк истории русской женщины. СПб., 1872.
- Шевцова 1997 – *Шевцова Д.М.* Функционирование библейских эпитафий в художественной структуре романов Л.Н. Толстого («Анна Каренина», «Воскресение») и Ф.М. Достоевского («Братья Карамазовы»): Дисс. Н. Новгород, 1997.
- Шеляпина 1978 – *Шеляпина Н.Г.* Библиография литературы о Л.Н. Толстом. 1968–1973. М., 1978.
- Шеляпина и др. 1960 – *Шеляпина Н.Г., Дрибинский А.М., Ершова О.Е., Покровская И.А., Усачева А.С., Шумова Б.М.* Библиография литературы о Л.Н. Толстом. 1917–1958. М., 1960.
- Шеляпина и др. 1965 – *Шеляпина Н.Г., Усачева А.С., Лисовская Л.Г.* Библиография литературы о Л.Н. Толстом. 1959–1961. М., 1965.
- Шеляпина и др. 1972 – *Шеляпина Н.Г., Усачева А.С., Лисовская Л.Г.* Библиография литературы о Л.Н. Толстом. 1962–1967. М., 1972.
- Шестаков 1991 – *Шестаков В.П.* (ред.). Русский эрос или философия любви в России. М., 1991.

- Шкловский 1973–1974 – *Шкловский В.Б.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 1973–1974.
- Шкловский 1974 – *Шкловский В.Б.* Лев Толстой // Шкловский В.Б. Собр. соч.: В 3 т. М., 1974. Т. 2.
- Эйхенбаум 2009а – *Эйхенбаум Б.М.* Наследие Белинского и Лев Толстой // Эйхенбаум Б.М. Работы о Льве Толстом. СПб., 2009. С. 837–860.
- Эйхенбаум 2009б – *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. Семидесятые годы // Там же. С. 563–684.
- Эйхенбаум 2009в – *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой. Пятидесятые годы // Там же. С. 147–352.
- Эйхенбаум 2009г – *Эйхенбаум Б.М.* Работы о Льве Толстом. СПб., 2009.
- Экс 1875 – *Экс [Чебышев-Дмитриев А.П.]*. [Без названия] // Зелинский В. (ред.). Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. М., 1912. С. 47–50. (1-е изд.: Новое время. 1875. № 49.)
- Эткинд 2013 – *Эткинд А.М.* Хлыст. Секты, литература и революция. М., 2013.
- Юнг 2002 – *Юнг К.* Об отношениях аналитической психологии к произведениям художественной литературы // Лейбин В. (ред.) Классический психоанализ и художественная литература. СПб., 2002. С. 106–130.
- Юрьев, Владимирский 1889 – *Юрьев, Владимирский.* Хороший тон: сборник советов и наставлений на разные случаи домашней и общественной жизни. СПб., 1889.
- Х.У.З. 1875а – *Х.У.З. [Чуйко В.В.]*. Очерки литературы // Зелинский В.А. Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого. М., 1912. С. 11–19. (1-е изд.: Голос. 1875. № 37.)
- Х.У.З. 1875б – *Х.У.З. [Чуйко В.В.]*. Очерки литературы // Там же. С. 94–101. (1-е изд.: Голос. 1875. № 72.)
- Х.У.З. 1875в – *Х.У.З. [Чуйко В.В.]*. Очерки литературы // Там же. С. 101–112. (1-е изд.: Голос. 1875. № 105.)
- З.З.З. 1875 – *З.З.З.* Литературные и общественные заметки // Там же. С. 70–81. (1-е изд.: Одесский вестник. 1875. № 69.)

Литература на иностранных языках

- Armstrong 2003 – *Armstrong J.* Anna Karenina and the Novel of Adultery // Knapp L., Mandelker A. (ed.). Approaches to Teaching Tolstoy's Anna Karenina. N. Y., 2003. P. 117–123.
- Barran 1992 – *Barran T.* Rousseau's Political Vision and Tolstoy's What is Art? // Tolstoy Studies Journal. 1992. № 5. P. 1–13.
- Barthes 1982 – *Barthes R.* Littérature et réalité. P., 1982.
- Becker 2011 – *Becker E.* Medicine, Law and the State in Imperial Russia. Budapest; N.Y., 2011.
- Bergamo, Marchetti 1989 – *Bergamo M., Marchetti V.* (a cura di). Sul discorso mistico. Omaggio a Michel de Certeau. Firenze, 1989.
- Bianchi et al. 2004 – *Bianchi B., Magnanini E., Salomoni A.* Culture della disobbedienza. Tolstoj e i Duchobory. Milano, 2004.
- Brooks 1978 – *Brooks J.* Readers and the Reading at the End of the Tsarist Era // Todd W. (ed.). Literature and society in imperial Russia, 1800–1914. Stanford (CA), 1978. P. 97–150.
- Brooks 1985 – *Brooks J.* When Russia learned to read: literacy and popular literature, 1861–1917. Princeton (N. J.), 1985.
- Buckler 2003 – *Buckler J.* Reading Anna: Opera, Tragedy, Melodrama, Farce // Knapp L., Mandelker A. (ed.). Approaches to Teaching Tolstoy's Anna Karenina. N.Y., 2003. P. 130–136.
- Burry 2013 – *Burry A.* A stony vengeance: donjuanism and retribution in *Anna Karenina* // Slavic and East European Journal. 2013. № 4. Vol. 57. P. 544–560.
- Cruise 2002 – *Cruise E.* Women, Sexuality and the Family in Tolstoy // Orwin D. (ed.) The Cambridge Companion to Tolstoy. Cambridge, 2002. P. 191–205.
- Cruise 2010 – *Cruise E.* Tracking the English novel in *Anna Karenina*: who wrote the English novel that Anna reads? // Orwin D. (ed.) Anniversary essays on Tolstoy. Cambridge, 2010. P. 159–182.
- De Giorgi 2012 – *De Giorgi R.* L'amico di Tolstoj Vladimir G. Čertkov. Profilo critico e bibliografico. Roma, 2012.
- De Rougemont 1998 – *De Rougemont D.* L'amore e l'Occidente. Eros, morte e abbandono nella letteratura europea. Milano, 1998.
- Debreczeny 1997 – *Debreczeny P.* Social functions of literature: Alexander Pushkin and Russian culture. Stanford (CA), 1997.

- Demichev 2012–2013 – *Demichev A.* Society and the Courts in Russia in the 1860s and the 1870s // Russian Studies in History. 2012–2013. № 3. Vol. 51. P. 7–19.
- Depretto 2012 – *Depretto C.* (sous la direction). Un autre Tolstoï. P., 2012.
- Edwards 1993 – *Edwards R.* Tolstoy and Alice B. Stockham: The Influence of Tokology on *The Kreutzer Sonata* // Tolstoy studies journal. 1993. Vol. 6. P. 87–104.
- Emerson 2010 – *Emerson C.* Tolstoy and Music // Orwin D. (ed.). Anniversary essays on Tolstoy. Cambridge, 2010. P. 8–32.
- Emery 2011 – *Emery J.* Art is Inoculation: The Infectious Imagination of Leo Tolstoy // The Russian Review. 2011. № 4. Vol. 70. P. 627–645.
- Engel 1978 – *Engel B.* Mothers and Daughters: Family Patterns and the Female Intelligentsia // Ransel D. (ed.). The Family in Imperial Russia. Urbana, 1978. P. 44–59.
- Engel 1994 – *Engel B.* Between the fields and the city. Women, work, and family in Russia, 1861–1914. Cambridge [UK]; N.Y., 1994.
- Engel 2011 – *Engel B.* Breaking the ties that bound. N.Y., 2011.
- Engel – *Engel B.* Women and Urban Culture // Rosslyn W., Tosi A. Women in Nineteenth-Century Russia. Lives and Culture. Cambridge, 2012. P. 19–40.
- Engelstein 1994 – *Engelstein L.* The Keys to Happiness. Sex and Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca; L., 1994.
- Fiandra 2005 – *Fiandra E.* Desiderio e tradimento. L'adulterio nella narrativa dell'Ottocento europeo. Roma, 2005.
- Frieden 1978 – *Frieden N.* Child Care: Medical Reform in a Traditionalistic Culture // Ransel D. (ed.). The Family in Imperial Russia. Urbana, 1978. P. 236–259.
- Gasparov 1985 – *Gasparov B.* Introduction // Nakhimovsky D., Stone-Nakhimovsky A. (ed.). The Semiotics of Russian cultural history. Essays by Iurii M. Lotman, Lidiia Ia. Ginsburg, Boris A. Uspenskii. Ithaca (N.Y.), 1985. P. 13–29.
- Géry 2012 – *Géry C.* Natacha, Kitty e Léon Nikolaevitch sur le divan d'Ossipov ou les destinées psychanalytiques des œuvres de Tolstoï dans la Russie des années 1910 // Depretto C. (sous la direction). Un autre Tolstoï. P., 2012. P. 229–239.
- Ghini 2014 – *Ghini G.* Anime russe. Turgenev, Tolstoj, Dostoevskij. Milano, 2014.
- Giuliani 1995 – *Giuliani R.* (a cura di). Per Anna Karenina. Roma, 1995.

- Givens 2012 – *Givens J.* Tolstoy: Childhood, War, and Death // Russian Studies in Literature. 2012. № 3. Vol. 48. P. 3–6.
- Glagoleva 2000 – *Glagoleva O.* Dream and Reality of Russian Provincial Young Ladies 1700–1850 // Carl Beck Papers. 2000. № 1405. P. 3–87.
- Goshilo 2003 – *Goscilo H.* Motif-Mesh as Matrix: Body, Sexuality, Adultery, and the Woman Question // Knapp L., Mandelker A. (ed.). Approaches to Teaching Tolstoy's Anna Karenina. N.Y., 2003. P. 83–89.
- Gutkin 1989 – *Gutkin I.* The Dichotomy between Flesh and Spirit // McLean H. (ed.). In the shade of the giant: essays on Tolstoy. Berkeley; Los Angeles, 1989. P. 84–99.
- Hat 2013 – *Hat G.* The Rule of Zakon: The Criminal Cassation Department and Legality in Late Imperial Russia, 1866–94 // The Russian Review. 2013. № 72. P. 622–646.
- Hoogenboom et. al. 2008 – *Hoogenboom et. al.* (ed.). Mapping the feminine: Russian women and cultural difference. Bloomington, 2008.
- Jakobson 1975 – *Jakobson R.* (ed.). N.S. Trubetzkoy's letters and notes. P., 1975.
- Johnson 1978 – *Johnson R.* Family Relations and the Rural-Urban Nexus: Patterns in the Hinterland of Moscow, 1880–1900 // Ransel D. (ed.). The Family in Imperial Russia. Urbana, 1978. P. 263–279.
- Katz 2014 – *Katz M.R.* (ed.). The Kreutzer Sonata Variations: Lev Tolstoy's Novella and Counterstories by Sofiya Tolstaya and Lev Lvovich Tolstoy. New Haven; L., 2014.
- Knapp 1991 – *Knapp L.* Tolstoy on Musical Mimesis: Platonic Aesthetics and Erotics in “The Kreutzer Sonata” // Tolstoy studies journal. 1991. № 4. P. 25–42.
- Knapp 2003 – *L. Knapp.* The Names // Knapp L., Mandelker A. (ed.). Anna Karenina. N.Y., 2003. P. 8–23.
- Knapp, Mandelker 2003 – *Knapp L., Mandelker A.* (ed.). Anna Karenina. N.Y., 2003.
- Kowalsky 2009 – *Kowalsky S.* Deviant women: female crime and criminology in revolutionary Russia, 1880–1930. De-Kalb (IL), 2009.
- Lalo 2011 – *Lalo A.* Libertinage in Russian culture and literature: a bio-history of sexualities at the threshold of modernity. Leiden; Boston, 2011.
- Lazarus 1992 – *Lazarus S.* Tchekhov et La sonate a Kreutzer // Sémon M. (sous la direction). La sonate a Kreutzer. P., 1992 (= Cahiers Léon Tolstoï. № 6). P. 61–73.

- Le Goff 1974 – *Goff J. le*. Les mentalités: une histoire ambiguë // Le Goff J., Nora P. Faire de l'histoire. 1974. Vol. 3. P. 106–129.
- Le Blanc 2009 – *Le Blanc R.* Slavic sins of the flesh, food, sex, and carnal appetite in nineteenth-century Russian fiction. Durham (NH), 2009.
- Leblanc 2011 – *Leblanc R.* No More Horsing Around: Sex, Love, and Motherhood in Tolstoi's *Kholstomer* // *Slavic Review*. 2011. № 3. Vol. 70. P. 545–568.
- Lombardi 2008 – *Lombardi D.* Storia del matrimonio. Bologna, 2008.
- Mandelker 1993 – *Mandelker A.* Framing Anna Karenina. Tolstoy, the Woman Question, and the Victorian Novel. Columbus, 1993.
- Matich 2005 – *Matich O.* Erotic Utopia: the Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle. Madison (WI), 2005.
- McLean 1989 – *McLean H.* (ed.). In the shade of the giant: Essays on Tolstoy. Berkeley; Los Angeles, 1989.
- McReynolds 2013 – *McReynolds L.* Murder Most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia. Ithaca, 2013.
- Meyer 1995 – *Meyer P.* Anna Karenina: Tolstoy's Polemic with Madame Bovary // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. P. 243–259.
- Meyer 2008 – *Meyer P.* How the Russians Read the French. Madison (WI), 2008.
- Møller 1988 – *Møller P.* Postlude to the Kreutzer Sonata: Tolstoj and the debate on sexual morality in Russian literature in the 1980s. Leiden; N.Y., 1988.
- Møller 2012 – *Møller P.* Bitter Harvest: Tolstoj as a Witness to the Literary Debate on Sexual Morals at the Turn of the Century // Depretto C. (sous la direction). Un autre Tolstoï. P., 2012. P. 79–91.
- Mondry 2010 – *Mondry H.* Vasily Rozanov and the Body of Russian Literature. Bloomington (IN), 2010.
- Morson 2007 – *Morson G.* *Anna Karenina* in Our Time. Seeing More Wisely. New Haven; L., 2007.
- Muravyeva 2012 – *Muravyeva M.* Between Law and Morality: Violence against Women in Nineteenth-Century Russia // Rosslyn W., Tosi A. Women in Nineteenth-Century Russia. Lives and Culture. Cambridge, 2012. P. 209–238.
- Nakhimovsky et al. 1985 – *Nakhimovsky D., Stone-Nakhimovsky A.* (ed.). The Semiotics of Russian Cultural History. Essays by Iurii M. Lotman, Lidiia Ia. Ginzburg, Boris A. Uspenskii. Ithaca (NY), 1985.

- Olson, Adonyeva 2012 – *Olson L., Adonyeva S.* The Worlds of Russian Village Women: Tradition, Transgression, Compromise. Madison, 2012.
- Orwin 2002 – *Orwin D.* (ed.). The Cambridge Companion to Tolstoy. Cambridge, 2002.
- Orwin 2010 – *Orwin D.* (ed.). Anniversary essays on Tolstoy. Cambridge, 2010.
- Paperno 2012 – *Paperno I.A.* What, then, shall we do: Tolstoy's way // Slavic and East European Journal. 2012. № 3. Vol. 56. P. 333–346.
- Paperno 2014 – *Paperno I.A.* “Who, What Am I?”. Tolstoy struggles to Narrate the Self. Ithaca, 2014.
- Pipes 1995 – *Pipes R.* Russia under the Old Regime. N.Y., 1995.
- Proudhon 1858 – *Proudhon J.-P.* De la Justice dans la révolution et dans l'église. P., 1858.
- Proyart 1992 – *Proyart J. de.* Premières réactions à propos de La sonate à Kreutzer: la réponse littéraire de Nicolas Leskov // Sémon M. (sous la direction). La sonate a Kreutzer. P., 1992 (= Cahiers Léon Tolstoï. 1992. VI). P. 75–83.
- Pushkareva 1997 – *Pushkareva N.* Women in Russian History. Armonk; L., 1997.
- Ramer 1978 – *Ramer S.* Childbirth and Culture: Midwifery in the Nineteenth-Century Russian Countryside // Ransel D. (ed.). The Family in Imperial Russia. Urbana, 1978. P. 218–235.
- Rancour-Laferriere 1993 – *Rancour-Laferriere D.* Anna's Adultery: Distal Sociobiology vs. Proximate Psychoanalysis // Tolstoy studies journal. 1993. Vol. 6. P. 33–46.
- Ransel 1978a – *Ransel D.* (ed.). The Family in Imperial Russia. Urbana, 1978.
- Ransel 1978b – *Ransel D.* Abandonment and Fosterage // Ransel D. (ed.). The Family in Imperial Russia. Urbana, 1978. P. 189–217.
- Reyfman 2008 – *Reyfman I.* Female Voice and Male Gaze // Hoogenboom et. al. (ed.). Mapping the feminine: Russian women and cultural difference. Bloomington, 2008. P. 29–50.
- Rieber 1993 – *Rieber A.* Mercanti e imprenditori nella Russia imperiale. Bologna, 1993.
- Rischin 1989 – *Rischin R.* Allegro Tumultuosissimamente // McLean H. (ed.). In the shade of the giant: Essays on Tolstoy. Berkeley; Los Angeles, 1989. P. 12–60.
- Rogger 1992 – *Rogger H.* La Russia pre-rivoluzionaria. Bologna, 1992.

- Rosslyn, Tosi 2012 – *Rosslyn W., Tosi A.* Women in Nineteenth-Century Russia. Lives and Culture. Cambridge, 2012.
- Salomoni 1989 – *Salomoni A.* Un luogo per Matteo 19: 10–12. Lev Nikolaevič Tolstoj e lo “skopčestvo” // Bergamo M., Marchetti V. (a cura di). Sul discorso mistico. Omaggio a Michel de Certeau. Firenze, 1989. P. 99–116.
- Schultze 1982 – *Schultze S.* The structure of *Anna Karenina*. Ardis, 1982.
- Sémon 1992a – *Sémon M.* (ed.). La sonate a Kreutzer. P., 1992 (= Cahiers Léon Tolstoï. VI). P. 7–85.
- Sémon 1992b – *Sémon M.* La musique de *La sonate a Kreutzer* // Sémon M. (sous la direction). La sonate a Kreutzer. P., 1992 (= Cahiers Léon Tolstoï. VI). P. 7–19.
- Steiner 2005 – *Steiner G.* Tolstoj o Dostoevskij. Milano, 2005.
- Stockham 1896 – *Stockham A.* Karezza; ethics of marriage. Chicago, 1896.
- Stone 1983 – *Stone L.* Famiglia, sesso e matrimonio in Inghilterra fra Cinque e Ottocento. Torino, 1983.
- Tanner 1979 – *Tanner T.* Adultery in the Novel. Baltimore, 1979.
- Thorlby 1987 – *Thorlby A.* Leo Tolstoy Anna Karenina. Cambridge, 1987.
- Todd 1978 – *Todd W.* (ed.). Literature and society in imperial Russia, 1800–1914. Stanford (CA), 1978.
- Todd 1986 – *Todd W.* Fiction and Society in the Age of Pushkin: ideology, institutions, and narrative. Cambridge (MA), 1986.
- Todd 1995–1996 – *Todd W.* Reading Anna in parts // Tolstoy studies journal. 1995–1996. Vol. 8. P. 125–128.
- Tovrov 1978 – *Tovrov J.* Mother-Child Relationships among the Russian Nobility // Ransel D. (ed.). The Family in Imperial Russia. Urbana, 1978. P. 15–43.
- Venturi 1977–1979 – *Venturi F.* Il populismo russo. Torino, 1977–1979.
- Wagner 1994 – *Wagner W.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.
- Walicki 1973 – *Walicki A.* Una utopia conservatrice. Torino, 1973.
- Weir 2011 – *Weir J.* Leo Tolstoy & the Alibi of Narrative. New Haven; L., 2011.
- West, Petrov 1998 – *West J., Petrov I.* Merchant Moscow-Images of Russia’s Vanished Bourgeoisie. Princeton (NJ), 1998.
- Zalambani 2010 – *Zalambani M.* L’istituzione del matrimonio in Anna Karenina // Europa Orientalis. 2010. № 29. P. 7–44.
- Zalambani 2013a – *Zalambani M.* Lo sfondo socio-culturale in Felicità familiare di L. Tolstoj // Studi Slavistici. 2013. № 10. P. 69–88.

- Zalambani 2013b – *Zalambani M.* The History of Mentality and Literature. How the Novel Anna Karenina was received in Russia at the End of the 19th Century // Russian literature. 2013. № 74. P. 417–452.
- Zalambani 2013c – *Zalambani M.* La sonata a Kreutzer e la nascita del matrimonio Borghese // Europa Orientalis. 2013. № 32. P. 21–51.
- Zola 1890 – *Zola É.* Zola defines count Tolstoi // New York Herald. 24 Aug. 1890.

Я хотела бы выразить благодарность
Михаилу Павловичу Одесскому за его ценные советы
и Джузеппе Гуццетти за иллюстрации к книге
и оформление ее обложки

Именной указатель

- А. Л., критик, псевд. 206
А. Н., критик, псевд. 197, 216
Абрашкевич М.М. 56, 68, 136, 189
Аверкиев Д.В. 98
Авсенко В.Г. 100, 101, 111, 116, 127, 128
Аксаков И.С. 99, 111
Аксаков Н.А. 213
Аксаков С.Т. 30, 32
Александр I 34
Александр II 30, 89
Александр III 89, 90, 200
Андреева Е. 40
Анненков К.Н. 34
Анненков П.В. 29, 107
Арсеньева В.В. 27, 47
- Бабаев Э.Г.** 95, 97, 98, 99, 132
Байрон Дж.Н.Г. (Byron G.N.G.) 16
Баклер Дж. (Buckler J.) 228
Бакунин М.А. 30
Бакунины 229
Безобразов П.В. 36, 37, 64
Бек Г. (Beck H.) 223
Беккер Э. (Becker E.M.) 82, 86, 89
Белинский В.Г. 29, 30, 39, 99, 126
- Белый Андрей (псевд. Б.Н. Бугаева) 199, 229
Берг М. 14
Бердяев Н.А. 199
Берс А.А. 20
Берс Е.А. 20
Берс С.А. – см. Толстая С.А.
Бетховен Л., ван (Beethoven L., van) 172
Благосветлов Г.Е. 99
Блок А.А. 199, 229
Бобров Д. 66
Боткин В.П. 27, 29, 48, 49
Боткин Я.А. 229
Бранди Леон – см. Мечников Л.И.
Брюсов В.Я. 199
Бронзов А.А. 209
Булгаков Ф.И. 136
Бьёрнсон М. (Björnson Martinus – в тексте Бьёрнстьерне) 196
- Вано** 116, 126, 127
Васильев А.В. 213
Васильченко Г.С. 174
Вересаев В.В. (псевд. В.В. Смидовича) 119
Верещагин О. 66
Веселовский А.Н. 100

- Вогюэ Э.М. (Vogüé E.M.) 13, 215
Вревская Ю.П. 108
Вышнеградский Н.А. 40, 43
- Гартман Э., фон** (Hartmann E., von) 115
Гаспаров Б. 14
Гегель Г.В.Ф. (Hegel G.W.F.) 31
Гервег Г. (Herwegh G.) 18
Герцен А.И. 18, 20, 21, 22, 29, 30, 31, 45, 46, 190
Герцен Н.А. 18
Гессен И.В. 192
Гёте И.В, фон (Goethe J.W., von) 16, 31, 167
Гинзбург Л. 14, 16, 17, 29, 115, 128
Гиппиус З.Н. 229
Говоруха-Отрок Ю.Н. (псевд.: Ю. Николаев, Юрко, Ю. Елагин) 214, 215
Гоголь Н.В. 113, 227
Голицын В.М. 129, 130
Головин К.Ф. (псевд.: Орловский К.Ф.) 114, 121, 231
Гольцев В.А. 100
Гончаров Ю.М. 57, 156
Григорович Д.В. 47
Григоровский С.П. 191–194
Григорьев А.А. 231
Громека М.С. 117, 120, 121, 128, 129, 134
Гудзий Н.К. 56, 62, 133, 145
Гусев А.Ф. 203–206
Гусев Н.Н. 81, 97, 105, 117, 122
- Даль В.И.** 93, 94
Державин Г.Р. 49
- Диккенс Ч.Дж.Х.** (Dickens Ch.J.H.) 135
Диоген Синопский 181
Добровольский В.И. 193
Добролюбов Н.А. 30, 43, 99, 123
Достоевский Ф.М. 29, 80, 98, 113, 114, 117, 133, 213, 227
Дружинин А.В. 18, 190
Дюма А., сын (Dumas A.) 137
- Екатерина II** 38
Елагин Ю. – см. Говоруха-Отрок Ю.Н.
Елисеев Г.З. 99
- Жданов В.А.** 71, 122, 133
Желтова В.П. 81
Женетт Ж. 119
Живов В.М. 94
Жук В.Н. 178
- Загоровский А.И.** 57, 75
Заламбани М. (Zalambani M.) 147
Зеланд Н.Л. 183
Золотарев Л.А. 157
Золя Э. (Zola Émile) 135, 222, 223
- Иванова Н.А.** 63
Исаева Е. 172
- Кавелин К.Д.** 35, 37, 70, 75
Каменцев М. 157
Капнист В.В. 49
Карамзин Н.М. 167
Катков М.Н. 19, 27, 89, 90, 98, 99, 100, 101, 122, 131, 132
Кемский, князь (псевд. В. Мещерского) 117

-
- Кизеветтер А.А. 37
Ковалевский М.М. 152, 153, 159
Кон И.С. 158, 166, 173, 224
Конради Е.И. 178
Краффт-Эбинг Р. (Krafft-Ebing R.) 173, 174
Круз Э. (Cruise Edwina) 138
Кулишер М.И. 75, 76
Куницын А.В. 34
- Л**ало А. (Lalo A.) 153, 169, 224
Леонтьев К.Н. 100, 111, 112, 117
Лермонтов М.Ю. 138, 139, 227
Лесков Н.С. 81, 82, 111
Лист Ф. (Liszt F.R., von) 188
Листовский И.С. 208, 209
Ломброзо Ч. (Lombroso C.) 182
Ломоносов М.В. 113
Лотман Ю.М. 15, 16, 17, 21, 32, 61, 72, 227
Лудмер Я.И. 64, 65, 66
- М**айков А.Н. 17
Максимов В.Я. 193
Манделькер Э. (Mandelker A.) 117, 138
Мария Феодоровна, императрица 38
Марков В.В. 101, 108, 109
Матич О. (Matich O.) 174
Мейер Д.И. 35, 36
Менделеева-Блок Л.Д. 229
Мендельсон Н.М. 27, 29, 45, 49
Мережковский Д.С. 100, 229
Мечников Л.И. (псевд.: Леон Бранди) см. Бранди Леон 18
Мещерский В.П. 7, 117
Мёллер П.У. (Møller P.U.) 196, 211
- Мирянин М., псевд. 69, 207, 213
Михайлов М.Л. 46, 47
Михайловский Н.К. 99, 102, 103, 217
Мишле Ж. (Michelet J.) 44–47
Морсон Г.С. (Morson G.S.) 79
- Н**абоков Д.Н. 90
Некрасов Н.А. 96, 99
Никанор (Бровкович Александр Иванович) 201–206
Николай I 39, 176
Николай II 90
Никольский В.Н. 34
Ноултон Ч. (Knoelton Ch.) 93
- О**боленский Л.Е. (псевд. Созерцатель) 23
Огарёв Н.П. 20, 30, 31, 141
Огарёва Н.А. (урожд. Тучкова) 20, 141
Озеров И.Х. 183
Онегин-Отто А.Ф. 107
Опульская 178
Орович Я. (псевд. Я.А. Канторовича) 17, 34, 35, 167
Осипов Н.Е. 146, 147, 226
Островский А.Н. 81
- П**авел I 38
Пайпс Р.Э. (Pipes R.E.) 81
Пеллико С. (Pellico S.) 178
Петр I 17, 75, 82, 188
Петрашевский (Петрашевский-Буташевич) М.В. 30
Пирогов Н.И. 42, 43
Пирогова А.С. 137
Писарев Д.И. 99, 126

- Плетнева А.В. 107
Плеханов Г.В. 100
Победоносцев К.П. 70, 75, 89, 90,
194, 200
Покровская М.И. 177
Покровский Е.А. 178, 179
Полонский Я.П. 17
Попов Е.И. 15
Попова А.Л. 86
Потебня А.А. 100
Преображенский Ф.П. 205
Протопопов М.А. 217, 218
Прудон П.-Ж. (Proudhon P.-J.) 44,
45, 46
Пушкарева Н.Л. 35, 64, 166, 176
Пушкин А.С. 15, 16, 17, 113, 139,
167, 168, 227
Пыпин А.Н. 100
- Разумовский А.П.** 151, 206
Ранкур-Лаферрьер Д. (Rancour-
Laferriere D.) 119, 122, 146,
150, 172
Рачинский С.А. 134, 135
Рипеллино А.М. (Ripellino A.M.) 56
Ричардсон С. (Richardson S.) 168
Розанов В.В. 28, 199, 206, 207, 210,
211, 212, 213
Роллан Р. (Rolland R.) 80
Романов И.Ф. (псевд.: Рцы) 207,
213–215
Русанов Г.А. 195
Руссо Ж.-Ж. (Rousseau J.-J.) 18,
19, 135, 136, 158, 178
Рцы – см. Романов И.Ф.
- Салтыков-Щедрин М.Е.** 99, 106,
107
- Санд Ж. (Sand George, псевд. Aurore
Dupin) 18, 19, 45, 47, 48, 190
Селиванов К. 207
Сен-Симон К.-А., де Рувруа
(Saint-Simon C.-H.,
de Rouvroy) 31
Скабичевский А.М. 101, 105, 106,
115, 121, 134, 231
Соловьев В.С. 110, 199, 213
Соловьев Вс.С. 101, 106, 110, 111,
120, 121, 124, 125
Сорокин П.А. 163, 177, 189
Спасский М.И., свящ. 213
Спенсер Г. (Spencer H.) 115, 116, 126
Сперанский М.М. 34
Стайнер Дж. (Steiner G.) 119
Станкевич А.В. 102, 122, 123, 127,
135
Станкевич Н.В. 30
Стендаль (Stendhal, псевд.
Beyle M.-H.) 116
Стокгем А. (Stockham A.B.) 180
Стоун Л. (Stone L.) 13, 58
Страхов Н.Н. 62, 99, 114, 115, 121,
131, 137, 164
Страхов Н.Н. (мл.) 164, 208
Струженцов М.И. 209, 210
Суворин А.С. 104, 105, 117
Сухотин М.М. 119
- Тарновская П.Н.** 182
Теннер П.Э. (Tanner P.A., Tony
Tanner) 184
Тихонравов Н.С. 100
Ткачев П.Н. (псевд.: П. Никитин,
П. Нионов, П.Н. Постный)
99, 102, 103, 104, 115, 123
Тодд У. (Todd W.) 15, 16, 130

-
- Толстая М.Н. 20
Толстая С.А. (урожд. Берс) 56, 144, 198
Толстой Д.Н. 20
Толстой Л.Л. 198
Толстой С.Н. 20
Топоров А.В. 107
Троллоп Э. 135
Трубецкой Н.С. 139
Тур Е. (псевд. Е.В. Салиас-де-Турнемир) 47
Тургенев И.С. 19, 29, 32, 107, 108
Тургенева А.А. 229
Тучкова-Огарёва Н.А. – см. Огарёва Н.А.
Тэн И. (Taine H.A.) 71, 115
- У**-ский Александр, прот. 213
Успенский Г.И. 110
- Фейербах** Л.А. (Feuerbach L.A.) 167
Феокистов Е.М. 200
Фет А.А. 17, 122, 125, 139
Филарет, митрополит 205
Филиппов М.А. 86, 88
Фихте И.Г. (Fichte J.G.) 31
Флобер Г. (Flaubert G.) 135, 136
Флоренский П.А. 199
Фойницкий И.Я. 93, 182
Фуко М. (Foucault M.) 151, 152, 153, 168, 173, 224
- Фурье Ш. (Fourier Ch.) 30, 31
Хэпгуд И.Ф. (Hapgood I.) 223
- Чебышев-Дмитриев** А.П. 127, 128
Чернышевские 229
Чернышевский Н.Г. 18, 19, 22, 30, 31, 43, 44, 52, 84, 99, 123, 155, 160, 190
Чертков В.Г. 144, 148, 150, 172
Чехов А.П. 92, 140, 167, 181
Чичерин Б.Н. 190
Чуйко В.В. 96, 115, 116, 128, 219
- Шарапов** С.Ф. 213, 214
Шашков С.С. 17, 18, 64, 93, 95
Шелгунов Н.В. 46, 99, 229
Шелгунова Л.П. 46, 229
Шеллинг Ф.В.Й. (Schelling F.W.J.) 31
Шиллер И.К.Ф. (Schiller J.Ch.F.) 31, 167
Шкловский В.Б. 20, 53, 119, 137
- Эйхенбаум** Б.М. 22, 29, 30, 44, 45, 47, 56, 119, 135–138
Элиот Дж. (Eliot G., псевд. Mary Anno Marian Evans) 135
Энгель (Engel В.А.) 35, 154, 155
Энгельштейн Л. (Engelstein L.) 82
- Mann T. 11

Summary

Tolstoy's works are not just literary masterpieces. They are also mirrors of the cultural, historical and social transformations that were taking place in Czarist Russia. This study examines three of his novels from this perspective, as reflecting the evolution of the marriage institution in Russia during the second half of the nineteenth century.

Family Happiness anticipates the transition from the marriage of convenience, intrinsic to the economic and social structure deriving from large landed property, to the bourgeois marriage, mirroring the social changes which were taking place after the Great Reforms. *Anna Karenina* is the novel which best illustrates the nature of the marriage of convenience, depicting its definitive crisis in Anna's attempts to flaunt and justify her adultery. In this she challenges her contemporaries, and decrees the end of the marriage of convenience, which tolerated adultery provided it was committed privately. Anna's fearless decision to make her relationship public leads to her death. But her choice also illustrates a new alternative for women who, towards the end of the century, were acquiring greater awareness of the "woman problem".

If *Family happiness* shows the first cracks in the institution of aristocratic marriage by questioning a mechanism which, being a mere contract of alliance between families, does not contemplate personal feelings and allows no expectation of happiness for the spouses (in particular for women), *Anna Karenina* shows an institution in deep crisis. An attempt at solution can be glimpsed in the complex sequences of events in *The Kreutzer Sonata*. Beyond Pozdnyšev's murderous insanity, we can see a transition to a new type of marriage based on sentiments. Between the lines of his confession, we can see the birth of a bourgeois marriage relationship, with a nuclear family based on

---

love and the education of children (previously delegated to nurses and tutors). The time of the Great Reforms, with the birth of a new social class and the demise of the aristocracy, requires a family structure to match these changed conditions. The bourgeois family is now the focus for feelings, for love, as well as for sexuality, for which it is the only focus permitted by state and church. Nonetheless, the family remains a place in which relations of power on the axes of husband-wife and parents-children continue to exist, albeit with new modalities. The transition to a modern model does not mean the end of the family as a microcosm with disciplinary powers among its members, but its affirmation in different terms and manners.

Considering these issues also raises the question of the relationship between society and literature. As well as mirroring social and cultural change, literature contributes to produce such change. This study aims to read historical reality from between the lines of literature and at the same time to show how, in a literature-centred society like Russia's, Tolstoy's works may have helped generate new models for life. Thus Anna's suicide is a shout of denunciation which appears to have penetrated the unconscious of Tolstoy's readers, influencing their mentalities and their behaviour.

Contents

<i>Foreword</i>	7
Literature and society	11
<i>Family happiness</i>	25
Symptoms of the crisis	27
The cultural environment in the 1840s and 1850s	30
The social status of women in the first half of the 19th century	33
Female education	38
French influences	44
What is “family happiness”?	49
<i>Anna Karenina</i>	53
The institute of marriage in <i>Anna Karenina</i>	55
The institute of marriage for convenience	57
The patriarchal family	63
Divorce in the time of <i>Anna Karenina</i>	74
The changes brought about by the reforms	80
Towards a new family	91
The reception of <i>Anna Karenina</i> in Russia at the end of the 19th century	96
Criticism in the last quarter of the 19th century	98
Narodnik and conservative criticism	101

Psychological and realistic approaches	115
The trial of Anna	118
The institution of marriage and the critics	124
The finale	130
A <i>foreign</i> novel	134
<i>The Kreutzer Sonata</i>	141
<i>The Kreutzer Sonata</i> and the genesis of a bourgeois marriage	143
The bourgeois family	151
A new model of marriage	160
The effect of the contract on love and sex	166
Adultery as a threat to society	184
Divorce at the end of the century	191
Discussion of <i>The Kreutzer Sonata</i>	195
Criticism from the Church	199
Religious writers and philosophers	207
Conservative and narodnik criticism	214
The plain reader's reaction	219
The birth of new sexual discourses	223
 <i>Instead of an afterword</i>	 227
<i>Bibliography</i>	233
<i>Index of names</i>	261
<i>Summary</i>	266

Заламбани М.
3-22   Институт брака в творчестве Л.Н. Толстого: «Семейное счастье». «Анна Каренина». «Крейцера соната» / Пер. с итал. К. Ланда. М.: РГГУ, 2017. 268 с.
ISBN 978-5-7281-1881-7

Новая монография итальянского слависта Марии Заламбани (Болонский университет, Италия) посвящена эволюции представлений Л.Н. Толстого о семейных и половых отношениях: от повести «Семейное счастье» – через роман «Анна Каренина» – к скандальной «Крейцеровой сонате». М. Заламбани также рисует яркую картину литературной и общественной жизни России.

Монография будет интересной и полезной специалистам, студентам, а также широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1
ББК 63.3(5)-7

Научное издание

Заламбани Мария

ИНСТИТУТ БРАКА
В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО:
«Семейное счастье». «Анна Каренина».
«Крейцера соната»

Редактор *Т.Ю. Журавлева*

Корректор *Ж.П. Григорьева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

Подписано в печать 02.10.2017.
Формат 60×84 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 16,6. Усл. печ. л. 15,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 109

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8-499-973-42-06